

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

1'2023

Выпуск 1 (225)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 1 (225) 2023

ТОМСК
2023

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

- А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);*
С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);
А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);
Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);
А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
S. Odintsov, профессор (Барселона, Испания);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издательства:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано: ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 09.01.2023. Дата выхода в свет: 30.01.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18,25. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1236/н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 1 (225) 2023

**TOMSK
2023**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);
S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
S. Odintsov, (Barcelona, Spain);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kurjanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 09.01.2023. Publication date: 30.01.2023. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1236/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

К 25-летию научного журнала «Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)»	7
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
Ухоботова С. В. Мультимодальные паттерны компенсации речевых сбоев (на материале студенческого диалогического дискурса)	9
Мацкевич Н. А. Когнитивное моделирование терминосистемы «дизайн открытого архитектурного пространства»	19
Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному)	32
Тимошенко Л. О. Конструктивное преодоление проблемности сознания	41
Сараева Е. Е., Детинко Ю. И. Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию	49
Bakina A. D. The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units	58
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
Миклухо Ю. Ю. К проблеме художественного перевода поэзии У. Стивенса	69
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ	
Сы Цзюньцзинь, Чжан Цзяци. Реформа преподавания иностранной литературы на фоне «новой концепции гуманитарных наук» (опыт реализации в современной системе образования Китая)	76
РУССКИЙ ЯЗЫК	
Болотнова Н. С. Гармонизация общения участников интервью в авторской телевизионной программе: коммуникативно-прагматический и регулятивный аспекты	86
Иванченко С. А. О некоторых особенностях цветовой картины мира М. А. Волошина и средствах ее вербализации	95
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Коротченко Т. В. Рассказ «Бобок» Ф. М. Достоевского в переводе Б. Л. Бразоля: к вопросу о жанровых трансформациях.	103
Насонова А. В., Полева Е. А. Приемы создания образа персонажа-ребенка в книге В. Астафьева «Последний поклон»	113
Ходина Е. Ю. Прозаические миниатюры А. Гиваргизова из книги «Переход»: опыт анализа креолизованного текста	123
Щуков Д. А. «Арзамасский код» и творческие модели В. А. Жуковского в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя	132
РЕЦЕНЗИИ	
Болотнов А. В. Рецензия на монографию Е. А. Баженовой и В. И. Шенкман «Понятие школа и его дискурсивные реализации»	143

CONTENTS

On the 25th Anniversary of the Scientific Journal "Tomsk State Pedagogical University Bulletin"	7
---	---

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Ukhobotova S. V.</i> Multimodal Patterns of Speech Disfluencies Compensators (Based on Student Dialogic Discourse)	9
<i>Matskevich N. A.</i> Cognitive Modelling of Term System "Open Architectural Space Design"	19
<i>Nebera M. V.</i> Axiological Dominant "Family": the Specifics of Representation in Linguodidactic Discourse (Based on Textbooks on Russian as a Foreign Language)	32
<i>Timoshenko L. O.</i> Constructive Overcoming the Problems of Consciousness	41
<i>Sarayeva E. E., Detinko Yu. I.</i> Multimodal Specifics of COVID-19 Poster: Impact on the Audience	49
<i>Bakina A. D.</i> The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units	58

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Miklukho Yu. Yu.</i> To the Problem of Literary Translation of W. Stevens' Poems into Russian.	69
--	----

METHODICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Si Jun-qin, Zhang Jia-qi.</i> Reform of Teaching Foreign Literature on the Background of the "New Concept of the Humanities" (Experience of Implementation in Modern China's Education System)	76
---	----

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Bolotnova N. S.</i> Harmonization of Communication of the Interview Participants in Author's TV Program: Communicative-Pragmatic and Regulative Aspects.	86
<i>Ivanchenko S. A.</i> On Some Features of M. A. Voloshin's Color Picture of the World and the Means of its Verbalization.	95

LITERARY STUDIES

<i>Korotchenko T. V.</i> A Short Story "Bobok" by F. M. Dostoevsky Translated by b. L. Brazol: Genre Transformations	103
<i>Nasonova A. V., Poleva E. A.</i> Techniques for Creating the Image of a Child Character in the Stories of V. Astafyev's Book "The Last Bow"	113
<i>Khodina E. Yu.</i> Prose Miniatures of A. Givargizov from the Book "Transition": Experience of Analysis of a Creolized Text	123
<i>Shchukov D. A.</i> "Arzamas Code" and V. A. Zhukovsky's Creative Models in "The Tale of How Ivan Ivanovich Quarrelled with Ivan Nikiforovich" by N. V. Gogol	132

REVIEWS

<i>Bolotnov A. V.</i> Review of the Monograph by E. A. Bazhenova, V. I. Shenkman "The Concept of School and Its Discursive Realization"	143
---	-----

**К 25-ЛЕТИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN)»**

В январе 2023 года журналу «Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)» исполнится 25 лет. Для научного издания это небольшой возраст, если его отсчитывать с рождения первого в истории научного журнала. Вместе с тем четверть века – достаточный срок, чтобы пройти проверку временем, осознать векторы собственного развития.

Первый выпуск «Вестника ТГПУ» вышел в свет в 1997 году как приложение к журналу «Образование Сибири» СО РАО, тем не менее это стало заявкой Томского государственного педагогического университета на научно-исследовательскую самостоятельность. В том же году вышли еще два номера, в итоге стартовая серия была представлена тремя разделами: гуманитарным (история, филология), естественно-научным (химия, физика), теорией и методикой преподавания в разных предметных областях.

В 1998 году в издание «Вестника ТГПУ» подключились структурные подразделения университета. Выпуски были практически факультетскими или даже кафедральными и обозначены как специальные номера: педагогика, право, филология (1998), физическая культура и спорт (1999), естественные науки, история, экономика (2000), психология (2002), философия, индоевропейские и сибирские языки, информационные технологии (2005), социология (2006).

Отдельные спецвыпуски были посвящены ученым, связанным с ТГПУ: один из номеров 1998 года – 60-летию профессора, чл.-корр. РАО В. А. Дмитриенко, четвертый номер 1999 года –

столетию профессора А. П. Дульзона, основателя томской лингвистической школы языков коренных малочисленных народов Сибири. В нем наряду с научными статьями были размещены воспоминания друзей и учеников, что сделало этот выпуск в какой-то степени бесценным с точки зрения реконструкции биографии и образа ученого. В номерах журнала разных лет отдельные разделы отводились профессорам В. М. Зеличенко, В. В. Обухову, В. И. Слободскому, Л. Ф. Пичурину, П. М. Лаврову, Н. С. Болотновой и др. Спецвыпуски и разделы, связанные с персоналиями, свидетельствуют о наличии в ТГПУ крупных ученых, научных школ и направлений. Сейчас эти научные школы действуют, развиваются, иницируют актуальные исследования и получают грантовую поддержку авторитетных научных фондов.

В ландшафте содержаний выпусков «Вестника ТГПУ» за 25 лет отразилась и тенденция к междunarодным коллаборациям: например, в 2007 году вышел совместный выпуск Томского государственного педагогического университета и Хиросимского университета. Один из номеров 2014 года представил результаты исследования в области космологии российских и зарубежных ученых из России (Москва, Дубна, Новосибирск, Омск, Томск и др.), Бразилии, Греции, Китая, Италии, Испании, Германии, США, Японии, Австралии.

«Вестник ТГПУ», став первым научным журналом вуза, определил и возникновение других самостоятельных изданий университета. В 2013 году учреждены сразу два журнала: «Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology» и «Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review». В 2015 году они вошли в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации. В 2015 году «Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology» был включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

В 2014 году вузом было предпринято издание еще одного журнала – «ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики». Журнал стал площадкой интеграции научных дискурсов (философия,

искусство, культурология, литературоведение, история, социология, политология, археология) на основе семиотического подхода и семиотической интерпретации визуального знака и визуального текста. Журнал выступит как научная манифестация актуальных семиотических исследований российских и зарубежных ученых, а также станет подборкой лучших научных докладов, представленных на международной научной конференции «Визуальная антропология. Современный город: конструирование общественных пространств» (2018, 2019): совместный проект ТГПУ и Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. В 2018 году журнал «ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики» был включен в международную базу Scopus.

Сегодня «Вестник ТГПУ» представляет собой самостоятельное научное издание, в выпусках которого публикуются статьи по филологическим и педагогическим наукам. Журнал включен в перечень ВАК и в базу данных РИНЦ; в международную базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory, в ERIN PLUS, DOAJ, EBSCO.

На страницах журнала публикуются авторы из России и ближнего зарубежья: Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Республики Беларусь и из стран Азии и Европы (Ирана, Бразилии, Китая, Японии и др.).

История становления «Вестника ТГПУ» позволяет утверждать, что с самого начала и по сегодняшний день журнал остается верен лучшим традициям научного издания, вносящего существенный вклад в продвижение нового знания, в интег-

рацию пространства научного диалога авторитетных и молодых ученых.

По результатам экспертизы ВАК в 2022 году «Вестнику ТГПУ» присвоена первая категория, а это значит, что у журнала есть потенциал для включения в международные базы данных, а у редколлегии журнала есть амбиции и цель развивать научное издание, работать для повышения его авторитетности в научном сообществе, усиления его рейтинговых позиций.

Исходя из 25-летней истории становления «Вестника ТГПУ» можно говорить о нескольких очень важных траекториях будущего издания. Во-первых, с самого начала и по сегодняшний день журнал остается верен традициям научного и интеллектуального издания, позволяющего каждому автору ощущать себя органической частью культуры научной мысли и предоставляющего каждому автору возможность встречи-диалога с другими учеными.

Во-вторых, история становления и развития «Вестника ТГПУ» свидетельствует о неоспоримой потенциальности журнала в будущем стать востребованным и высокорейтинговым научным изданием.

И в-третьих, чтобы желание иметь высокий потенциал трансформировалось во второе рождение журнала, очень важен человеческий фактор. А это уже цель и амбиции каждого из нас: будь то начинающий исследователь или авторитетный ученый.

А. Н. Макаренко,
доктор физ.-мат. наук,
ректор ТГПУ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'271.1-028.16+81'221.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-9-18>

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ КОМПЕНСАЦИИ РЕЧЕВЫХ СБОЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Софья Вячеславовна Ухоботова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
ukhobotova.sofya25@gmail.com

Аннотация

Речь, являясь многоаспектным явлением, не теряет своей актуальности в лингвистических исследованиях. Известно, что вербальная коммуникация появилась эволюционно позднее невербальной формы, тем не менее мультимодальный подход к моделированию языкового общения на базе спонтанного диалога только начинает развиваться в отечественной лингвистике.

Целью статьи являются предоставление данных о соотношении вербального и невербального компонентов в моменты затруднений развертывания устного спонтанного дискурса между двумя коммуникантами и их последующая систематизация в виде основных мультимодальных паттернов.

Материалом исследования послужили 16 видеофрагментов спонтанных диалогов носителей русского языка, общий хронометраж которых составил 90 минут. Анализируемый видеоматериал относится к студенческому спонтанному диалогическому дискурсу. Темы диалогических выступлений условно можно разделить на два блока – общение друзей/коллег и общение между клиентом и обслуживающим персоналом. Каждый видеофрагмент проаннотирован в программе ELAN v. 6.2. Представленные результаты основаны на общелингвистических описательном и сравнительно-сопоставительном методах, а также методе анализа когнитивного события. При описании когнитивного события и приведении статистических данных представлены основные мультимодальные паттерны, характеризующиеся наиболее частотными видами речевых сбоев и воспроизводимым набором невербальной реакции на их образование.

Настоящее исследование строится на идее жестовой воспроизводимости. В результате анализа выявлены основные типы речевых сбоев, разделенных на пять блоков. Каждый из блоков сопровождают основные повторяющиеся мультимодальные паттерны, реализуемые в разных каналах, – мануальный, окуломоторный и целографический. Количество речевых сбоев, регистрируемых на внешнем уровне, прямо зависит от темы и не всегда от уровня компетенции говорящих, так как все диалоги являются импровизацией студентов, имеющих пресуппозиции относительно развертывания дискурса в зависимости от заданной роли.

Речевые сбои и принципы их компенсации в разных мультимодальных каналах зависят как от внутренних (когнитивных), так и от внешних факторов (перекрестная речь, перебивания), которые представляют взаимопроницающую неделимую систему.

Ключевые слова: мультимодальный паттерн, речевой сбой, мануальные жесты, окуломоторный канал, целографический канал, когнитивное событие, перекрестная речь

Для цитирования: Ухоботова С. В. Мультимодальные паттерны компенсации речевых сбоев (на материале студенческого диалогического дискурса) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 9–18. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-9-18>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

MULTIMODAL PATTERNS OF SPEECH DISFLUENCIES COMPENSATORS (BASED ON STUDENT DIALOGIC DISCOURSE)

Sof'ya V. Ukhobotova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ukhobotova.sofya25@gmail.com

Abstract

Speech as a multidimensional phenomenon still remains relevant in linguistics studies. It is known that verbal communication evolved later than non-verbal one, however, a multimodal approach to language communication modeling based on spontaneous dialogues is only gaining momentum in Russian linguistics studies.

The aim of the article is to provide data on principles of verbal and non-verbal correlation at times of difficulty during the development of spoken discourse between two speakers, as well as to systematize them in the most frequent multimodal patterns.

The material of the article is 16 video clips of spontaneous dialogues of Russian native speakers, the total timing is 1.5 hours. The annotated video materials are students' spontaneous dialogic discourse. The topics of dialogues can be divided into two groups – communication between friends/colleagues and communication between the client and service staff. Each video clip is annotated in ELAN v.6.2. The presented results are based on general linguistic methods of description and comparison, as well as a method of analyzing a cognitive event. Analyzing cognitive events and providing statistics on the subject, we describe the main multimodal patterns, which have been classified by the frequent nature of some speech disfluencies and non-verbal response to them.

Our study is based on the gestural repetition concept. As a result, the most common speech disfluencies have been identified and divided into five large blocks. Each of the blocks is accompanied by the main multimodal patterns, implemented in different channels – manual channel, gaze channel and cephalic channel. The number of speech disfluencies recorded at the external level directly depends on the topic and not always on the level of competence of the speakers, since all dialogues are improvised by students who only have presuppositions regarding the deployment of discourse depending on the given role.

Speech disfluencies and the principles of their compensation in different multimodal channels depend on both internal (cognitive) and external factors (overlapping and interruptions), which represent an interpenetrating indivisible system.

Keywords: multimodal pattern, speech disfluency, manual channel, gaze channel, cephalic channel, cognitive event, overlapping

For citation: Ukhobotova S. V. Mul'timodal'nyye patterny kompensatsii rechevykh sboev (na materiale studentcheskogo dialogicheskogo diskursa) [Multimodal Patterns of Speech Disfluencies Compensators (Based on Student Dialogic Discourse)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 9–18 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-9-18>

Введение

Еще в XVII в. известный шотландский ученый Д. Непер писал: «Если язык был дан человеку, чтобы скрывать свои мысли, то роль жестов, напротив, состоит в их раскрытии» [1, с. 4]. Невербальная коммуникация как несловесная форма человеческого взаимодействия стала предметом исследований антропологов, социологов, психологов и культурологов только к концу XX в. Ученые на основе полевых и лабораторных исследований стали описывать основные, часто воспроизводимые жесты и создавать специализированные словари.

Лингвисты, прежде сосредоточившись исключительно на анализе письменных текстов, постепенно начинают расширять спектр своих научных интересов, в том числе исследуя устный дискурс.

Данный вид дискурса предполагает анализ как вербального, так и невербального аспектов коммуникации. Традиционно устную коммуникацию можно представить в двух основных формах – подготовленная и неподготовленная (спонтанная) речь. Ученые установили, что, даже будучи подготовленной, речь выступающего тем не менее содержит правки, паузы, колебания, хотя их количество значительно ниже, чем в неподготовленной [2, с. 2]. Интеллектуальная деятельность требует больших когнитивных затрат на поиск и вербализацию необходимых языковых единиц, вследствие чего нередко появляются ситуации потери беглости речи (speech disfluencies), или, как принято называть в отечественной лингвистической традиции, речевые сбои.

Идея о выявлении когнитивных принципов речепорождения и речепонимания через анализ речевых сбоев считается одной из ведущих в психолингвистических исследованиях конца XX – начала XXI в. (см. работы Т. В. Ахутиной [3], Г. Делла [4], Ю. В. Красикова [5], В. Левелта [6], А. А. Леонтьева [7], А. Постма [8], Ф. Г. Эйслер [9] и т. д.).

Помимо речевых сбоев как основного аспекта устной формы коммуникации лингвистами также сравнительно недавно стал рассматриваться невербальный компонент. Известный британский ученый и специалист по жестам А. Кендон был в числе первых, кто говорил о том, что «жестикация настолько взаимосвязана с речью», что они «тем самым должны рассматриваться как два аспекта одного процесса» [10, с. 6].

По причине всеобъемлемости предмета исследования на сегодняшний день существует большое количество определений, каждое из которых привносит необходимые для конкретной работы характеристики. В широком смысле под жестом понимается визуально считываемое движение человеческого тела или таких его частей, как движение рук (мануальный канал), головы (целографический канал), корпуса, направление взгляда (окуломоторный канал) и пр.

На данный момент проведен целый ряд лингвистических исследований, большинство из которых сосредоточено на изучении соотношения следующих речеповеденческих характеристик: работа о параллельности в направлении движения руки и движения тона [11], о связи фазы маха жеста с подъемами интонации [12], о движениях головы и их связи с просодикой [13], о корреляции указательных жестов с просодическими средствами в кантонском диалекте [14] и т. д.

Невозможно также оставить без внимания проект отечественных ученых «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс», где на материале корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» исследуются разные аспекты мультимодальной коммуникации, в том числе уделяется внимание анализу речевых сбоев в устном русском монологическом дискурсе [15].

В данной статье рассматривается взаимосвязь жестов и одного из основополагающих принципов развертывания устной речи – речевых сбоев. Жестовое сопровождение речи не вызывает сомнений, однако вопрос о степени интенсивности жестов в моменты потери беглости речи и об основных характеристиках речевых сбоев и сопутствующих им жестов в спонтанном диалогическом дискурсе по-прежнему является предметом современных научных исследований. В связи с чем целью статьи является описание принципов соотношения вербального и невербального компонентов в моменты рече-

вых сбоев и их систематизация в виде основных мультимодальных паттернов.

Самим понятием «паттерн» впервые начали активно оперировать в психотерапевтической практике, основанной в том числе на теории межличностной коммуникации П. Вацлавика, Дж. Бивина и Д. Джексона [16]. Под паттерном в широком смысле стали понимать категорию, на основе которой можно проследить формирование и развитие поведения отдельного человека на базе усвоенных им в процессе обучения стереотипных действий. И. В. Леонов подчеркивает, что паттерн представляет собой основной внутренний принцип познавательного гештальта, «согласно которому актуализированные в сознании субъекта идеи организуются в когнитивную целостность» [17, с. 29].

Под *мультимодальным паттерном* в данной статье понимается устойчивый и воспроизводимый комплекс вербально-поведенческих реакций, регистрируемых на уровне отдельных каналов (модусов) коммуникации.

В следующих разделах рассмотрим примеры, демонстрирующие прямую взаимосвязь интенсивности и последовательности задействованных средств невербального уровня с типом речевых сбоев.

Материал и методы

Описание и систематизация мультимодальных паттернов были проведены на основе собранного видеоматериала спонтанного диалогического дискурса, участниками которого являлись студенты Сибирского федерального университета (г. Красноярск). Общее время отснятого материала на данный момент составляет 90 мин (16 видеофайлов). Тематику диалогического взаимодействия условно можно разделить на два блока: 1) обсуждение современных проблем между друзьями/коллегам (жизнь до и после первой волны коронавируса, рекомендации по покупке автомобиля, организация корпоратива в компании – восемь видеофрагментов) и 2) взаимодействие клиента и обслуживающего персонала (консультация в турагентстве, решение проблемы неисправного оборудования – восемь видеофрагментов). В ходе анализа собранного материала и его последующей разметки в программе ELAN v.6.2 были выявлены закономерности поведения коммуникантов в спонтанной диалогической речи, причем, как и предполагалось, в обоих тематических блоках наблюдаются свои отличительные характеристики вербального и невербального поведения коммуникантов.

Данные об основных мультимодальных паттернах в моменты речевых сбоев получены на основе общелингвистических описательного и сравнительно-сопоставительного методов, а также метода

анализа когнитивного события, который успешно апробирован в исследовании мультимодального восприятия при работе синхронных переводчиков [18] и изучении механизма лингвокреативных решений в локализационных проектах [19].

Мультимодальные паттерны тесно связаны с когнитивными, т. е. ментальными способностями индивида. «Когниция» как основополагающий термин когнитивистики охватывает мыслительные процессы и их результаты – знания, которые способствуют приспособлению индивида к окружающей среде и его выживанию [20]. *Когнитивное событие* рассматривается нами как отрезок речи активного коммуниканта в совокупности с невербальным компонентом всех вовлеченных в коммуникативный акт участников.

Результаты и обсуждение

Речевые сбои как основополагающий речемыслительный механизм могут возникать по внешним и внутренним причинам. К внешним условиям нарушения беглости речи в том числе можно отнести перекрестную речь (overlapping), которая предполагает вступление слушающего в вербальный контакт, приводящий к смене/попытке смены ведущего участника коммуникации. В широком смысле перекрестную речь можно разделить на две группы – поддакивание (backchannel) и инициативу смены ролей (turn requests). В рамках настоящего исследования нам прежде всего интересно поведение коммуникантов во время инициативы смены ролей, которое, как было выявлено в предыдущих исследованиях, в отличие от слов-поддакиваний влияет на общее количество речевых сбоев [21].

Смену ролей в свою очередь можно представить очевидной инициативой смены (turn request) и вовлеченной сменой (anticipated turn taking). Принципиальная разница вовлеченной смены от первой заключается в том, что она наступает только в момент считывания пассивным говорящим признаков завершения речевого акта ведущим коммуникантом (к примеру, нисходящая интонация, абсолютная пауза) [21, с. 2].

Передача коммуникативного хода от одного коммуниканта к другому в вопросно-ответной форме не является фокусом статьи, так как в большинстве случаев не приводит к возникновению речевых сбоев. На записанном материале удалось установить, что инициатива смены и вовлеченная смена предполагают возникновение речевых сбоев у пассивного коммуниканта, претендующего на роль ведущего. Согласно статистическим данным (табл. 1), речевые сбои внешнего характера свойственны преимущественно для блока диалогов между кол-

легами/друзьями, так как именно там чаще наблюдаются ситуации перекрестной речи.

Таблица 1

Соотношение речевых сбоев внешнего уровня и типов перекрестной речи

Блок	Инициатива смены	Вовлеченная смена	Речевые сбои прерывающего	Речевые сбои прерванного
Диалоги с друзьями/коллегами	31	38	28	9
Диалоги с клиентами и продавцами	10	3	4	1

Второй блок тем, связанных с общением между клиентами и продавцами, демонстрирует меньшее количество речевых сбоев. Предполагаем, это может быть связано со стремлением персонала к кооперативному общению как к упорядоченному и комбинированному типу взаимодействия. В блоке 2 инициатива смены значительно преобладает, но сам показатель не является высоким. Сценарии инициативы прерывания реплики активного говорящего в анализируемых нами когнитивных событиях связаны с неразрешимостью конфликта либо выражением недовольства покупателя ответом персонала.

Примечательно, что речевые сбои, вызванные внешними условиями, встречаются у пассивного коммуниканта, прерывающего/стремящегося прервать реплику активного. Практически все речевые сбои в таком случае являются примерами хезитаций (как правило, это абсолютная пауза и заполненная пауза).

Внутренние условия возникновения речевых сбоев можно условно разделить на два больших класса. К первому относятся перерывы, именуемые паузами колебаний, паузами хезитаций или просто хезитациями. Хезитации могут быть воплощены в абсолютных паузах, заполненных паузах, удлинении отдельных звуков, а также в лексических маркерах (т. е. маркерах препаративной подстановки). Второй класс внутренних речевых сбоев в отличие от первого подразумевает перестроение или изменения речевых отрезков и включает самоисправление [2, с. 3].

При речевых сбоях человек стремится показать его сохраняющуюся вовлеченность в процесс говорения, так что заминки, означающие затухание речевого акта, начинают компенсироваться невербальными средствами, указывающими на активность говорящего.

Приведем некоторые примеры речевых сбоев и их компенсации на невербальном уровне.

I. Маркеры препаративной подстановки (placeholders)

Диалог № 8

А: хотя многие закрылись, конечно... Жалко (кивает головой, прижимает губы, отводит взгляд в сторону)

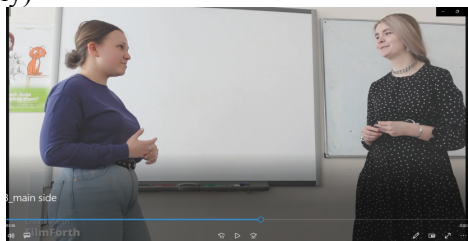

Рис. 1

А: у нас была эта... (0,5) (указывает большим пальцем на расположение кофейни)

Рис. 2

А: ...как ее... (0,9) (закрывает глаза, поднимает глаза в потолок, вращает кистями)

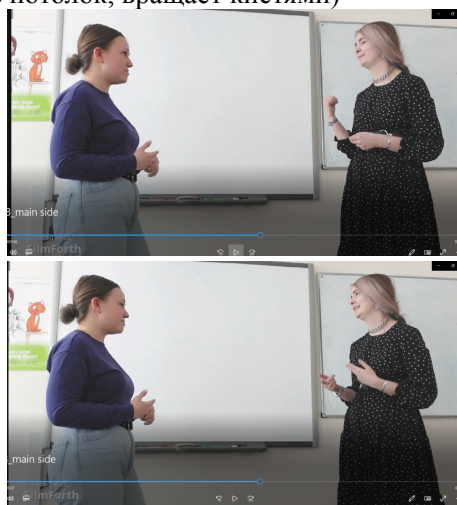

Рис. 3-4

А: э-э... (0,2) испанская кофейня... (0,3) с центра (смотрит на собеседника прямо)

Б: м-м... (0,4) не слышала (моргает головой)

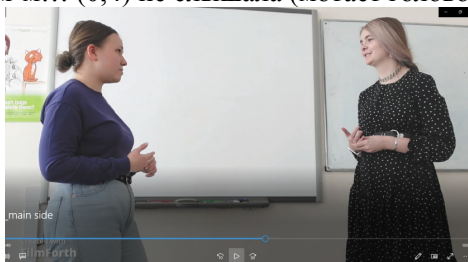

Рис. 5

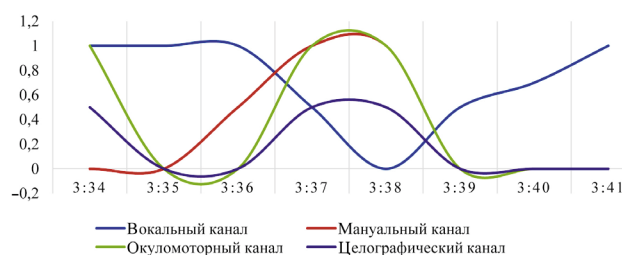

Рис. 6. Соотношение восполнения речевого сбоя невербальными средствами. На оси абсцисс отмечен временной отрезок когнитивного события в секундах, на оси ординат – приняты абсолютные величины (развертывание речи без запяток – 1, абсолютные паузы – 0; прямой взгляд на собеседника – 0, отвести взгляд в сторону – 1; фаза покоя – 0, ритмичные жесты руками – 1; вертикальное положение головы – 0, наклоны головы – 1)

На рис. 6 видно, что стремление ведущим коммуникантом не потерять коммуникативный ход и не оставить реплику незавершенной реализуется на невербальном уровне в пропорциональном соотношении. Контур невербального компонента выравнивается только при вербализации уместного, по мнению говорящего, варианта – *испанская кофейня* (см. рис. 5). Вращательные движения руками в этот момент затухают, и говорящий восстанавливает свое положение наиболее частотным для него жестом (потирает пальцы руки, вращает кольцо на руке). Примечательно, что пассивный говорящий все время выжидал, когда активному придет на ум нужный вариант. Взгляд коммуниканта Б направлен строго на коммуниканта А, жестикация первого в рассматриваемых каналах приостановлена, что может свидетельствовать о выжидательной тактике по причине отсутствия общих пресуппозиций со своим собеседником.

II. Заполненная пауза

Такой тип гезитации в анализируемом нами материале является самым частотным (порядка 95 % диалогов содержат от 20 и более ситуаций подобного речевого сбоя). Заполненные паузы предполагают долексическое оформление новой реплики (м-м-м или э-э-э), а также лексические маркеры речевого сбоя (*ну, ой, это самое*) [2, с. 8].

Диалог № 6

Б: я могу-у прийти... (0,2) попо-озже/(барабанил кончиками пальцев рук, смотрит на коммуниканта А)

Рис. 7

Рис. 8

А: да, конечно/(кивает головой, смотрит на коммуниканта Б)

... (0,5) э-э-э... (0,3) ну... (0,7) (учащенно моргает, отводит в сторону взгляд, опускает глаза, осматривает свои руки, пожимает плечами, разводит руками)

Рис. 9–11

Б: ну получается/тогда-а мне принести чек/гарантию... (0,2)/(смотрит на жесты коммуниканта А, уводит руки в сторону, перечисляет, загибая пальцы)

Рис. 12

Рис. 13

А: и сам... (0,1) ноутбук/(протягивает кисть к собеседнику, кивает)

Рис. 14

Б: ... (0,2) ноутбук (поворачивается к коммуниканту А)

Рис. 15

В примере выше (рис. 7–15) попытка компенсации запинки речевого хода со стороны невербального компонента наблюдается в учащенном моргании коммуниканта А. Как видно на рис. 11, взгляд коммуниканта Б в этот момент был направлен на руки собеседника. Пассивность невербалики со стороны коммуниканта А, в конце сопровождающаяся жестами пожимания плечами и разведения рук (рис. 11), была расценена вторым участником как условная возможность передачи слова. Абсолютная пауза при перечислении предметов коммуникантом Б в конце (рис. 14) также закончилась инициативой смены коммуникативного хода. Данный факт может говорить о стремлении коммуниканта А восполнить потерянную ранее вовлеченность в дискуссию.

Отметим, что в материале исследования заполненная пауза даже при отсутствии резких ритмичных телодвижений расценивается пассивным коммуникантом как попытка удержания коммуникативного хода активным, и частота инициативности смены ролей снижается.

III. Абсолютная пауза

Этот тип речевых сбоев должен означать прекращение/завершение вербализации речевого отрезка. За абсолютную паузу не принимаются слу-

чаи вовлеченной смены при завершении смысловой части реплики одним из коммуникантов. Абсолютная пауза рассматривается нами исключительно как нарушение развертывания устного спонтанного дискурса, возникающая преимущественно при обдумывании ответа или потери мысли говорящим. При аннотировании абсолютная пауза обозначается тремя точками с приведением в скобках времени в секундах.

Диалог № 14 Невербальные средства:
Б: ... (0,6) отводит взгляд, смотрит
вниз, разводит руками в
сторону

А: *есть какие-нибудь
предложения/*

Б: *[interrupt] я не знаю/*

ну... (0,6) предложе-

ния э-э... (0,2)

можно поспрашивать

у других/

... (0,4)

смотрит на собеседника,
моргает, двигает корпус к
собеседнику

А: *нет/*

нам нужно быстро

Зарегистрирован следующий мультимодальный паттерн – абсолютные паузы, сопровождающиеся пассивной жестикуляцией, во всех описанных когнитивных событиях означают смену ролей активного и пассивного говорящего.

IV. Самокоррекции

В отечественной лингвистике предложено выделять два основных режима самокоррекций – собственно коррекция (онлайн-коррекция) и ретроспективная коррекция (офлайн-коррекция), или редактирование [2, с. 3–4].

В онлайн-режиме самоисправление говорящим происходит непосредственно в момент обнаружения проблемы.

(1)

Диалог № 2 Невербальные средства:

А: ... (0,2) *я же вам* смотрит на собеседника

говорю/

хожу==/

сходила/в сервис-

ный центр

отводит взгляд в сторону,
прикрывает глаза, корпус тела
слегка отводит в сторону

(2)

Диалог № 1 Невербальные средства:

А: *включить они/* двигает корпус к собеседнику,
его не могу= прищуривается

не== м-м... (0,3)

мотает головой, закрывает гла-
за, машет рукой перед лицом

прошу прощения/

не могут/

кивает, улыбается

Ретроспективная коррекция предполагает редактирование постфактум, т. е. работу с уже вербализованным отрезком. Чаще всего корректиров-

ки происходят в плане уточнения или исправления определенных фактов.

Диалог № 8

Невербальные средства:

А: *а-а... (0,3) человек*

смотрит на собеседника

сидит/из Индии/

и вообще/нифига/не

рубит воздух рукой, смот-
рит на собеседника

слышит/

то есть... (0,2) нет/

отводит взгляд в сторону

слышно/его

машет руками

но иногда... (0,1) он

отводит ладонь в сторону

просто пропадает/

По нашим наблюдениям, активный говорящий во время самокоррекций обоих типов закрывает/прикрывает глаза, отводит взгляд в сторону и мотает головой. При ретроспективной коррекции отмечается увеличение ритмики и интенсивности мануальных жестов. Говорящий признает ошибку и старается немедленно «отменить», «перезаписать» прежде вербализованный кусок. В момент такой «отмены» он машет/трясет руками или рассекает воздух ритмичными движениями ладони (ладоней). Собственно коррекция компенсируется в большей степени на окуломоторном и целографическом уровнях, а присутствие компенсаторов со стороны мануального канала опционально и зависит от общей интенсивности жестикуляционного портрета говорящего. Их наличие может характеризоваться одиночными непродолжительными жестами, такими, как взмах рукой или кистью. Также зарегистрированы случаи продолжения жеста, аккомпанирующего предыдущую реплику, например сложенные в замок руки, скрещенные внизу руки и т. д.

V. Удлинение отдельных звуков

Этот тип речевых сбоев характеризуется пассивностью мануального канала, однако связан с вовлечением окуломоторного и цефалического каналов. Поведение человека можно привести к следующей закономерности: запрокидывает голову, водит глазами из стороны в сторону.

Диалог № 4

Невербальные средства:

А: *к нам ранее н-н==*

ни разу /

не приходили с такой/

проблемой

но-о ... (0,3), конечно,

запрокидывает голову, во-

мы по=/

дит глазами из стороны в

сторону

попытаемся решить

эту проблему

Таким образом, проанализировав все зарегистрированные случаи речевых сбоев, мы вывели процентное соотношение их компенсации в трех рассматриваемых каналах – мануальном, окуломоторном и целографическом (табл. 2). Невербальная часть мультимодального паттерна, складываемая в определенные жестовые цепочки, полностью или частично воспроизводится участниками эксперимента и зависит от типа речевого сбоя (табл. 3).

Таблица 2

Частотность компенсации речевых сбоев в разных мультиmodalных каналах

Мультиmodalный паттерн		Мануальный канал	Окуломоторный канал	Целографический канал
Маркеры препаративной подстановки		90%	80%	90%
Заполненная пауза		2%	96%	3%
Абсолютная пауза		4%	98%	8%
Самокоррекции	собственно коррекция	0%	97%	100%
	ретроспективная коррекция	87%		
Удлинение отдельных звуков		0%	95%	98%

Таблица 3

Основные мультиmodalные паттерны компенсации речевых сбоев в спонтанной диалогической речи

Мультиmodalный паттерн		Мануальный канал	Окуломоторный канал	Целографический канал
Маркеры препаративной подстановки		Задавать рукой направление; махать руками; вращать кистями	Прикрыть глаза; поднять глаза в потолок; отвести взгляд в сторону	Наклонить голову набок; запрокинуть голову; двинуть головой назад
Заполненная пауза		Движение рук(и) в прежде заданном жесте, например, двинуть руки, сложенные в замок, к собеседнику или в сторону; продолжение жеста рук, аккомпанирующего предыдущую фразу, например: скрестить руки внизу; сложить руки в замок; скрестить руки на груди потирать руки; обхватить ладонью кулак; потирать горло	Поднять глаза в потолок; отвести взгляд в сторону; водить глазами из стороны в сторону	Запрокинуть голову; повести головой вбок (опционально)
Абсолютная пауза		Поправить прическу; поправить одежду; продолжение жеста рук, аккомпанирующего предыдущую фразу, например: потирать руки; протянуть руку к собеседнику; ритмичные удары кулака по ладони; обхватить ладонью кулак	Посмотреть на собеседника; потупить глаза; опустить глаза	Опустить голову (опционально)
Самокоррекции	собственно коррекция	продолжение жеста рук, аккомпанирующего предыдущую фразу	Закатывать глаза; прикрывать глаза; отводить взгляд в сторону	Мотать головой; трясти головой; кивать; повести головой вбок
	ретроспективная коррекция	трясти руками; махать руками; рассекать воздух ритмичными движениями ладони		
Удлинение отдельных звуков		Отсутствие жестов либо продолжение жеста рук, аккомпанирующего предыдущую фразу	Водить глазами из стороны в сторону	Запрокинуть голову; вытягивать подбородок

Рассмотренные выше типы речевых сбоев не ограничиваются только внутренним уровнем организации, но тесно связаны с внешними обстоятельствами, реакциями собеседников. Все вербальные и невербальные компоненты в совокупности образуют сложный комплекс, характеризующий человеческое поведение при диалогическом взаимодействии.

Заключение

Посредством проаннотированной эмпирической базы выявлены некоторые закономерности устройства вербального и невербального поведения коммуникантов в процессе нарушения беглости речи. Основными каналами компенсации за-

держек вербального уровня служат мануальный (жесты рук), окулomotorный (взгляд) и целографический (жесты головы). В зависимости от типа речевых сбоев были зафиксированы особо актуализированные жестовые цепочки. Возможность выделить подобные паттерны также является подтверждением высказанной учеными идеи о воспроизводимости жестов. Стратегии компенсации речевых сбоев отличаются проявлением ритмичности и интенсивности жестов в разных каналах (модусах) коммуникации. Установлено, что при отсутствии намерения продолжать вербализацию начатого отрезка речи наблюдается пассивность вербального и невербального компонентов и, как следствие, происходит смена коммуникативного хода.

Список источников

1. Napier J. *Hands*. US: Princeton University Press, 1993. 200 p.
2. Подлеская В. И., Кирбик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.
3. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 1989. 424 с.
4. Dell G. A Spreading-activation Theory of Retrieval in Sentence production // *Psychological Review*. 1986. Vol. 93. P. 283–321.
5. Красиков Ю. В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М.: Наука, 1980. 124 с.
6. Levelt W. J. M. Monitoring and Self-repair in Speech // *Cognition*. 1983. Vol. 14. P. 41–104.
7. Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 2003. 250 с.
8. Postma A. Detection of Errors during Speech Production: A Review of Speech Monitoring Models // *Cognition*. 2000. Vol. 77. P. 97–131.
9. Eisler F. G. *Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech*. Academic Press Inc., 1968. 169 p.
10. Kendon A. Origins of Modern Gesture Studies // *Gesture and the Dynamic Dimension of Language* / eds. S. Duncan, J. Cassell, E. T. Levy. 2007. P. 1–11.
11. Calbris G. *Elements of Meaning in Gesture*. Amsterdam: Philadelphia (PA), 2011. 378 p.
12. Loehr D. P. Temporal, Structural and Pragmatic Synchrony between Intonation and Gesture // *Laboratory Phonology*. 2012. Vol. 3 (1). P. 71–89.
13. Graf H. P. et al. Visual prosody: Facial Movements Accompanying Speech // *Proceedings of the Fifth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition*. 2002. P. 396–401.
14. Fung H., Mok P. Temporal Coordination between Focus Prosody and Pointing Gestures in Cantonese // *Journal of Phonetics*, 2018. Vol. 71. P. 113–125.
15. Korotaev N. A. et al. Disfluencies in Russian Spoken Monologues: A Distributional Analysis // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2020»*. 2020. P. 454–466.
16. Watzlawick P., Beavin J. H., Jackson Don D. *Pragmatics of Human Communication. A Study of Interactional Patterns, Pathologies and Paradoxes*. London: Faber and Faber, 1968. 296 p.
17. Леонов И. В. Паттерны культурно-исторического процесса: парадигмально-тематический анализ: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015. 41 с.
18. Chistova E. V. Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2020. Vol. 13 (3). P. 375–384.
19. Колмогорова А. В., Чистова Е. В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2020. № 3. С. 59–71.
20. Колмогорова А. В. *Languaging: язык в точке пересечения коммуникации и когниции* // *Когнитивные исследования языка*. 2017. № 29. С. 95–103.
21. Adda G. et al. Speech Overlap and Interplay with Disfluencies in Political Interviews. 2007. P. 41–46.

References

1. Napier J. *Hands*. US.: Princeton University Press, 1993. 200 p.
2. Podlesskaya V. I., Kirbik A. A. Samoispavleniya govoryashchego i drugiye tipy rechevykh sboev kak ob"yekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi [Speaker's self-corrections and other types of speech disfluencies as an object of annotation in spoken

- corpora]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnyye protsessy i sistemy – Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems*, 2007, no. 2, pp. 2–23 (in Russian).
3. Akhutina T. V. *Porozhdeniye rechi. Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa* [Generation of speech. Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy kul'tury Publ., 1989. 424 p. (in Russian).
 4. Dell G. A. Spreading-activation Theory of Retrieval in Sentence production. *Psychological Review*, 1986, vol. 93, pp. 283–321.
 5. Krasikov Yu. V. *Teoriya rechevykh oshibok (na materiale oshibok naborshchika)* [Theory of speech errors (on the typesetter's errors material)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 124 p. (in Russian).
 6. Levelt W. J. M. Monitoring and Self-repair in Speech. *Cognition*, 1983. Vol. 14. P. 41–104.
 7. Leont'ev A. A. *Psikholingvisticheskiye edinitzy i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterance]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 250 p. (in Russian).
 8. Postma A. Detection of Errors during Speech Production: A Review of Speech Monitoring Models. *Cognition*, 2000, vol. 77, pp. 97–131.
 9. Eisler F. G. *Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech*. Academic Press Inc., 1968. 169 p.
 10. Kendon A. Origins of Modern Gesture Studies. *Gesture and the Dynamic Dimension of Language*. Eds. S. Duncan, J. Cassell, Elena T. Levy. 2007. Pp. 1–11.
 11. Calbris G. *Elements of Meaning in Gesture*. Amsterdam; Philadelphia (PA), 2011. 378 p.
 12. Loehr D. P. Temporal, Structural and Pragmatic Synchrony between Intonation and Gesture. *Laboratory Phonology*, 2012, vol. 3 (1), pp. 71–89.
 13. Graf H. P. et al. Visual prosody: Facial Movements Accompanying Speech. *Proceedings of the Fifth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition*, 2002, pp. 396–401.
 14. Fung H., Mok P. Temporal Coordination between Focus Prosody and Pointing Gestures in Cantonese. *Journal of Phonetics*, 2018, vol. 71, pp. 113–125.
 15. Korotayev N. A. et al. Disfluencies in Russian Spoken Monologues: A Distributional Analysis. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2020"*, 2020. Pp. 454–466.
 16. Watzlawick P., Beavin J. H., Jackson Don D. *Pragmatics of Human Communication. A Study of Interactional Patterns, Pathologies and Paradoxes*. London, Faber and Faber, 1968. 296 p.
 17. Leonov I. V. *Patterny kul'turno-istoricheskogo protsessa: paradigmal'no-tematicheskiy analiz. Avtoref. dis. dokt. kul'turologii* [Patterns of the cultural-historical process: paradigm-thematic analysis. Abstract of thesis. doc. cultural studies]. Saint Petersburg, 2015. 41 p. (in Russian).
 18. Chistova E. V. Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2020, vol. 13 (3), pp. 375–384.
 19. Kolmogorova A. V., Chistova E. V. Kognitivnyy mekhanizm porozhdeniya kreativnykh resheniy v perevodcheskoy deyatel'nosti [Cognitive Basis of Making Creative Decisions in Translation Activities]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of Volgograd State University*, 2020, no. 3, pp. 59–71 (in Russian).
 20. Kolmogorova A. V. Languaging: yazyk v tochke peresecheniya kommunikatsii i kognitsii [Languaging: Language at the intersection of communication and cognition]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Research Studies*, 2017, no. 29, pp. 95–103 (in Russian).
 21. Adda G. et al. *Speech Overlap and Interplay with Disfluencies in Political Interviews*, 2007. Pp. 41–46.

Информация об авторе

Ухоботова С. В., магистрант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the author

Ukhobotova S. V., undergraduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 26.07.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 81'373:721.012

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-19-31>

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ДИЗАЙН ОТКРЫТОГО АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА»

Нина Александровна Мацкевич

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
nina.a.matskevich@gmail.com*

Аннотация

На данном этапе развития терминоведения особый интерес лингвистов привлекает изучение терминологии специальных областей знаний с помощью когнитивного подхода. Использование фреймового анализа позволяет наиболее успешно представить модель любой профессиональной терминосистемы. Цель работы заключается в построении когнитивно-фреймовой модели русской терминосистемы предметной области «дизайн открытого архитектурного пространства» как фрагмента архитектурно-дизайнерской терминологии профессиональной сферы «дизайн архитектурной среды».

Материалом для анализа послужили более 690 лексических единиц области «дизайн открытого архитектурного пространства», отобранные приемом сплошной выборки из текстов учебно-научных и интернет-источников по специальности «дизайн архитектурной среды», архитектурно-дизайнерских и лингвистических словарей и справочников. Методология исследования основывается на общенаучных и лингвистических методах и приемах: описательного, сравнительно-сопоставительного методов, приемов классификации и лингвистического моделирования, а также дефиниционного, контекстного и фреймового анализа.

Определены основные понятия в рамках когнитивного подхода. Представлена интерпретация терминов «фрейм», «субфрейм», «слот». Освещены теоретические основы фреймового моделирования, обоснована структура фрейма, применяемая в исследовании. Построена иерархическая когнитивно-фреймовая модель терминосистемы «дизайн открытого архитектурного пространства», состоящая из макрофрейма «дизайн открытого архитектурного пространства» во главе иерархии и трех фреймов на следующем уровне: «дизайн городской среды», «ландшафтный дизайн», «светодизайн». Внутри каждого фрейма выделены единицы более низких уровней – субфреймы, слоты и микрослоты. Изучены межфреймовые процессы: выявлены отношения пересечения внутри макрофрейма «дизайн открытого архитектурного пространства», в том числе между единицами разных уровней, а также отношения пересечения макрофреймов «дизайн открытого архитектурного пространства» и «дизайн интерьера». Определена особая роль фрейма «светодизайн», состоящего из общей терминологии для макрофреймов «дизайн открытого архитектурного пространства» и «дизайн интерьера», а также специфичных терминов для каждого из них.

Фреймовая модель терминосистемы «дизайн открытого архитектурного пространства» дает возможность представить иерархически организованную систему терминологии данной предметной области и выявить ее внутрисистемные отношения. Результаты исследования могут быть полезны для терминоведов, специалистов в сфере дизайна архитектурной среды, преподавательской практики в вузах.

Ключевые слова: *дизайн архитектурной среды, дизайн открытого архитектурного пространства, архитектурно-дизайнерская терминология, русский язык, фрейм, когнитивно-фреймовое моделирование*

Для цитирования: Мацкевич Н. А. Когнитивное моделирование терминосистемы «дизайн открытого архитектурного пространства» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 19–31. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-19-31>

COGNITIVE MODELLING OF TERM SYSTEM “OPEN ARCHITECTURAL SPACE DESIGN”

Nina A. Matskevich

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk Russian Federation, nina.a.matskevich@gmail.com

Abstract

At this stage of the terminology development, terminologists are particularly interested in studying the terminology of special fields of knowledge using a cognitive approach. The use of frame analysis in terms of this approach makes it possible to present the terminology model of any professional field most successfully. The purpose of the paper is to build a cognitive-frame model of the Russian term system of the field "Open architectural space design" as a fragment of the architectural and design terminology of the professional sphere "Design of architectural environment".

The material for the analysis is more than 680 lexical units of the field "Open architectural space design", selected using a continuous sampling method from texts of educational, scientific and Internet sources of the specialty "Design of the architectural environment", architectural design and linguistic dictionaries and reference books. The research methodology is based on general scientific and linguistic methods and techniques: descriptive, comparative methods, methods of classification and linguistic modeling, as well as definitional, contextual and frame analysis.

The basic concepts within the framework of the cognitive approach are defined. The interpretation of the terms frame, subframe, slot is presented. The theoretical foundations of frame modeling are highlighted, the frame structure used in the study is justified. A hierarchical cognitive-frame model of the term system "Open architectural space design" is constructed, consisting of three frames: "Urban environment design", "Landscape design", "Lighting design". Within each frame, units of lower levels such as subframes, slots and micro-slots are allocated. Interframe processes have been studied: the relations of intersection within the macroframe "Open architectural space design", including between units of different levels, as well as the relations of intersection with the macroframe "Interior Design" are revealed. The special role of the frame "Lighting Design" is defined, consisting of general terminology for the macroframes "Open architectural space design" and "Interior design" and specific terms for each of them.

The frame model of the term system "Open architectural space design" makes it possible to present a hierarchically organized system of the terminology and identify its intra-system relationships. The results of the research can be useful for terminologists, specialists in the field of architectural environment design, for teaching practice in universities.

Keywords: *design of architectural environment, Open architectural space design, architectural and design terminology, the Russian language, frame, cognitive-frame modeling*

For citation: Matskevich N. A. Kognitivnoye modelirovaniye terminosistemy "dizayn otkrytogo arkhitekturnogo prostranstva" [Cognitive Modelling of Term System "Open Architectural Space Design"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2023, vol. 1 (225), pp. 19–31 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-19-31>

Введение

Дизайн архитектурной среды – сфера деятельности, активно развивающаяся в последние десятилетия. Открытие в вузах в конце XX – начале XXI в. нового направления обучения «Дизайн архитектурной среды» обусловило необходимость формирования у студентов и профессионалов научной картины мира данной сферы. Происходит процесс становления профессионального подязыка данной области, в связи с этим возникает потребность лингвистов в изучении архитектурно-дизайнерской терминологии. Согласно установленным международным стандартам сертификации, в том числе Европейской сети аккредитации инженерного образования (ENAE), умение оперировать профессиональной лексикой является важным навыком для осуществления профессиональной деятельности [1, с. 108]. Профессиональная лексика строительства и архитектуры в разных языках часто привлекает внимание терминоведов (А. З. Абдурахманова, Д. З. Гайнутдинова, С. В. Гринев-Гриневич, В. А. Егоров, Т. Г. Зубова, Н. А. Минакова, Н. А. Трофимова, Л. Н. Черкасова, Н. И. Шашкина, О. Г. Щитова и др.), однако известно лишь несколько лингвистических работ, посвященных архитектурно-дизайнерской тематике (Н. А. Мацкевич, Е. Н. Схаляхо, О. Г. Щитова).

Когнитивная лингвистика возникла в середине XX в. и до сих пор является предметом дискуссий. Среди поклонников данного подхода зарубежные лингвисты Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, Л. Талми, Ч. Филлмор и отечественные – Е. И. Голованова, Н. Н. Горбунова, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, И. Б. Тихонова и др. Данное направление в языкознании открывает возможность взглянуть на уже известные лингвистические проблемы под другим углом с применением экстралингвистических данных. С помощью когнитивного подхода возможно «описать значения и статус языковых единиц в контексте обработки определенных знаний о мире; исследовать общие принципы и приемы организации структур знания... объяснить значение через определенную структуру знания; выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых структур» [2, с. 47], сформировать структуру научной картины мира.

Язык для специальных целей активно привлекает внимание ученых. Существует целый ряд работ по изучению терминологии на основании различных методик: архитектурно-строительной терминологии (Д. З. Гайнутдинова, А. С. Деревянкина, Н. А. Трофимова), лингвистической (М. В. Влавацкая, О. И. Лукина), литературной (С. Бинцзе), исторической (Е. Л. Хохлова), автомобильной

(Ю. Н. Ревина), сетевой (Р. В. Денико), терминологии атомной энергетики (С. В. Пегов), маркетинга (Н. В. Сербиновская), научного учебного текста (Л. Г. Федюченко), стилистики (О. Г. Захарчук), таможенного дела (П. Ю. Горляков, Н. В. Узолина) и др. На сегодняшний день среди востребованных методик исследования специальной лексики широко применяется метод фреймового анализа в рамках когнитивного подхода, позволяющий формировать научную картину мира области «Дизайн архитектурной среды».

Ранее с помощью фрейм-анализа были приняты попытки фреймового моделирования терминологии ландшафтного дизайна как фрагмента профессиональной сферы макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства» в составе терминосистемы профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды» [3], однако терминология дизайна открытого архитектурного пространства в качестве фрагмента названной терминосистемы еще не подвергалась когнитивно-фреймовому анализу.

Целью работы является создание когнитивно-фреймовой модели терминосистемы специальной области «Дизайн открытого архитектурного пространства». К задачам данного исследования относятся: 1) обоснование фреймового подхода к анализу терминологии; 2) определение границ терминологии фрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства», формирование корпуса терминологических единиц; 3) дефинирование терминологических единиц; 4) фреймовое моделирование терминосистемы «Дизайн открытого архитектурного пространства».

Материал и методы

К анализу привлечены материалы, взятые из текстов учебной и научной литературы по проблематике дизайна архитектурной среды (учебников, учебных пособий, научных статей), лексикографических источников (архитектурных, дизайнерских словарей), лингвистических словарей русского и иностранных языков, текстов профессиональной интернет-коммуникации: блогов, коммерческих каталогов, электронных специализированных журналов.

В работе применены общенаучные и частные методы и приемы лингвистического исследования: описательный и сравнительно-сопоставительный методы; дефиниционный, контекстный, фреймовый, количественный анализ, приемы лингвистического моделирования, классификации и сплошной выборки материала.

Описательный метод помогает выделить и описать конкретные единицы материала в пределах изучаемой области. Прием *сплошной выборки* осуществляется подбор языковых единиц из

текстов профессиональной направленности для дальнейшего исследования. Затем посредством *категориального, компонентного и контекстного анализа* осуществляется систематизация материала [4, с. 13]. *Метод когнитивно-фреймового моделирования* использован для построения фреймовой модели терминологии «Дизайн открытого архитектурного пространства» [5, с. 478]. *Сравнительно-сопоставительный метод* в синхронном аспекте применен для сопоставления терминов с помощью *дефиниционного анализа*, который предполагает изучение словарных статей в словарях и справочниках для более точного выявления значения языкового материала. *Статистический/количественный анализ* используется в подсчете исследованного лексического материала, выявления объема лексических единиц в различных группах. *Метод контекстного анализа* применяется для верификации значения лексической единицы и ее употребления с помощью необходимого и достаточного фрагмента профессионального текста.

Методологическую базу исследования составили работы по терминоведению, когнитивной лингвистике. Среди них – труды по теоретическому терминоведению Н. Ф. Алефиренко, Н. Б. Коринной, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой, С. В. Гринева-Гриневица, В. М. Лейчика, Д. С. Лотте, С. Д. Шелова, М. Т. Cabre, K. Kageura, A. Rey и др.; по теории когнитивного терминоведения – Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырева, Е. И. Головановой, Н. Н. Горбуновой, О. В. Гусельниковой, Т. Л. Канделаки, Е. С. Кубряковой, В. М. Лейчика, Н. А. Мишанкиной, С. Е. Никитиной, В. Ф. Новодрановой, О. П. Рябко, Е. И. Трубаевой, М. Т. Cabré, P. Faber, Ch. J. Fillmore, G. Lakoff, P. León-Araúz, C. Márquez, J. A. Prieto Velasco, A. Reimerink, L. Talmy, T. A. Van Dijk, M. Vega и др.; когнитивному моделированию терминосистем А. З. Абдурахмановой, Н. В. Васильевой (строительная терминология), С. Н. Вековищевой, Е. М. Приоровой, Е. П. Савченко, В. М. Романова (терминология безопасности жизнедеятельности), Е. В. Бекишевой (медицинская терминология), Н. Н. Горбуновой (терминология менеджмента), Е. И. Гуреевой (спортивная терминология), Е. И. Гуреевой, С. Л. Мишлановой (терминология международного бакалавриата), М. А. Зориной (терминосистема корпоративного права), О. А. Зябловой (экономическая терминология), О. С. Каравайской (терминология транспортной логистики), М. Н. Лату (военная терминология), С. Л. Мишлановой, Н. В. Бисеровой, А. А. Филипповой (терминология миграционного права), И. Б. Тихоновой (терминология нефтепереработки), Е. В. Трушиной (терминология криминалистики и криминологии) и др.

Одним из ключевых понятий, введенных М. Минским, профессором из Массачусетского технического института, является *фрейм* – динамическая «структура представления знания о типической, тематически единой ситуации, организованная в виде совокупности иерархически расположенных, взаимодействующих друг с другом субфреймов и составляющих их слотов, характеризующаяся наличием конвенционального начала и категориальным принципом организации знания» [6, с. 29]. Фрейм способен структурировать знания из любой области деятельности с помощью классических/стандартных моделей, схем, шаблонов. Суть самого фрейма выражена в его наименовании, а нижестоящий в данной структуре уровень, *субфрейм*, представляет характерные конвенциональные тематические признаки фрейма, как правило, известные большинству людей. Тем самым фреймовая модель достаточно быстро и легко способствует освоению языковой картины мира любого научного знания [7, с. 237]. Каждый субфрейм состоит из набора *слотов* – ячеек, «которые могут быть заполнены группами слов, представляющими потенциальные возможности языковой актуализации фрейма» [8, с. 44]. Данная структура обладает динамичностью: субфреймы и слоты могут менять свою позицию в иерархии фрейма, перемещаясь на другие уровни. Термины также не имеют постоянной позиции в терминосистеме и подвержены перемещению. Тем самым проявляется разница между фреймовым подходом и традиционными понятийно-семантическими, где термины имеют строгую фиксацию [2, с. 53]. При формировании когнитивной модели необходимо учитывать, что порядок субфреймов и слотов структурирован по схеме от самых часто упоминаемых профессионалами и от зафиксированных к подвижным [6, с. 31]. Кроме того, «фреймы не изолированы друг от друга, а напротив, они взаимосвязаны и пересекаются. Рассмотрение межфреймовых процессов дает возможность изучить фрейм всесторонне» [9, с. 208].

Итак, фреймовое моделирование «базируется на языковых и когнитивных основаниях, отражая тем самым реально сложившуюся систему знаний и их языковой репрезентации в данной профессиональной области» [10, с. 96]. Таким образом, *когнитивно-фреймовая модель* терминосистемы – структурированная концептуальная схема терминосистемы определенной предметной области, отражающая систему знаний профессиональной сферы, закрепленную на языковом уровне.

Этапы исследования: 1) определение границ терминологии «Дизайн открытого архитектурного пространства» на основе анализа учебников и научных работ по данной специальности; 2) сбор ма-

териала; 3) дефиниционный анализ профессиональной лексики; 4) построение когнитивно-фреймовой модели терминосистемы «Дизайн открытого архитектурного пространства»; 5) анализ межфреймовых отношений.

Результаты и обсуждение

Концептуальное поле терминосистемы «Дизайн открытого архитектурного пространства» в составе гиперфрейма «Дизайн архитектурной среды» представлено в виде сложной иерархической структуры, включающей в себя три фрейма (Ф): **Ф 1** «Дизайн городской среды», **Ф 2** «Ландшафтный дизайн», **Ф 3** «Светодизайн».

Фрейм 1 «Дизайн городской среды» (17 % номинаций от общего количества наименований макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства») представлен двумя субфреймами (Сф): **Сф 1.1** «Типы открытых городских пространств», **Сф 1.2** «Элементы городского дизайна».

Сф 1.1 «Типы открытых городских пространств» включает в себя четыре слота: **слот 1.1** – «Локальные пространственные образования» (1,2 % специальных обозначений: *городской центр, планировочный узел, центр жилого района* и др.), **слот 1.2** «Линейные пространственные системы» (0,9 % наименований: *бульвар, магистраль, улица* и др.), **слот 1.3** «Система расчлененных взаимосвязанных пространств» (0,7 % лексических единиц: *жилой район, курдонёр, парковая ассамблея, спорткомплекс, площадь* и др.), **слот 1.4** «Территории и зоны города» (0,6 % номинаций: *селитебная зона, территориальная зона, функциональная зона* и др.).

Сф 1.2 «Элементы городского дизайна» имеет в своем составе пять слотов: **слот 2.1** «Малые архитектурные формы» (6,4 % обозначений: *бордюр, газон, турникет* и др.), **слот 2.2** «Бытовая и торговая реклама» (3,9 % наименований: *пиллар, сити-формат, стела АЗС* и др.), **слот 2.3** «Устройства и средства информации» (2,4 % слов: *дорожный знак, часы, информационная доска, настенная вывеска* и др.), **слот 2.4** «Монументально-декоративные установки и объекты» (0,9 % специальных номинаций): *суперграфика, символ, рельеф, декоративный орнамент* и др.; **слот 2.5** «Элементы периодического, временного и праздничного оформления» (1 % обозначений: *цветочная гирлянда, строительные леса, транспарант, временное ограждение* и др.).

Слот 2.1 «Малые архитектурные формы» делится на пять микрослотов (Мкс): **Мкс 2.1.1** «Декоративные элементы» (1,6 % номинаций: *арт-объект, парковая скульптура, объемная декоративная конструкция, монумент* и др.), **Мкс 2.1.2** «Водные элементы» (1,2 % слов: *пруд, каскад, вод-*

ная карусель и др.), **Мкс 2.1.3** «Ограждения» (1,2 % лексических единиц: *балюстрада, ограда, парапет, пандус* и др.), **Мкс 2.1.4** «Городское оборудование» (1 % наименований: *движущийся тротуар, эскалатор* и др.), **Мкс 2.1.5** «Ландшафтные элементы» (0,4 % специальных номинаций: *альпийская горка, рокарий, клумба* и др.).

Приведем пример термина – репрезентанта слота 2.2 «Бытовая и торговая реклама»: *пиллар* ‘рекламная конструкция, обладающая внешними поверхностями для размещения информации и состоящая из фундамента, каркаса и трех информационных полей’: «Пиллары появились на городских улицах сравнительно недавно и за короткий срок завоевали доверие и любовь как рекламодателей, так и жителей городов. Они представляют собой отдельно стоящие на опорах тумбы с двумя или тремя рекламными поверхностями» [11].

Еще одним примером фрейма 1 «Дизайн городской среды» служит номинация *курдонёр*, вербализующая слот 1.3 «Система расчлененных взаимосвязанных пространств». *Курдонёр* – парадный двор дворца, усадьбы, особняка, образуемый главным корпусом и выступающими по его сторонам симметричными боковыми флигелями: «Кроме улучшения внешнего вида комплекса и создания прогулочной зоны курдонёр также помогает улучшить инсоляцию объекта» [12].

Модель фрейма 1 «Дизайн городской среды» представлена на рис. 1.

Фрейм 2 «Ландшафтный дизайн» (52,6 % от общего количества лексических единиц макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства») состоит из трех субфреймов: **Сф 2.1** «Объекты озеленения», **Сф 2.2** «Объекты ландшафтной архитектуры», **Сф 2.3** «Ландшафтная композиция» (подробнее см. [3]).

Сф 2.1 «Объекты озеленения» имеет в своем составе шесть слотов: **слот 1.1** «Парк» (6,8 % терминов: *зоопарк, лугопарк, мемориальный парк, тематический парк, пейзажный парк* и др.); **слот 1.2** «Сад» (5,9 % номинаций: *ароматический сад, белый сад, виридарий, злаковый сад, партерный сад* и др.); **слот 1.3** «Набережная» (2 % названий: *городская набережная, пляж, одноярусная набережная* и др.), **слот 1.4** «Бульвар» (1,3 % наименований: *кольцевой бульвар, межквартальный бульвар, транзитный бульвар* и др.), **слот 1.5** «Сквер» (1,2 % специальных обозначений: *городской сквер, декоративный сквер, сквер-фойе, сквер-развязка* и др.), **слот 1.6** «Поляна» (0,9 % терминов: *перетекающая поляна, поляна-партер, простая поляна* и др.).

Сф 2.2 «Объекты ландшафтной архитектуры» включает три слота (подробнее см. [3, с. 376]): **слот 2.1** «Объемный элемент» (8,4 % названий: *аркада, менажерия, пергола, постамент, садовая мебель* и др.); **слот 2.2** «Плоскостной элемент» (7,4 % терминов: *игровой рельеф, каскад, маскарон, пруд-копань, фонтан-линза* и др.); **слот 2.3** «Планировочный элемент» (2,9 % обозначений:

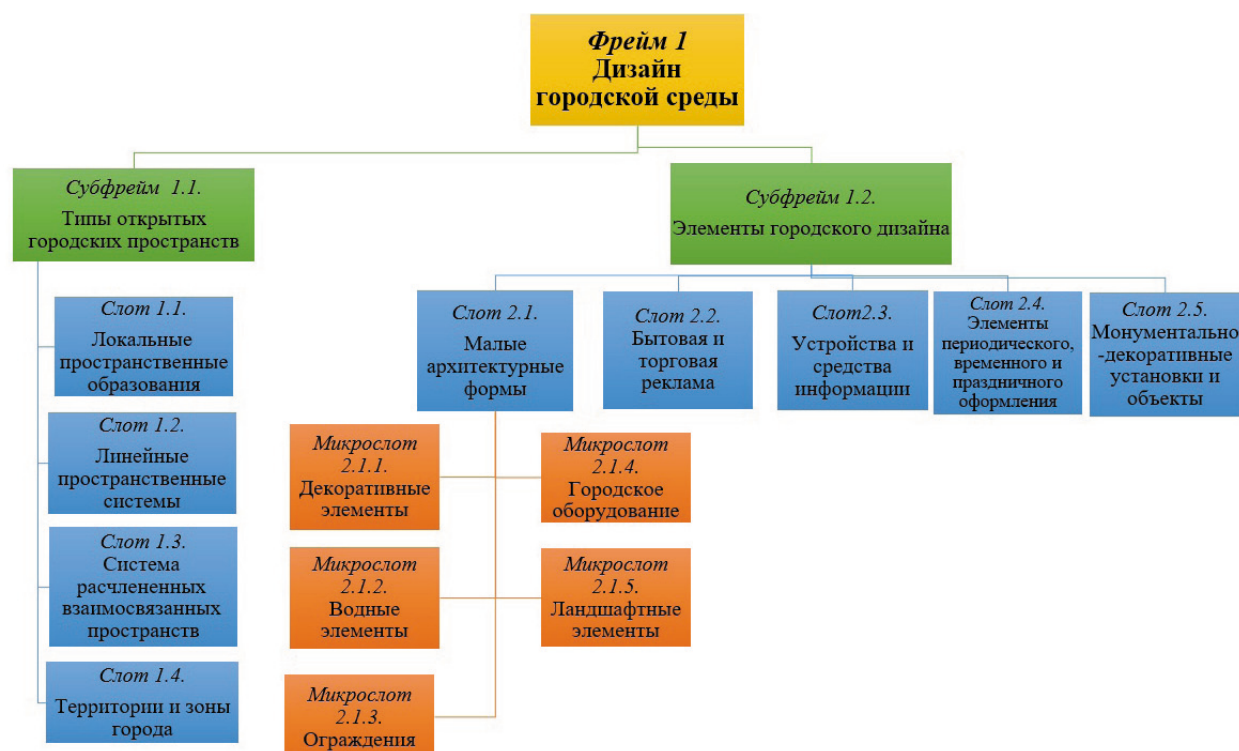

Рис. 1. Фрейм 1 «Дизайн городской среды»

дорожно-тропиночная сеть, раскрытое пространство, участок производственной застройки, улично-дорожная сеть и др.).

Сф 2.3 «Ландшафтная композиция» делится на четыре слота: **слот 3.1** «Вид ландшафтной композиции» (6,3 % терминов: *берсо, живая изгородь, каменистый сад, модульный цветник, разрезной партер* и др.), **слот 3.2** «Растения для ландшафтного дизайна и способы их выращивания» (4,5 % названий: *галофит, гидропоника, ковровое растение, микротерм* и др.), **слот 3.3** «Ландшафтные стили» (3,3 % специальных обозначений: *английский стиль, итальянский стиль, кантри, экостиль* и др.), **слот 3.4** «Типы и приемы размещения растений в группе» (1,7 % номинаций: *кулиса, лабиринт, кенконс* и др.).

Модель фрейма 2 «Ландшафтный дизайн» воспроизведена на рис. 2.

Фрейм 3 «Светодизайн» (30,4 % от общего количества наименований макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства») имеет в своем составе шесть субфреймов: **Сф 3.1** «Проектирование», **Сф 3.2** «Функции элементов освещения», **Сф 3.3** «Виды освещения», **Сф 3.4** «Источ-

ники освещения и осветительные приборы», **Сф 3.5** «Светотехнические параметры освещенности» и **Сф 3.6** «Световая композиция» (см. подробнее [13]).

В **Сф 3.1** «Проектирование» входят четыре слота: **слот 1.1** «Исходная документация» (0,3 % номинаций: *светотехническое проектирование, техническое задание* и др.); **слот 1.2** «Разработка концепции» (0,6 % терминов: *концепция освещения, мастер-план освещения, светотехническая концепция* и др.), **слот 1.3** «Эскизирование» (1 % слов: *визуализация, светотехнический сценарий, эскизирование* и др.), **слот 1.4** «Итоговая документация» (0,6 % обозначений: *спецификация, финальная документация* и др.).

Сф 3.2 «Функции элементов освещения» представлен четырьмя слотами: **слот 2.1** «Сигнальная функция» (1 % специальных обозначений: *аварийное освещение, сигнальное освещение* и др.), **слот 2.2** «Утилитарная функция» (0,7 % наименований: *дорожное освещение, уличное освещение* и др.); **слот 2.3** «Информационная функция» (1,2 % терминов: *агитационное освещение, информационное освещение* и др.), **слот 2.4** «Эстетическая

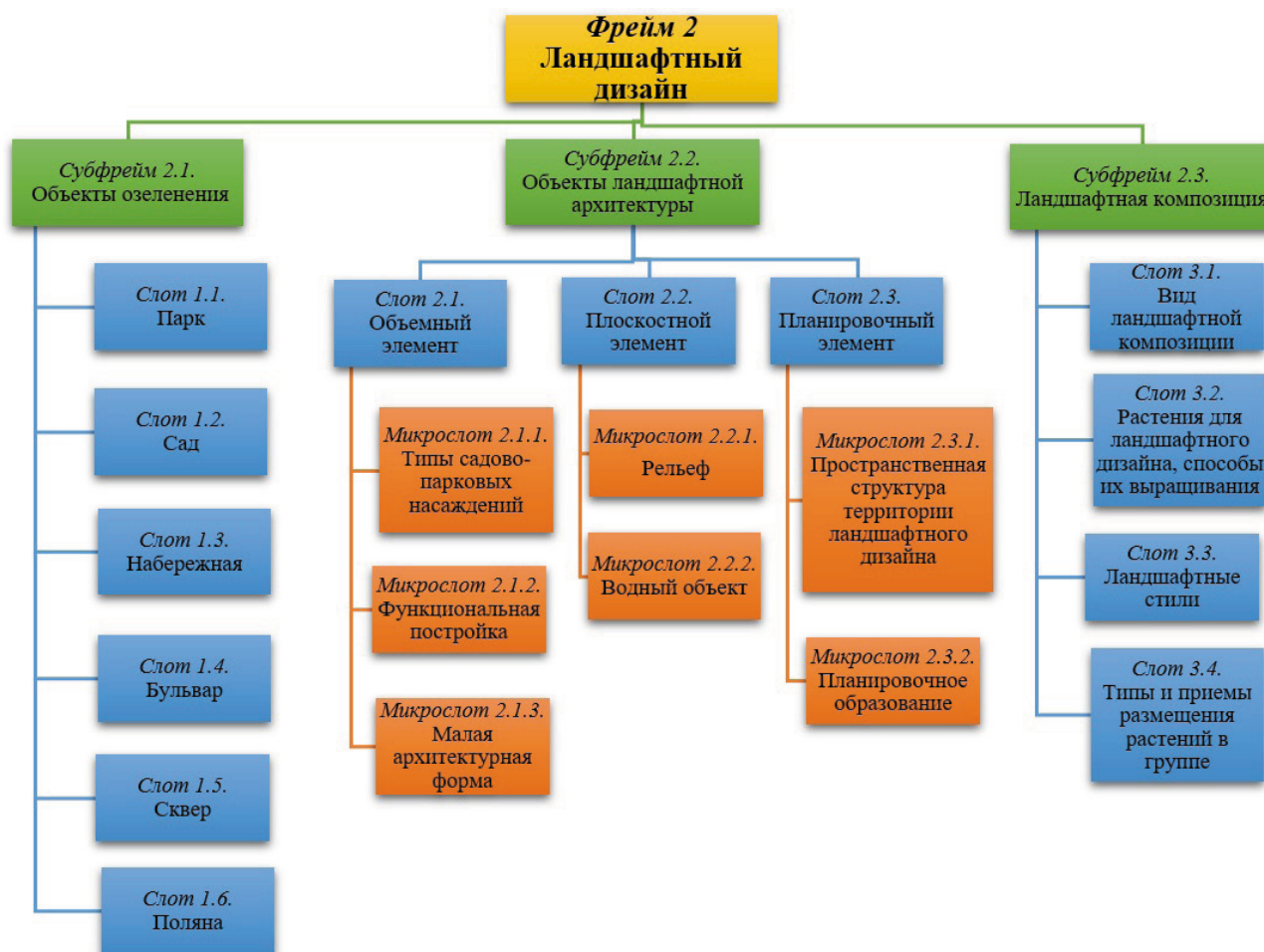

Рис. 2. Фрейм 2 «Ландшафтный дизайн»

функция» (1,4 % названий: *светодинамическое освещение, цветное освещение* и др.).

Сф 3.3 «Виды освещения» включает пять слотов: **слот 3.1** «Тип распределения светового потока» (0,6 % специальных обозначений: *диффузное освещение, отраженный свет* и др.), **слот 3.2** «Разновидности освещения» (1,6 % терминов: *прожекторное освещение, силуэтное освещение, фоновое освещение* и др.), **слот 3.3** «Временное освещение» (0,4 % номинаций: *ночное освещение, повседневное освещение* и др.), **слот 3.4** «Тип освещения» (0,7 % названий: *локальное освещение, общее освещение* и др.), **слот 3.5** «Интеллектуальное освещение» (3,5 % обозначений: *интерактивная проекция, медиафасад-сетка, светодиодный занавес, светодиодный экран, световой орнамент* и др.).

В составе **Сф 3.4** «Источники освещения и осветительные приборы» два слота: **слот 4.1** «Осветительные приборы» (5,3 % наименований: *акцентный прожектор, грунтовый светильник, светильник-гирлянда, сигнальный светильник, фонарь*) и **слот 4.2** «Тип лампы» (3,5 % названий: *индукционная лампа, металлогалогенная лампа, светодиодная лампа* и др.).

В **Сф 3.5** «Светотехнические параметры освещенности» находятся два слота: **слот 5.1** «Параметры колориметрии» вербализован терминами, касающимися измерения и количественного описания цвета (1 % слов: *насыщенность, рассеянный свет, цветность, яркость* и др.), **слот 5.2** «Пара-

метры фотометрии» репрезентирован терминами, обозначающими измерение яркости света (1,2 % слов: *освещенность, световой поток, чистота, светопропускание* и др.).

Сф 3.6 «Световая композиция» представлен двумя слотами: **слот 6.1** «Светокомпозиционные приемы и методы» (4,8 % терминов от общего количества: *инверсия яркости, световое пропускание* и др.), **слот 6.2** «Элементы композиции» (1 % номинаций: *световая башня, световой купол, световой тоннель* и др.).

Остановимся подробнее на номинации – репрезентанте слота 6.1 «Светокомпозиционные приемы и методы» фрейма 3 «Светодизайн» *цветодинамика* – светокомпозиционный прием освещения здания для реализации конкретной дизайнерской задачи (выделения конструкции/здания среди других, рекламного лозунга; подчеркивания определенных частей фасада и т. п.) с помощью художественной игры светового потока: изменения оттенков, яркости светового потока, угасания/возрастания и синтеза цвета [14]: «Цветодинамика – комбинированный вариант подсветки, с помощью которого можно изменять силу света, цветовую палитру и обыгрывать эффекты световых теней» [15].

Фрейм 3 «Светодизайн» проиллюстрирован на рис. 3.

Обратимся к анализу межфреймовых процессов. Рассмотрим подробнее взаимоотношения в иерархии уровней макрофрейма «Дизайн открытого

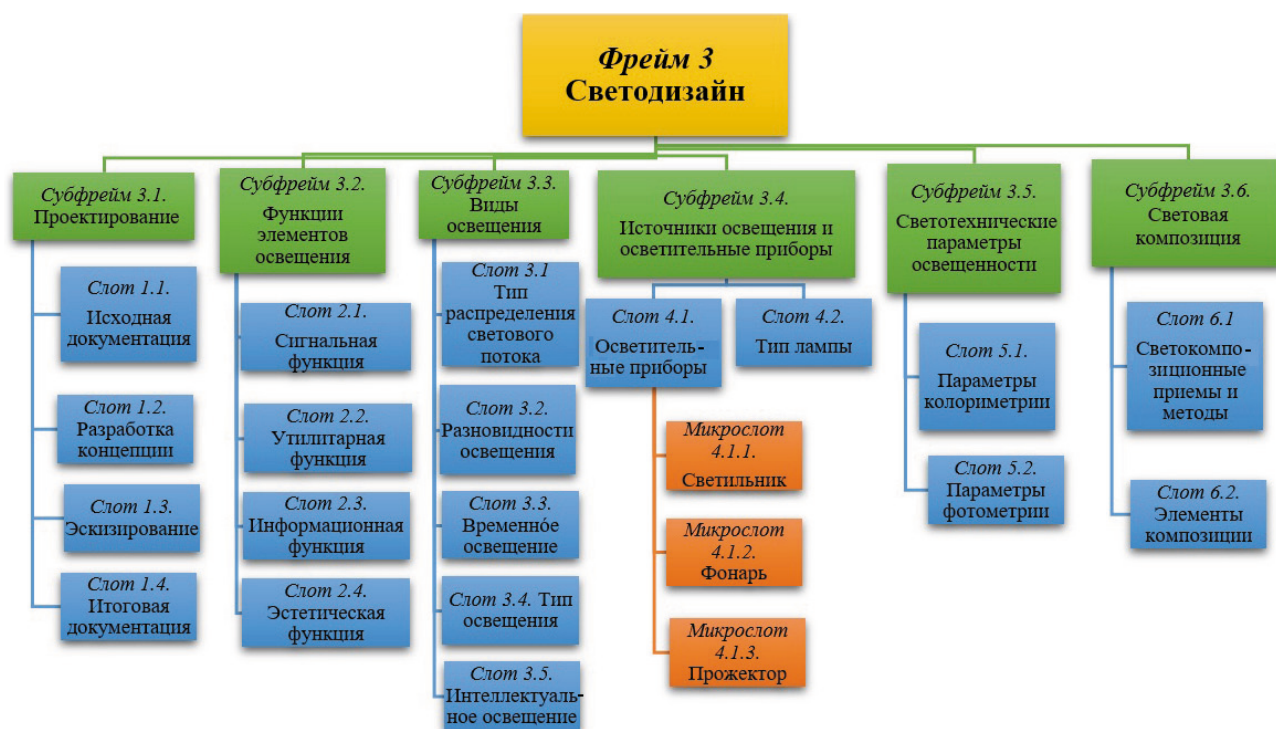

Рис. 3. Фрейм 3 «Светодизайн»

архитектурного пространства». Во фреймовой структуре различные элементы существуют не изолированно, а вступают между собой в определенные отношения.

В результате анализа текстов профессиональных источников становится очевидным, что фрейм «Светодизайн» частично пересекается с фреймом «Дизайн городской среды» в составе макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства». Подтверждением факта пересечения данных фреймов являются, например, наименования осветительных приборов, рекламных конструкций, элементов праздничного освещения в городском дизайне: *лайтбокс, люминесцентная лампа, садово-парковый фонарь, световая завеса, световой фонтан, световое дерево, светофор* и др.

В отношениях пересечения состоят также элементы разных уровней иерархии фреймовой модели. Отдельные лексические единицы, вербализующие фреймы 1 «Дизайн городской среды» и 2 «Ландшафтный дизайн», свидетельствуют об их частичном пересечении в субфрейме 2.1 «Объекты озеленения» и слоте 1.2 «Линейные пространственные системы». Так, термин *бульвар* ('линейный объект озеленения ландшафтного дизайна в виде широкой полосы насаждений из деревьев и кустов, высаженных вдоль улицы с фонтанами, цветниками, малыми архитектурными формами, предназначенный для кратковременных прогулок, отдыха, перемещения людей' [16]) репрезентирует слот 1.2 «Линейные пространственные системы» и одновременно является наименованием слота 1.4 «Бульвар» в субфрейме 2.1 «Объекты озеленения».

Также наблюдается пересечение микрослота «Ландшафтные элементы» (фрейм 1 «Дизайн городской среды») и слота «Вид ландшафтной композиции» (фрейм 2 «Ландшафтный дизайн»). Примером такого пересечения является термин *рокарий* – ландшафтная композиция, небольшой каменистый сад, располагающийся на склонах, низинах, ровных поверхностях в садах, парках, дачных участках, состоящий из многолетних растений разных сортов, декоративных деревьев необычной формы, украшенный камнями разных структур.

Во фрейме 2 «Ландшафтный дизайн» частично пересекаются слоты разных субфреймов, таких как Сф 2.2 «Объекты ландшафтной архитектуры» и Сф 2.3 «Ландшафтная композиция»: слоты 2.3 «Планировочный элемент» и 3.1 «Вид ландшафтной композиции». Иллюстрацией такого пересечения служит, например, номинация *аллея*, которая вербализует сразу оба слота: «Любой ландшафт представляет собой объемно-пространственную структуру, которая состоит из следующих элементов: планировочных (аллеи, тропинки, площадки и т. п.), объемных... плоскостных...» [17]. «Вы-

бранные схемы **композиции** реализуются формированием системы парковых **аллей** (дорог) и дорожек» [18].

В составе фрейма 2 «Ландшафтный дизайн» пересекаются субфреймы 2.2 «Объекты ландшафтной архитектуры» и 2.3 «Ландшафтная композиция», поскольку языковой материал, репрезентирующий микрослот «Типы садово-парковых насаждений» (Сф 2.2 «Объекты ландшафтной архитектуры»), частично содержится в номинациях слота «Вид ландшафтной композиции» (Сф 2.3 «Ландшафтная композиция»). Так, номинация *живая изгородь* обозначает одновременно тип садово-парковых насаждений (см. контекст 1) и ландшафтную композицию (см. контекст 2): 1) «Живые изгороди из растений с листьями разной окраски выглядят очень эффектно» [19]; 2) «Живая изгородь – красивый и интересный элемент ландшафтного дизайна, который служит прекрасной альтернативой бетонным, деревянным и металлическим ограждениям» [20].

Рассмотрим фрейм 3 «Светодизайн» в его отношениях с другими элементами фреймовой модели гиперфрейма «Дизайн архитектурной среды».

В ходе исследования выявлено, что фрейм 3 «Светодизайн», рассмотренный нами как фрагмент макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства», находится в отношениях пересечения с макрофреймом «Дизайн интерьера», поскольку значительная часть терминов относится к светодизайну интерьера. Так, термины, вербализующие слоты «Тип распределения светового потока», «Временное освещение» и «Тип лампы», репрезентируют также макрофрейм «Дизайн интерьера» (например, соответственно *отраженный свет, прямой свет; вечернее освещение; люминесцентная лампа, светодиодная лампа* и др.): «Вечернее освещение на себя возьмут интерьерные настольные лампы с белыми абажурами» [21]. Для сравнения приведем контекст, в котором термин *вечернее освещение* обозначает вид освещения открытого архитектурного пространства (см. слот «Временное освещение» субфрейма 3.3 «Виды освещения»): «Вечернее освещение сада способно не только придать ауру загадочности, но и помочь беспрепятственно передвигаться в темное время суток по территории» [22].

Фрейм 3 «Светодизайн» входит в состав макрофреймов «Дизайн открытого архитектурного пространства» и «Дизайн интерьера» и одновременно объединяет и дифференцирует два названных макрофрейма. Общими элементами для обоих макрофреймов являются субфрейм «Проектирование», слоты «Тип распределения светового потока», «Тип лампы», «Параметры колориметрии», «Параметры фотометрии», репрезентированные соответственно терминами, например: *концепция*

освещения, техническое задание, визуализация, светотехнический расчет, финальная документация; рассеянный свет; зеркальная лампа накаливания, неоновая лампа; насыщенность, яркостный контраст и др.: «**Концепция освещения** – оформленная идея освещения помещения или архитектурной подсветки с проработкой типа, мощности, дизайна и расположения осветительного оборудования» [23]. «**Неоновые лампы** – это осветительные приборы, используемые повсеместно – в промышленных, административных и жилых объектах, оформлении интерьера помещений различного предназначения, на праздничных вывесках и т. д.» [24]. «Сегодня на практике используется три метода **светотехнического расчета** наружного освещения...» [25]. «**Светотехнический расчет** промышленного здания можно произвести по методу коэффициента использования светового потока» [26].

Отношения пересечения фрейма «Светодизайн» и макрофреймов «Дизайн открытого архитектурного пространства» и «Дизайн интерьера» представлены на рис. 4.

Рис. 4. Отношения пересечения фрейма «Светодизайн» и макрофреймов «Дизайн открытого архитектурного пространства» и «Дизайн интерьера»

Термины, репрезентирующие целый ряд слотов и микрослотов, дифференцируют макрофреймы «Дизайн открытого архитектурного пространства» и «Дизайн интерьера». Например, к репрезентантам макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства» относится термин *медиафасад* (слот 3.5 «Интеллектуальное освещение»): «Медиафасад – светодиодный экран большой площади, монтируемый на внешнюю поверхность строения (фасад, крыша)» [27].

Термин *прожекторное освещение* входит в состав макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства» слота 3.4 «Тип освещения»: «Прожекторное освещение может выполнять не только эстетическую функцию, например красиво подсветить фасад частного дома в темную пору суток, но и стать важным компонентом охранной системы видеонаблюдения» [28].

Термины *боллард*, *венчающий светильник*, *грунтовый светильник*, *консольный светильник*, *наземный светильник*, *садово-парковый светильник*, *уличный светильник* также вербализуют макрофрейм «Дизайн открытого архитектурного пространства», в частности микрослот 4.1.1 «Светильник»: «Грунтовые светильники используются для решения обширного спектра задач по подсветке как определенного ландшафта, так и отдельных объектов: городских парков, садов и скверов; деревьев, кустарника и цветочных клумб на придомовых участках; аллей, тротуаров и парковых дорожек; газонов; искусственных водоемов; альпийских гор и т. д.» [29].

Термины *бра*, *люстра*, *трековый светильник*, *шинный светильник* относятся к репрезентантам макрофрейма «Дизайн интерьера», микрослота «Светильник»: «Роль освещения в интерьере особенно проявляется в помещениях, куда часто не попадает солнечный свет. Для освещения стоит использовать споты, бра или небольшую люстру» [30].

Номинация *садово-парковый фонарь* вербализует макрофрейм «Дизайн открытого архитектурного пространства», микрослот 4.1.2 «Фонарь»: «Садово-парковый фонарь – это не только освещение участка...» [31].

Макрофрейм «Дизайн интерьера» содержит среди прочего информацию о светодизайне и вербализуется наименованиями *зенитный фонарь*, *световой фонарь*, *шедовый фонарь* (слот 4.1 «Осветительные приборы», микрослот 4.1.2 «Фонарь»): «Зенитные фонари промышленных зданий нужны для освещения технологических, механообработывающих, сборочных цехов с большими строительными пролетами» [32].

К репрезентантам макрофрейма «Дизайн интерьера» относится также наименование *совмещенное освещение* (слот «Виды освещения»): «Совмещенное освещение устраивают только в помещениях с недостаточным естественным освещением, в которых расчетное значение КЕО составляет менее 90% нормированного» [33].

Заключение

В результате исследования определены границы терминологии сферы «Дизайн открытого архитектурного пространства» как фрагмента сферы «Дизайн архитектурной среды». Предложена когнитивно-фреймовая модель терминосистемы анализируемой предметной области (макрофрейма «Дизайн открытого архитектурного пространства»), в которой выделены фреймы «Дизайн городской среды», «Ландшафтный дизайн», «Светодизайн». Изучены межфреймовые процессы: выявлены отношения пересечения фреймов в составе макрофрейма

«Дизайн открытого архитектурного пространства» между собой и макрофреймом «Дизайн интерьера», также входящего в состав гиперфрейма «Дизайн архитектурной среды». Сделан вывод о том, что фрейм «Светодизайн» репрезентирован большим объемом общей терминологии макрофреймов «Дизайн открытого архитектурного пространства» и «Дизайн интерьера», а также дифференциальным набором терминов для каждого из них.

Когнитивно-фреймовая модель анализируемой области знания обладает сложной иерархической

структурой, в состав которой входят 67 элементов разных уровней (три фрейма, 11 субфреймов, 41 слот и 12 микрослотов). Всего выделено более 690 терминологических единиц представленной терминосистемы. Наибольшее количество терминов представлено во фрейме 2 «Ландшафтный дизайн» (52,6 % лексических единиц). Таким образом, по итогам анализа материалов построена фреймовая модель терминосистемы «Дизайн открытого архитектурного пространства» как фрагмента терминосистемы «Дизайн архитектурной среды».

Список источников

1. Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A., Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 215. P. 107–111.
2. Горбунова Н. Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 247 с.
3. Мацкевич Н. А. Фреймовая модель терминологии «ландшафтный дизайн» (на материале профессионального интернет-дискурса) // *Язык. Общество. Образование: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции*. Томск: Нац. исслед. Том. политехн. ун-т, 2021. С. 374–380.
4. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта, 2015. 224 с.
5. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. фед. ун-та, 2012. 818 с.
6. Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 5 (17). С. 29–32.
7. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // *Вестник АГТУ*. 2007. № 1 (36). С. 236–239.
8. Волосухина Н. В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике // *Университетские чтения – 2010: материалы научно-методических чтений ПГЛУ (14–15 января 2010 г.)*. Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2010. С. 41–46.
9. Вековищева С. Н., Приорова Е. М., Савченко Е. П. Фреймовое моделирование терминологии безопасности жизнедеятельности в английском и русском языках // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Вып. 8, № 1. С. 206–218.
10. Васильева Н. В., Абдурахманова А. З. Фреймовое моделирование больших терминосистем (на примере англоязычной строительной терминологии) // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: период. сб. науч. статей. Электронное научное издание*. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2017. С. 94–114.
11. Пиллары – наружные рекламные конструкции в условиях городской среды. URL: <https://www.mosoblreclama.ru/states/pillary-naruzhnye-reklamnye-konstruktsii> (дата обращения: 10.04.2022).
12. Ананина И. Кто в Петербурге покупает квартиры в домах с курдонерами. URL: https://www.dp.ru/a/2015/08/19/Komfort_za_zaborom (дата обращения: 10.04.2022).
13. Мацкевич Н. А. Терминология светодизайна открытого архитектурного пространства: когнитивный аспект // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов IX (XXIII) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.)*. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2022.
14. Применение цветодинамики при архитектурном освещении зданий. URL: <https://500lux.ru/blog/primenenie-czvetodinamiki-pri-arxitekturnom-osveshhenii-zdanij.html> (дата обращения: 15.04.2022).
15. Кузнецова А. Архитектурная подсветка фасадной части дома: хитрости светового декора. URL: <https://geostart.ru/post/2224> (дата обращения: 15.04.2022).
16. Ландшафтный дизайн. Словарь терминов. URL: http://www.strotekh.ru/dictionary/landscape_design_dictionary.html (дата обращения: 24.04.2022).
17. Основные принципы ландшафтного проектирования. URL: <https://www.blagosad.ru/design/landscape-project/landscape-project-basicprincips/> (дата обращения: 15.07.2022).
18. Сосяк О. В. Рабочая тетрадь для студентов по выполнению практических работ / Государственное автономное образовательное учреждение среднего профессионального образования Тольяттинский колледж сервисных технологий и предпринимательства. Тольятти, 2014. 90 с. URL: http://i.sosyak-olesya.ru/u/fb/aa3c02b49811e58bdf828b704a7bc1/-/Метод%20рекомендации%20для%20практ%20работ%20по%20Специфике%20орг.%20СПС_2014_часть1.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
19. Как подобрать растения для живой изгороди: пошаговая стратегия выбора. URL: <https://7dach.ru/VestnikCvetovoda/kak-podobrat-rasteniya-dlya-zhivoy-izgorodi-poshagovaya-strategiya-vybora-209618.html> (дата обращения: 15.07.2022).

20. Живая изгородь в ландшафтном дизайне: выбор растений и 100 фото лучших идей. URL: <https://krov-torg.ru/zhivaya-izgorod-v-landshaftnom-dizajne/> (дата обращения: 18.04.2022).
21. Интерьер в деревенском стиле. Идеи для освещения и декора. URL: <https://уютный-свет.рф/news/interer-v-derevenskom-stile-idei-dlya-osveshcheniya-i-dekora/> (дата обращения: 15.07.2022).
22. Васюков И. Как украсить сад в вечернее время? URL: <https://design-homes.ru/landshaft/vechernee-oformlenie-sada> (дата обращения: 15.07.2022).
23. Светильники направленного света. URL: <https://www.svetstk.ru/post/glossary#49> (дата обращения: 15.07.2022).
24. Применения неоновой подсветки в интерьере и экстерьере. URL: <https://masterservisnsk.ru/praktika/kak-proverit-neonovuyu-lampu.html> (дата обращения: 15.07.2022).
25. Методы и формулы для расчета наружного освещения. URL: <https://ledsshop.ru/rascet-ulicnogo-osvesenia-territorii-primery-osnovnye-pravila-i-trebovaniya/> (дата обращения: 15.07.2022).
26. Пример светотехнического расчета по методу коэффициента использования: подробный разбор формулы. URL: <https://ksosvet.ru/blog/cvetotekhnicheskij-raschet-po-metodu-koehfficienta-ispolzovaniya-primer> (дата обращения: 15.07.2022).
27. Особенности различных видов медиафасадов: достоинства, недостатки, применение. URL: <https://svetodiodnyiekran.ru/mediafasady/osnovnye-vidy.html> (дата обращения: 15.07.2022).
28. Особенности освещения прожекторами. URL: <https://nvph.ru/osobennosti-osveshheniya-prozhektorami> (дата обращения: 16.07.2022).
29. Грунтовые светильники: типы, особенности, монтаж. URL: <https://ledrus.org/blog/svetodiodnye-svetilniki/gruntovye-svetilniki-tipy-osobennosti-montazh/#:~:text=> (дата обращения: 16.07.2022).
30. Освещение в интерьере: как выбрать подходящую систему света. URL: <https://sdom-stroy.ru/blog/osveshchenie-v-interere-kak-vybrat-podkhodyashchuyu-sistemu-sveta.html> (дата обращения: 16.07.2022).
31. Садово-парковый фонарь – это не только освещение участка... URL: <https://www.asienda.ru/post/3476/> (дата обращения: 16.07.2022).
32. Зенитные фонари: виды, типы, конструкция и требования. URL: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/zenitnye-fonari-vidyi-tipyi-konstruktsiya-i-trebovaniya/> (дата обращения: 16.07.2022).
33. Свод правил. Здания производственные. Правила проектирования естественного и совмещенного освещения. URL: <https://www.indeks.ru/dokumenty/sp-419/sp-419.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).

References

1. Deniko R. V., Shchitova O. G., Shchitova D. A. & Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization. *Problems and Solutions. Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 215, pp. 107–111.
2. Gorbunova N. N. *Sovremennaya angloyazychnaya terminosistema sfery menedzhmenta: strukturno-semanticheskaya i kognitivno-freymovaya kharakterizatsiya. Dis. kand. filol. nauk* [Modern English term system of management: structural-semantic and cognitive-frame characterization. Diss. cand. philol. sci.]. Pyatigorsk, 2004. 247 p. (in Russian).
3. Matskevich N. A. Freymovaya model' terminologii "Landshaftnyy dizayn" (na materiale professional'nogo internet-diskursa) [Frame model of terminology "Landscape design" (on the material of professional Internet-discourse)]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language. Community. Education: Collection of studies of II International research-to-practice conference]. Tomsk, National Research Tomsk Polytechnic University Publ., 2021. Pp. 374–380 (in Russian).
4. Moskvina V. P. *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza* [Methods of linguistic analysis]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 224 p. (in Russian).
5. Komarova Z. I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: ucheb. posobiye* [Methodology, method and technology of scientific researches in linguistics: study guide]. Yekaterinburg, The Ural Federal University Publ., 2012. 818 p. (in Russian).
6. Gusel'nikova O. V. Vozmozhnosti freymovogo analiza [Possibilities of frame analysis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2009, no. 5 (17), pp. 29–32 (in Russian).
7. Sokolova O. V. Kategoriya freyma v kognitivnoy lingvistike [Category of frame in cognitive linguistics]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2007, no. 1 (36), pp. 236–239 (in Russian).
8. Volosukhina N. V. K voprosu o traktovke ponyatiy "kontsept" i "freym" v sovremennoy lingvistike [More on interpretation of the notions "concept" and "frame" in modern linguistics]. *Universitetskiye chteniya – 2010: Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU (14–15 yanvarya 2010 g.)* [University readings – 2010: Materials of scientific and methodological readings of PSLU (January 14–15, 2010)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2010. Pp. 41–46 (in Russian).
9. Vekovishcheva S. N., Priorova E. M., Savchenko E. P. Freymovoye modelirovaniye terminologii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v angliyskom i russkom yazykakh [Frame modelling of Health and Safety terminology in the English and Russian languages]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, issue 8, no. 1, pp. 206–218 (in Russian).

10. Vasil'yeva N. V., Abdurakhmanova A. Z. Freymovoye modelirovaniye bol'shikh terminosistem (na primere angloyazychnoy stroitel'noy terminologii) [Frame modelling of large term systems (by means of English construction terminology)]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: Periodicheskiy sbornik nauchnykh statey. Elektronnoye nauchnoye izdaniye – Linguistics and methods of teaching foreign languages: Periodical collection of scientific articles. Electronic scientific edition.* Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Publ., 2017. Pp. 94–114 (in Russian).
11. Pillary – naruzhnyye reklamnyye konstruksii v usloviyakh gorodskoy sredy [Pillars – external advertising constructions in city environment conditions] (in Russian). URL: <https://www.mosoblreclama.ru/states/pillary-naruzhnye-reklamnye-konstruksii> (accessed 10 April 2022).
12. Ananina I. Kto v Peterburge pokupayet kvartiry v domakh s kurdonerami [Who buys flats in houses with court of honour] (in Russian). URL: https://www.dp.ru/a/2015/08/19/Komfort_zaborom (accessed 10 April 2022).
13. Matskevich N. A. Terminologiya svetodizayna otkrytogo arkhitekturnogo prostranstva: kognitivnyy aspekt [Lighting design terminology of open architectural space: cognitive aspect]. *Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov IX (XXIII) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (14–16 aprelya 2022 g.)* [Contemporary problems of linguistics and literary studies: source book of IX (XXIII) International research-to-practice conference of young scientists (April 14–16, 2022)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2022 (in Russian).
14. Primeneniye tsvetodinamiki pri arkhitekturnom osveshchenii zdaniy [The use of colour dynamics in architectural lighting of buildings] (in Russian). URL: <https://500lux.ru/blog/primenenie-cvetodinamiki-pri-arxitekturnom-osveshhenii-zdanij.html> (accessed 15 April 2022).
15. Kuznetsova A. Arkhitekturnaya podsvetka fasadnoy chasti doma: khitrosti svetovogo dekora [Architectural lighting of front part of house] (in Russian). URL: <https://geostart.ru/post/2224> (accessed 15 April 2022).
16. Landshaftnyy dizayn. Slovar' terminov [Landscape design. Dictionary of terms] (in Russian). URL: http://www.strotekh.ru/dictionary/landscape_design_dictionary.html (accessed 24 April 2022).
17. Osnovnyye printsipy landshaftnogo proyektirovaniya [Basic principles of Landscape design] (in Russian). URL: <https://www.blagosad.ru/design/landscape-project/landscape-project-basicprinciples/> (accessed 15 July 2022).
18. Sosyak O. V. Rabochaya tetrad' dlya studentov po vypolneniyu prakticheskikh rabot [Workbook for students for practice] (in Russian). URL: http://i.sosyak-olesya.ru/u/fb/aa3c02b49811e58bdf828b704a7bc1/-/Метод%20рекомендации%20для%20практ%20работ%20по%20Специфике%20опр.%20СПС_2014_часть1.pdf (accessed 15 July 2022).
19. Kak podbrat' rasteniya dlya zhivoy izgorodi: poshagovaya strategiya vybora [How to choose plants to the living fence: step-by-step choice strategy] (in Russian). URL: <https://7dach.ru/VestnikCvetovoda/kak-podbrat-rasteniya-dlya-zhivoy-izgorodi-poshagovaya-strategiya-vybora-209618.html> (accessed 15 July 2022).
20. Zhivaya izgorod' v landshaftnom dizayne: vybor rasteniy i 100 foto luchshikh idey [Living fence in landscape design: plants choice and 100 pictures of the best ideas] (in Russian). URL: <https://krov-torg.ru/zhivaya-izgorod-v-landshaftnom-dizajne/> (accessed 18 April 2022).
21. Inter'yer v derevenskom stile. Idei dlya osveshcheniya i dekora [Rustic interior. Ideas for lighting and décor] (in Russian). URL: <https://уютный-свет.рф/news/interer-v-derevenskom-stile-idei-dlya-osveshcheniya-i-dekora/> (accessed 15 July 2022).
22. Vasyukov I. Kak ukrasit' sad v vecherneye vremya? [How to decorate a garden in the evening?] (in Russian). URL: <https://design-homes.ru/landshaft/vechernee-oformlenie-sada> (accessed 15 July 2022).
23. Svetil'niki napravlenno go sveta [Key-light lamps] (in Russian). URL: <https://www.svetstk.ru/post/glossary#49> (accessed 15 July 2022).
24. Primeneniya neonovoy podsvetki v inter'yere i ekster'yere [Applications of neon lighting in the interior and exterior] (in Russian). URL: <https://masterservisnsk.ru/praktika/kak-proverit-neonovuyu-lampu.html> (accessed 15 July 2022).
25. Metody i formuly dlya rascheta naruzhnogo osveshcheniya [Methods and formulas for calculating outdoor lighting] (in Russian). URL: <https://ledshop.ru/rascet-ulicnogo-osvesenia-territorii-primery-osnovnye-pravila-i-trebovaniya/> (accessed 15 July 2022).
26. Primer svetotekhnicheskogo rascheta po metodu koeffitsienta ispol'zovaniya: podrobnyy razbor formuly [An example of a lighting calculation using the utilization factor method: a detailed analysis of the formula] (in Russian). URL: <https://ksosvet.ru/blog/cvetotekhnicheskij-raschet-po-metodu-koeffitsienta-ispolzovaniya-primer> (accessed 15 July 2022).
27. Osobennosti razlichnykh vidov mediafasadov: dostoinstva, nedostatki, primeneniye [Peculiarities of different types of media facade: pros, cons, appliance] (in Russian). URL: <https://svetodiodnyiekran.ru/mediafasady/osnovnyje-vidy.html> (accessed 15 July 2022).
28. Osobennosti osveshcheniya prozhektorami [Features of floodlight lighting] (in Russian). URL: <https://nvph.ru/osobennosti-osveshheniya-prozhektorami> (accessed 16 July 2022).
29. Gruntovyye svetil'niki: tipy, osobennosti, montazh [Ground light: types, features, installation] (in Russian). URL: <https://ledrus.org/blog/svetodiodnye-svetilniki/gruntovye-svetilniki-tipy-osobennosti-montazh/#:~:text=> (accessed 16 July 2022).
30. Osveshcheniye v inter'yere: kak vybrat' podkhodyashchuyu sistemu sveta [Interior lighting: how to choose a suitable light system] (in Russian). URL: <https://sdom-stroy.ru/blog/osveshchenie-v-interere-kak-vybrat-podkhodyashchuyu-sistemu-sveta.html> (accessed 16 July 2022).
31. Sadovo-parkovyy fonar' – eto ne tol'ko osveshcheniye uchastka... [The garden and park lamp is not only the lighting of the site...] (in Russian). URL: <https://www.asienda.ru/post/3476/> (accessed 16 July 2022).

32. *Zenitnyye fonari: vidy, tipy, konstruktsiya i trebovaniya* [Clerestory: types, types, design and requirements] (in Russian). URL: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/zenitnyie-fonari-vidyi-tipyi-konstruktsiya-i-trebovaniya/> (accessed 16 July 2022).
33. *Svod pravil. Zdaniya proizvodstvennyye. Pravila proyektirovaniya estestvennogo i sovmeshchennogo osveshcheniya* [Code of practice. Industrial buildings. Design norms of daylight and contemporary lighting] (in Russian). URL: <https://www.indeks.ru/dokumenti/sp-419/sp-419.pdf> (accessed 16 July 2022).

Информация об авторе

Мацкевич Н. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Information about the author

Matskevich N. A., graduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 24.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА «СЕМЬЯ»: СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Марина Викторовна Небера

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
nebera@tpu.ru

Аннотация

Проведен анализ специфики трансляции ценностных доминант, репрезентирующих семейные ценности русской культуры, представленные в учебниках по русскому языку как иностранному российскими и зарубежными авторами.

Материалом исследования послужили учебники по русскому языку как иностранному российских, китайских и англоговорящих авторов, написанные в период с 2007 по 2018 г., общим объемом более 3 тыс. страниц. Из представленного материала методом сплошной выборки были отобраны диалоги и нарративные тексты, имеющие отношение к теме «семья». Анализ полученных данных осуществлялся при помощи метода контекстуального анализа, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Семья является одной из главных ценностных доминант для русского человека. В учебных пособиях по русскому языку как иностранному российскими авторами преимущественно используются оценочные суждения, носящие позитивный характер. Реже используются нейтральные или негативные оценочные суждения. Китайские авторы учебных пособий по изучению русского языка транслируют в основном позитивную оценку института семьи. Англоговорящие авторы – исключительно нейтральную.

Отдельные параметры также оцениваются по-разному. В отношениях между мужем и женой российскими авторами в контекстах часто транслируется авторитет мужа. При распределении семейных обязанностей ведение домашнего хозяйства закреплено исключительно за женщиной, тогда как работа характерна как для мужчины, так и для женщины. Зарубежные авторы в основном представляют в своих учебниках модель совместного ведения хозяйства, авторитет мужа в их работах не транслируется.

Дети являются ценностной доминантой в большинстве культур, однако выявлено, что при упоминании детей китайские авторы используют исключительно нейтральную лексику, тогда как российские и англоговорящие авторы предпочитают эмоциональную окрашенность (преимущественно положительную, реже – отрицательную).

При описании отношений к старшим родственникам (особенно бабушкам) российские авторы применяют оценочные суждения, которые носят исключительно позитивный характер. В отличие от них китайские авторы используют в отношении бабушек и дедушек нейтральную оценку. Англоговорящие авторы в своих работах отношения между детьми и бабушками/дедушками не описывают.

В специфике описания отношений между родителями и детьми у российских и зарубежных авторов также наблюдается вариативность. В отличие от англоговорящих авторов, не акцентирующих внимание на взаимоотношениях детей и родителей и использующих преимущественно нейтральную лексику при описании данной ценностной категории, российские и китайские авторы подчеркивают уважительное отношение к родителям и взаимную заботу.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на общие представления о должном и одобряемом, существующие в различных культурах, в учебных пособиях по русскому языку как иностранному наблюдается имплицитная трансляция ценностных ориентиров, присущих культуре авторов представленных материалов. Специфика определяется не только различиями при выборе тех или иных лексических групп, но также в подсознательной акцентуации на значимых для культуры авторов материалов ценностях.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, лингводидактическое пособие, семья, аксиологическая доминанта, лингвокультурологический аспект*

Для цитирования: Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 32–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

AXIOLOGICAL DOMINANT “FAMILY”: THE SPECIFICS OF REPRESENTATION IN LINGUODIDACTIC DISCOURSE (BASED ON TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Marina V. Nebera

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, nebera@tpu.ru

Abstract

The purpose of the article is to analyze the specifics of the representation of the family value dominants existing in Russian culture, presented in the textbooks on Russian as a foreign language by Russian and foreign authors.

The material of the study are textbooks on Russian as a foreign language by Russian, Chinese and English-speaking authors written in the period from 2007–2018, with a total volume of more than 3,100 pages. We selected dialogues and narrative texts related to the topic of “family” from these materials using a continuous sampling method, allowing to analyze axiological dominants and linguistic means of their expression in various family aspects. The analysis of the obtained data was carried out using the methods of contextual analysis, lexical and semantic as well as comparative analysis.

Family is one of the main value dominants for the Russian people. In textbooks on Russian as a foreign language, Russian authors mainly use positive value judgments, neutral or negative value judgments are used rarely. Chinese authors of the textbooks on the Russian language broadcast mainly a positive assessment of the family institute. English-speaking authors prefer neutral connotations.

Individual parameters are also evaluated in different ways. In relationship between spouses, Russian authors often promote husband’s authority. Considering family responsibilities, household management is assigned exclusively to a woman, while work is typical for both men and women. Foreign authors mainly present in their textbooks a model of joint household management; husband’s authority in their works is not mentioned.

Children are the dominant value in most cultures, however, it was found that when referring to children, Chinese authors use exclusively neutral vocabulary, while Russian and English-speaking authors prefer emotional expressions (mostly positive, less often negative).

When describing the relationship to older relatives (especially grandmothers), Russian authors use value judgments that are of an exceptionally positive nature. In contrast, Chinese authors use a neutral assessment of grandparents. English-speaking authors in their works do not describe the relationships between children and grandparents.

Among Russian and foreign authors there is also a variability in the specifics of describing the relationship between parents and their children. Unlike English-speaking authors, who do not focus on the mutual relationship of children and parents and use mostly neutral vocabulary when describing this value category, Russian and Chinese authors emphasize respect for parents and mutual concern.

The analysis showed, that despite the general ideas about good and approved that exist in different cultures, the authors of the textbooks on the Russian language implicitly represent the value orientations inherent in their culture. The specificity is determined not only by the differences in the choice of certain lexical groups, but also in the subconscious emphasis on values that are significant for the culture of the authors of the materials.

Keywords: *Russian as a foreign language, linguodidactic manual, family, axiological dominant, linguoculturological aspect*

For citation: Nebera M. V. Axiologicheskaya dominanta “sem’ya”: spetsifika predstavleniya v lingvodidakticheskom disкурсе (na materiale uchebnikov po russkomu yazyku kak inostrannomy) [Axiological Dominant “Family”: the Specifics of Representation in Linguodidactic Discourse (Based on Textbooks on Russian as a Foreign Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 32–40 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-32-40>

Введение

Процесс изучения иностранного языка – это не только освоение собственно языковых структур, это процесс познания культуры страны изучаемого языка, в результате которого формируются представления о ментальности, системе ценностей носителей страны изучаемого языка. Кумулятивная функция языка, заключающаяся в способности собирать и сохранять информацию как о материальной, так и духовной жизни общества, делает связь языка и культуры несомненной. Усваивая иностранный язык, человек одновременно проникает в

иную национальную культуру, соприкасается с иной ментальностью. Как справедливо отмечал В. фон Гумбольдт: «Каждый язык описывает во-круг народа, к которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [1, с. 80].

В настоящее время факту рассмотрения языка в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспекте уделяется пристальное внимание. Лингвострановедческому компоненту в изучении иностранного языка посвящены работы таких отечественных лингвистов, как О. А. Леонтович [2],

С. К. Милославская [3], С. Г. Тер-Минасова [4] и многих других. Согласно лингвострановедческой теории слова предметом лингвострановедения является отобранный языковой материал, отражающий культуру страны изучаемого языка.

Любой культуре присущи определенные ценности, формирующие ценностную картину мира представителя этой культуры. Вопросом изучения и определения ценностей в разные периоды времени занимались многие ученые и философы. В современном мире аксиология, наука о ценностях, выходит за рамки философских учений и рассматривается с разных позиций и подходов в таких науках, как социология, психология, культурология, антропология, педагогика и пр. В последние годы аксиология особенно часто взаимодействует с лингвистикой, что обусловлено невозможностью усвоения, наследования и передачи ценностных смыслов без непосредственного участия языка в истории человеческой культуры. Развитию лингвоаксиологии способствовали работы отечественных ученых Н. Д. Арутюновой [5], С. Г. Воркачева [6], А. Вежбицкой [7], В. И. Карасика [8] и многих других.

Как отмечает С. К. Гураль: «Язык реализует и вербализует, онтологизирует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение» [9, с. 18]. В нашей работе мы предлагаем рассматривать учебники по русскому языку как иностранному в качестве одного из способов передачи культурных ценностей русского народа представителям других культур, поскольку лингводидактические материалы позволяют проникнуть в культуру страны изучаемого языка через воспитание в иностранном обучающемся ценностно-эмоционального отношения к миру, через активизацию его субъектной позиции, что способствует развитию его собственной культуры общения и поведения в поликультурном пространстве современного мира. Изучение специфики трансляции аксиологических доминант, представленных в учебниках по русскому языку как иностранному, позволяет выявить как общечеловеческое (универсальное), так и национальное (этноспецифическое) в мышлении авторов этих материалов, что в свою очередь ставит перед авторами лингводидактических материалов такие экстралингвистические задачи, как формирование в сознании реципиента (иностранного обучающегося) адекватной ценностной картины мира, объективно отражающей культуру страны и культуру носителей изучаемого языка. Ценностную картину формируют аксиологические доминанты, которые, с одной стороны, являются стимулом речевой и поведенческой активности, а с другой стороны, препятствуют тому, чтобы смотреть на какие-либо факты непредубе-

жденно [10]. А. А. Ухтомский полагал, что доминантами необходимо руководить, их нужно воспитывать и корректировать [11]. Лингводидактические материалы содержат культурные и ценностные доминанты, как бы «программируя» реципиента через изучение языка на принятие этих доминант. И. Л. Викентьев определяет уже сформировавшиеся у человека доминанты порожденными стереотипами мышления и поведения [12].

Цель настоящей работы заключается в выявлении и описании специфики трансляции семейных ценностей, выраженных при помощи средств русского языка, в учебниках по русскому языку как иностранному (РКИ) российских и зарубежных авторов.

В качестве материалов для данного исследования был отобран корпус учебных пособий по русскому языку как иностранному российских, англоговорящих и китайских авторов, выпущенных в период с 2007 по 2018 г., общим объемом свыше 3 тыс. страниц. Далее в тексте мы будем маркировать примеры из данных корпусов соответствующими буквами: российский корпус (РК), английский корпус (АК) и китайский корпус (КК). На первом этапе из представленного материала в ходе применения метода сплошной выборки были отобраны диалоги и нарративные тексты, имеющие отношение к теме «семья», позволяющие проанализировать аксиологические доминанты и языковые средства их выражения. На последующем этапе для анализа полученных данных применялись методы контекстуального, лексико-семантического и сравнительно-сопоставительного анализа. Для анализа отдельных категорий был применен метод количественного анализа.

Результаты и обсуждение

В русской картине мира можно выделить следующие типы ценностных категорий, которые являются наиболее значимыми: абстрактно-ценностные категории (жизнь, добро, счастье, любовь), личностно ориентированные ценностные категории (душа, здоровье, совесть, уважение), социально ориентированные ценностные категории (благополучие близких людей, дружба, семья, дети). Остановимся более подробно на последней ценностной категории и проследим, каким образом транслируются семейные ценности с точки зрения разных аспектов в учебниках по русскому языку как иностранному российскими и зарубежными авторами.

Семья – это одна из главных ценностных доминант для русского человека. В новейшем словаре А. А. Грицанова дается следующее определение: «*семья – это основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связан-*

ное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей. Возникает С. для обеспечения личного счастья и благополучия человека и выполняет важнейшую роль в воспроизводстве жизни, социализации индивида, его органической связи с обществом» [13, с. 609]. Данное определение отражает специфику понимания семьи российским обществом, где на первое место выходит не юридическая составляющая института, а взаимная ответственность и кровная связь людей.

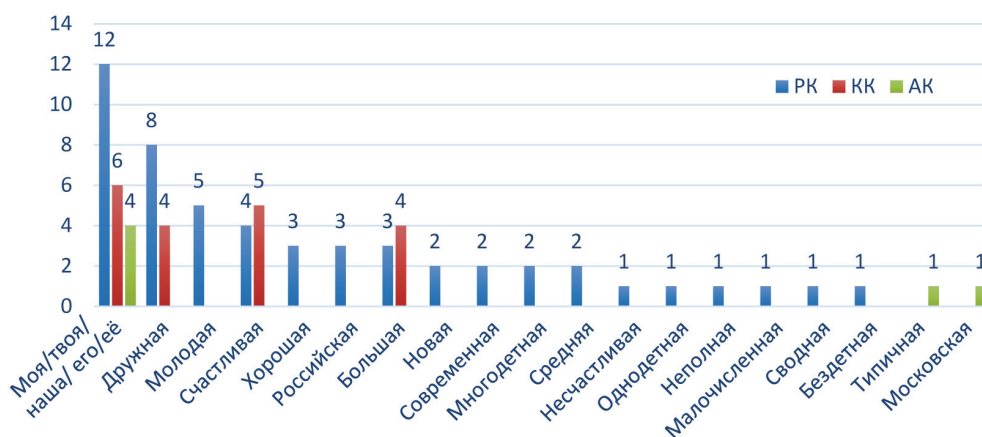
Общая характеристика семьи. В традиционной российской культуре превыше всего ценится теплота семейных отношений и родственных связей. Наличие детей обязательно, но их количество часто зависит от материальных возможностей семьи. Одинокая жизнь или семья без детей воспринимается как несчастье или наказание. «Мы все праздники отмечаем вместе. Наша семья очень **дружная**», «Я так рада, что у меня есть семья. Я так люблю **заботиться** о них», «Наташа и Антон поженились в прошлом году. У них **молодая, но очень дружная** семья», «Хотя **современная** семья не похожа на семью начала XX века, она, как и раньше, является основой общества», «Моя семья очень **большая**. У меня есть два старших брата и младшая сестра», «Один человек был богатым, но у него **не было детей**», «Почему в современных семьях **так мало детей**?».

Проведенный на корпусе материалов частотный анализ показал, что в изданиях российских авторов наиболее часто встречаются следующие определения семьи (представлены по мере снижения частотности употребления в текстах): *моя (наша/его/ее/твоя)*, *дружная*, *молодая*, *счастливая*, *хорошая*, *российская*, *большая*, *новая*, *современная*, *многодетная*. Встречаются отдельные случаи использования определений: *несчастливая*, *бездетная*, *однородная*, *неполная*, *малочисленная*, *сводная*, *среднестатистическая* (*средняя*). Отметим, что коли-

чество используемых оценочных прилагательных, которые носят позитивный характер (*дружная*, *счастливая*, *хорошая*) превалирует над количеством нейтральных (*большая*, *молодая*, *российская*, *новая*, *современная*, *многодетная*, *сводная*, *среднестатистическая*, *однородная*, *сводная* и пр.) или негативных прилагательных (*несчастливая*, *бездетная*, *неполная*).

В корпусе материалов, представленных англоговорящими авторами, в качестве определения слова «семья» используются нейтральные номинации по месту проживания либо указанию принадлежности: *моя/твоя* (*наиболее часто*), *московская*, *типичная*. «Родственники Марины живут в Москве. Это **типичная московская** семья». «**Моя** семья живет в Канаде», «Семья **Ивана** живет в Санкт-Петербурге».

В китайских учебниках по русскому языку чаще встречаются такие номинации, как *большая семья*, *дружная семья*, *счастливая семья* (транслируется преимущественно позитивная оценка института семьи). «Считаю, что мне с семьей очень **повезло**», «Как видите, его семья очень **дружная** и, по моему, счастливая. В этой семье **все любят и понимают** друг друга», «Семья Андрея **большая**: мать, отец, бабушка, жена Андрея и он», «У нас есть семейные традиции и правила: **на заботу отвечаю заботой**. Не жди, пока тебе прикажут что-то сделать. Сделай сам! **Храни семейные секреты**. Все имеют право на „свое“ время, „своих“ друзей, „свои“ секреты» – в данном примере в большей степени транслируется азиатская традиционность, которой свойственно четкое разделение ролей и прав в семье, важность соблюдения традиций. В современном российском обществе такая традиционность в отношении семьи в большинстве случаев утратила свое значение). Частотность слов, используемых для описания семьи в корпусах учебников по русскому языку как иностранному российских и зарубежных авторов представлена на рисунке.

Частотность слов, используемых для описания семьи в корпусах учебников по РКИ российских и зарубежных авторов

Взаимоотношения между мужем и женой.

В рамках классических взаимоотношений между мужем и женой в российской культуре существует следующая модель: муж – глава семьи (патриархальный тип семьи), он должен содержать и защищать семью. Обязанность жены – рожать детей, заниматься их воспитанием, создавать в доме атмосферу любви и быть хранительницей семейного очага. Несмотря на то что в современном российском обществе отношения в семье более демократичны, патриархальность семьи часто транслируется в учебниках по русскому языку как иностранному:

РК: «Муж заставил ее бросить работу. Нина очень любила свою работу, но еще больше она любила своего мужа, поэтому она ушла с работы» (патриархальность семьи подчеркивается выбранным глаголом «заставил»), «Она назвала сына Виктором, потому что ее мужу очень нравится это имя» (предпочтения мужа определяют выбор имени для ребенка).

Ценностная картина мира русского человека последовательно отражает следующее представление о распределении семейных обязанностей: домашнее хозяйство ведет только жена, карьерные успехи – это задача мужа. Эта модель чаще других находит отражение в корпусе учебных пособий, представленных российскими авторами.

РК: «Вечером вся семья дома. Папа читает газеты, мама готовит ужин», «Папа лежал на диване и читал газету», «Жена всегда говорит мне: „Убери все на место!“ Но мне некогда, и она сама убирает словари в книжный шкаф», «Жена всегда убирает мои брюки и рубашки», «На женищине работа, дети, покупки. Это невыносимо!», «Жена готовит для него завтрак», «Он – президент компании», «Моя мама не работает. Она домохозяйка», (из диалога между мужем и женой) «– Еще я могу сказать ей, что, когда у нас не было посудомоечной машины, посуду всегда мыл я. – Это, конечно, неправда. Но ты можешь так сказать. Только не рассказывай, что, когда не работала наша стиральная машина, ты сам стирал. Все равно тебе никто не поверит».

Реже транслируется модель, когда на жене работа и домашнее хозяйство, а на муже – работа. «Когда я прихожу домой, я готовлю ужин, кормлю детей, проверяю их уроки... Потом приходит с работы муж, я кормлю его. Он что-то рассказывает о работе, но часто у меня уже нет сил его слушать», «Еще он пообещал мне по выходным мыть посуду и помогать убирать квартиру... Я, конечно, не очень верю всем этим обещаниям, но надежда умирает последней. Посмотрим». В отношении мужа российскими авторами преимущественно используются глаголы интел-

лектуальной деятельности или движения, а в отношении жены глаголы приготовления пищи, интеллектуальной деятельности, движения или физиологического воздействия, что обусловлено более широким спектром задач, стоящих в российской семье перед женщиной [14].

У зарубежных авторов наряду с традиционным укладом можно наблюдать равноправие в отношении ведения домашнего хозяйства мужчиной и женщиной.

КК: «Мы с мамой обязательно что-нибудь печем... А мой папа – специалист по салатам», «Мария Петровна – домохозяйка. Все свободное время она отдает дому, семье».

АК: «Вечером она (мама) возвращается домой, папа готовит ужин, и мы все ужинаем вместе», «Тамара, спасибо за вкусный обед».

Отметим, что в анализируемых учебных пособиях модель межличностных отношений, когда на жене и дом, и работа, а на муже только работа, зарубежными авторами не транслируется.

Отношение к детям/рождению ребенка. В соответствии с традиционными представлениями о ценностной картине мира русского человека семья считается счастливой, если в ней имеются дети. И чем больше детей, тем лучше, ведь в прежние времена многодетные семьи в России считались образцовыми. В современном российском обществе эти представления несколько изменились. В наши дни количество детей в семьях очень вариативно и часто зависит не столько от здоровья и физических возможностей родителей, сколько от их материального благосостояния. Неизменным остается тот факт, что в русской культуре дети всегда занимали особое место, что подтверждается общеизвестной фразой «Все лучшее – детям». Дети – это одна из главных ценностей в русской картине мира. Детей принято баловать, о них часто беспокоятся и переживают, они являются гордостью для своих родителей [15].

РК: «Ребенок – это такое счастье», «Детей нужно хвалить» «И это самая приятная новость: у нас родилась девочка», «Ольга хочет второго ребенка. Она мечтает о девочке», «Семья, имеющая одного ребенка, часто мечтает о втором», «Я хочу иметь семью, в которой было бы трое детей».

Упоминания детей в текстах учебников, представленных китайскими авторами, носят нейтральный характер, оценочные высказывания в отношении детей не встречаются: «У нас маленький сын, и я пока сижу дома», «Они уже давно женаты, и у них двое детей». «У Ивана есть дети: мальчик и девочка».

Отличительной особенностью учебников, представленных российскими авторами, является по-

следовательное использование в текстах диминутивных форм имен и обращений в отношении детей. Использование уменьшительно-ласкательных форм позволяет авторам придать выражениям эмоциональную окрашенность и еще больше подчеркнуть ценностно-трепетное отношение к ребенку. РК: *Наташенька, Олечка, Павлуша, доченька, Ирочка*.

Следует отметить, что подобный способ оценивания редко встречается в учебных пособиях англоговорящих авторов (АК: *Питер знает, что жену Саши зовут Тамара, а дочку – Ирочка*), тогда как китайские авторы никогда не применяют диминутивные формы в отношении детей в своих лингводидактических материалах, что может быть обусловлено отсутствием данной формы в китайском языке.

Следует отметить тот факт, что, несмотря на наличие в учебниках примеров, подтверждающих трепетное отношение к детям, русскоговорящие и англоговорящие авторы используют в отношении детей также лексические единицы, имеющие выраженное негативное значение: *проблема, к сожалению, ужасно, непросто* и пр. У китайских авторов негативно окрашенные лексические единицы в контекстах, связанных с детьми, отсутствуют:

РК: *«Ты мне мешаешь!»* (обращаясь к ребенку), *«С детьми непросто»*, *«Родили на мученье»*, *«Как жаль, что свободного времени так мало»*.

АК: *«К сожалению, когда вместо разговора Сережа играет на гитаре и Саша поет, я не могу их слушать, когда они дают такой концерт»*, *«Брат кричит и плачет ужасно громко»*, *«Но часто у Галины Сергеевны настроение ужасное. Главная проблема – сын Дима»*.

Отношение к родственникам старшего поколения. В традиционной аксиологической картине мира русского человека транслируется тесная связь между поколениями близких родственников. Подобные ценности можно встретить также в семьях различных азиатских стран. Несмотря на то что современное молодое поколение, обладая более высоким образовательным уровнем, не признает авторитет старшего поколения в прежней мере, бабушки до сих пор являются теми, к кому всегда можно обратиться за советом, кто собирает вокруг себя всю семью, однако и сам при этом часто нуждается в заботе и внимании со стороны близких людей. Это отношение транслируется российскими авторами в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

РК: *«Я с благодарностью вспоминаю бабушку, чьи советы так помогли мне в жизни»*, *«Кольцо перешло ко мне от моей любимой бабушки»*, *«Бабушка Оли уже старенькая. Она плохо видит и плохо слышит. Но она очень добрая и*

просто обожает свою внучку...» – в данном примере использование смягчающего суффикса -еньк намеренно смещает акцент с возраста на проявление заботы по отношению к бабушке (*бабушка старенькая*), *«У бабушки плохое зрение, плохой слух, плохая память, но очень хороший характер. Оля всегда спрашивает совет у бабушки»* – несмотря на перечисленные возрастные недостатки, отношение к бабушке проявляется положительно.

«Она рассказала о конференции любимой бабушке», *«Бабушка, что б я без тебя делала!»* – экскламация позволяет эмоционально подчеркнуть потребность в бабушке.

«Вообще, дедушка играл важную роль в моей жизни», *«Мне нужно навестить бабушку»*, *«Нужно купить подарок моей дорогой бабушке, моему старому дедушке, моей любимой тете»* – авторы транслируют любовь, заботу и переживания молодого поколения в отношении своих старших родственников.

Китайские авторы лингводидактических материалов предпочитают смещать акцент с родственных связей на почтенный возраст. Родственные отношения между внуками и бабушками или дедушками не подчеркиваются и оцениваются нейтрально.

КК: *«У Антона есть бабушка...»* (далее по тексту) *«Пожилые люди часто начинают путешествовать на пенсии»*.

Следует отметить, что в ценностной картине мира западного человека совершеннолетним детям принято вести свою жизнь отдельно от родителей. Они редко живут вместе. Часто забота о старшем поколении находится в зоне ответственности государства, а не детей или внуков. Этим может быть обусловлен тот факт, что в исследованном корпусе учебных материалов англоговорящих авторов отсутствуют примеры, в которых бы встречалось упоминание бабушек или дедушек.

Отношение к родителям. Ценностная картина мира русского человека содержит следующие доминанты в отношениях с родителями: непоколебимый авторитет родителя, как правило отца (в анализируемом корпусе материалов российских авторов встречается номинация отцовского авторитета, выраженного такими лексическими единицами, как *убеждать, заставлять, уважать, решать*); забота родителя о ребенке и ребенка о родителе; любовь и уважение к родителям; мама в ценностной картине мира любого русского человека предстает как символ заботы и безграничной любви вне зависимости от возраста ребенка.

РК: *«Они (родители), конечно, помогают нам»*, *«Мама – самая добрая женщина в мире. Она*

никогда не сердилась на меня, не ругала, не била, хотя в детстве я был хулиганом... Она хотела хорошо воспитать меня. Я **обожаю** свою мать», «**Мамочка**, я чувствую себя хорошо», «**Дорогая мамочка! Целую тебя**», «**Старая мать была рада видеть сына и засмеялась**», «**Мама заставляет своего сына заниматься**», «...но его мама хотела, чтобы он занимался музыкой... (впоследствии) Музыка стала смыслом его жизни» – давление на волю ребенка продиктовано благостью родительских намерений.

«Родители **убедили** меня поступать на юридический факультет. Сейчас я совсем не **жалею** об этом» «Андрей **уважает** своего отца», «Сын **уважает отца**», «**Дети должны заботиться** о своих родителях», «Я решил стать инженером, как отец», «Мой отец был капитаном, он плавал всю жизнь. У меня его гены», «Папа не устает повторять мне... Я понимаю, что **он прав**», «Мама не так категорична, как папа», «Так, молодые люди, несмотря на критическое отношение к дому, к семье, по-прежнему **высоко ценят своих родителей**».

Специфика трансляции семейных ценностей российскими авторами в данной категории заключается в использовании диминутивов и экспрессивной оценочной лексики. Кроме того, в контекстах часто используются глаголы социальных отношений, глаголы принуждения, сравнительные обороты с терминами родства.

В корпусе учебников китайских авторов также транслируется забота детей и родителей друг о друге, подчеркивается связь родителей с детьми, папа – это не только авторитет для ребенка, но и друг. Специфика трансляции в данном корпусе материалов схожа со спецификой, применяемой российскими авторами, за исключением того факта, что китайские авторы не используют диминутивные формы в отношении родителей.

КК: «По субботам и воскресеньям **мы навещаем** моих родителей (родители Нины живут в Санкт-Петербурге)», «Мой папа работает врачом. Я **хочу быть похожим на своего отца**», «У меня **прекрасные родители. Заботливые, добрые** и особенно не вмешиваются в мои дела, но **всегда помогают** советом, если просишь», «Больше всего он (папа) **любит шутить**. У него всегда есть веселые анекдоты, которые он рассказывает нам по вечерам».

Отметим, что в материалах англоговорящих авторов связь с родителями не акцентируется. В текстах и диалогах используется преимущественно нейтральная, в отдельных случаях – ближе к негативной лексика.

АК: «Папа почти никогда **не разговаривает** за завтраком... Вот почему у него такая привычка

– **читать и молчать за столом**» (транслируется недовольство ребенка привычками отца, отсутствие дружественных отношений с ребенком), «Мой отец – инженер. Он уже 10 лет работает на заводе» (отец упоминается только с позиции его трудовой деятельности, связь с ребенком также не транслируется).

Заключение

В современной лингвистике внимание все чаще уделяется связи культуры и языка, однако изучение языка в лингвоаксиологическом и лингвокультурологическом аспектах в значительной степени затрудняется из-за «релятивного характера ценностей аксиологических установок» [16, с. 54]. Анализ, проведенный на корпусе лингводидактических материалов, демонстрирует, что, несмотря на общие представления о должном и одобряемом, существующие в различных культурах, аксиологическая реальность не в полной мере соответствует ценностной картине мира русского человека, представляемой и транслируемой зарубежными авторами в учебных пособиях по русскому языку. Зарубежные авторы часто имплицитно выражают специфику своего мировосприятия и транслируют свои ценностные ориентиры в текстах учебников по русскому языку, при этом этнокультурные различия проявляются не только в специфичности выбора тех или иных лексических групп, но также в подсознательной акцентуации на значимых для своей культуры ценностях. Это проявляется как в специфике представления моделей супружеских отношений, типичных для той или иной культуры, так и в вариативности трансляции отношения к детям, родителям или старшему поколению. Отмечается, что в сравнении с зарубежными авторами учебников по русскому языку как иностранному российским авторам при описании аксиологической доминанты «семья» свойственна более яркая эмоциональная окрашенность и более широкая вариативность оценочных суждений, что может быть обусловлено как культурологическими различиями, так и более ограниченными языковыми возможностями неносителей языка.

Проведение исследований в области анализа трансляции аксиологических доминант в лингводидактических пособиях на разных уровнях языковой системы вносит вклад в развитие лингвоаксиологии, предоставляет возможность людям лучше понять духовные, культурные и иные ценности, транслируемые в рамках преподаваемого языка, позволяет выявить и проследить перемены в ценностных иерархиях общества, что становится особенно актуальным с учетом современного возрастающего темпа развития культур.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
2. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пос. М.: Гнозис, 2007. 366 с.
3. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. М.: Флинта: Наука, 2012. 400 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: Слово, 2000. 261 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН. 2001. № 1. С. 64–72.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Гураль С. К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Язык и культура. 2008. № 4. С. 14–21.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
12. Викентьев И. Л. Принцип доминанты Ухтомского // ТРИЗ. 1991. № 2.2. С. 18–23.
13. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск: В. М. Скакун, 1998. 896 с.
14. Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. Учебное пособие по культурологии, развитию речи и чтению для изучающих русский язык как иностранный. М.: Рус. яз. курсы, 2007. 232 с.
15. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
16. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Стабильность как категориальная область аксиологической стороны лингвистической семантики // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах Алтайской государственной педагогической академии. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2013. С. 52–58.

References

1. Gumboldt Von W. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p. (in Russian).
2. Leontovich O. A. *Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to crosscultural communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 366 p. (in Russian).
3. Miloslavskaya S. K. *Russkiy yazyk kak inostrannyy v istorii stanovleniya evropeyskogo obraza Rossii* [Russian as a foreign language in the history of the formation of the European image of Russia]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 400 p. (in Russian).
4. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: uchebnoye posobiye dlya studentov, aspirantov i soiskateley po spetsial'nosti "lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Language and crosscultural communication: a study guide for students, postgraduates and degree seeking applicants for the specialty "linguistics and crosscultural communication"]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 261 p. (in Russian).
5. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
6. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye Nauki*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
7. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 288 p. (in Russian).
8. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost' kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
9. Gural' S. K. *Mirovozzreniye, kartina mira, yazyk: lingvisticheskiy aspekt sootnosheniya* [Worldview, world picture, language: linguistic aspect of correlation]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2008, no. 4, pp. 14–21 (in Russian).
10. Vereshchyagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of the word]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1980. 320 p. (in Russian).
11. Ukhtomskiy A. A. *Dominanta* [A Dominant]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p. (in Russian).
12. Vikent'yev I. L. Printsip dominanty Ukhtomskogo [Ukhtomskiy's dominant principle]. *TRIZ*, 1991, no. 2.2, pp. 18–23 (in Russian).
13. Gritsanov A. A. *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The newest philosophy dictionary]. Minsk, V. M. Skakoun Publ., 1998. 896 p. (in Russian).

14. Basko N. V. *Znakomim'sya s russkimi traditsiyami i zhizn'yu rossiyan. Uchebnoye posobiye po kul'turologii, razvitiyu rechi i chteniyu dlya izuchayushchikh russkiy yazyk kak inostrannyi* [Let us meet Russian traditions and life of the Russians. A textbook on cultural studies, speech development and reading for students of Russian as a foreign language]. Moscow, Rus. yaz. kursy Publ., 2007. 232 p. (in Russian).
15. *Tolkoviy slovar' russkikh glagolov: Ideographicheskoye opisaniye. Angliyskiye ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Ed. Prof. L. G. Babenko. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 707 p. (in Russian).
16. Chekulay I. V., Prokhorova O. N. *Stabil'nost' kak kategorial'naya oblast' aksiologicheskoy storony lingvisticheskoy semantiki* [Stability as a categorical domain of the axiological side of linguistic semantics]. *Yazyk: mul'tidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya: nauchnyy al'manakh Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii*, 2013, no. 3, pp. 52–58 (in Russian).

Информация об авторе

Небера М. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Nebera M. V., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 24.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 37.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-41-48>

КОНСТРУКТИВНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОБЛЕМНОСТИ СОЗНАНИЯ

Людмила Олеговна Тимошенко

Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия, timoshenkolo@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена лингвистическому аспекту конструктивного решения проблем сознания как в индивидуальной самостоятельной деятельности, так и в процессе группового обучения в системе образования. Привлечены философские категории нелинейности системы речи, диссипативности сознания. Рассмотрены относительно новые философские понятия градуальности и инградуальности сознания как направляющих речи, а также плюсы и минусы конструктивного подхода с психологической точки зрения. Затронута проблема образования в рамках виртуальной реальности.

Цель статьи – наглядно показать выигрышность конструктивного подхода к преодолению проблем сознания в спектре смежных философских категорий виртуальности, градуальности и инградуальности, нелинейности и диссипативности.

В статье применяется конструктивный подход, основанный на позитивном мышлении при решении проблем сознания, в частности при построении речи и при запоминании. Применяется психологический метод ассоциативности при запоминании иностранных слов с активным контекстным погружением на примере произведения Э. Берджесса «Заводной апельсин» на английском языке. Ассоциации распадаются на содержательные и чисто лингвистические примеры, свободно ассоциирующиеся у каждого по-своему. Ключом к применяемым методам является опосредованность практической деятельностью.

Автор статьи приходит к результату, согласно которому только постоянные усилия при запоминании и творческом преобразовании необходимой информации, выработанный навык практически конструктивно преодолевать проблемы сознания эффективны как в процессе обучения, так и в повседневной жизни. Разнообразие способов запоминания через практическую деятельность, перенесение учебного материала в повседневную жизнь как подсказок к действию на самом деле эффективны. Поиск связей изучаемого слова с реальностью, с необходимой деятельностью как нельзя лучше мотивируют запоминание иностранной лексики.

Практическая значимость работы определяется необходимостью повседневных усилий памяти в решении проблем обучения и быта и подтверждается 20-летним педагогическим опытом автора статьи, практикующим мнемотехнику в контексте философских понятий современной науки.

Ключевые слова: диссипативность сознания, виртуальная реальность, нелинейность речи, градуальность и инградуальность сознания, «внутреннее время»

Для цитирования: Тимошенко Л. О. Конструктивное преодоление проблемности сознания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 41–48. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-41-48>

CONSTRUCTIVE OVERCOMING THE PROBLEMS OF CONSCIOUSNESS

Lyudmila O. Timoshenko

Ufa Branch of Financial University, Ufa, Russian Federation, timoshenkolo@mail.ru

Abstract

The present article is devoted to the linguistic aspect of constructive solving of consciousness problems both in the individual independent activity, and in the process of group education. The author operates with the philosophic categories of non-linearity in the system of speech, dissipation of consciousness and its “pluses” and “minuses”, from the psychological point of view. Relatively new philosophic notions of graduality and ingraduality of mind as the speech trends are analyzed. The author dwells upon the problem of virtual reality (VR).

The aim of the article is to picture the obvious benefits of constructive approach to solving the problems of mind in the framework of conjoint philosophic categories of virtuality, graduality and ingraduality, non-linearity and dissipation.

We use the constructive approach, based on positive thinking in solving the mind problems, particularly, in making up the speech and in memorizing. The applied method is that of psychological associations, while memorizing foreign words, with the active context submerging on the example of A. Burgess's book "A Clockwork Orange" in English. The associations fall into the content ones and purely linguistic examples, with free associations for everybody. The key to the used methods is the mediation of practice.

The author of the article comes to the conclusion that only constant efforts in memorizing and creative modification of the necessary information, the worked out skill to cope with the mind problems constructively in practice are effective both in the process of education and in everyday life. The diversity of memorizing methods through practice, the projecting of the studied material onto everyday life as a hint to action are really working approaches. The search for links of the word under investigation with reality, the necessary activity foster the motivation of memory work in the foreign language (I added 24 words out of the necessary 13).

The practical value of the present paper is determined by the necessity of everyday mind efforts in solving the problems of education and the household and is substantiated by the 20-year pedagogical experience of the author, practicing mnemotechnology in the framework of philosophic notions in the modern science.

Keywords: *dissipation of mind, virtual reality, non-linearity of speech, gradual and ingradual mind*

For citation: Timoshenko L. O. Konstruktivnoye preodoleniye problemnosti soznaniya [Constructive Overcoming the Problems of Consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 41–48 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-41-48>

Велосипед не падает, только пока едет
Н. Грэйс [1]

Введение

В наш век «техногенного человека», немости жизни без виртуальных технологий и онлайн-контактов происходит обострение внутреннего напряжения, одиночества, невыраженности и непризнанности, эмоционального выгорания. Виртуальные технологии делают нашу жизнь значительно комфортнее – работа из дома, компьютерное преподавание, онлайн-банки. Но где же ЧЕЛОВЕК? Взаимодействие, живое взаимодействие «человек – человек», «человек – социум»? Как пишет известный социальный психолог XX в. Э. Фромм, «Иррациональные силы в человеке заставляют его бояться свободы и вызывают в нем жажду власти и стремление к разрушению. Но: хотя человек и формируется социальной и экономической организацией, сам он также формирует эту организацию» [2, с. 349–350].

Только живое, спонтанное общение, хотя оно и может быть менее эффективным, чем подготовленное заранее, реально изменяет ситуацию и оказывает влияние на личность. Мы стремимся к качественным изменениям в своей жизни. В данном случае уход в виртуальную реальность, эта «техногенная ширма» может оказаться бегством от реальности, боязнью нового и критики, неизвестности. Только живой контакт, поиски проецирования своих идей без искажающего влияния техники способны вызвать искренний отклик на другом конце общения.

Цель статьи – акцентировать конструктивность сознания как метод решения проблем профессионального и личного характера. Динамический подход с осмысленной, практически необходимой дея-

тельностью, выверенной сознанием, способен привести нас к качественным изменениям и функциональным решениям. Не «метод удава» как решение проблемы полным в нее погружением до получения результата, а непрерывно-дискретный принцип постоянных усилий с небольшим перерывом на подсознательное осмысление в переключении видов деятельности приведет к значимым желаемым сдвигам. Мотивацией на этом пути послужат неудовлетворенность собой, своими достижениями, вынужденная диссипативность деятельности как многоплановость с малым реальным результатом, производственная необходимость. Плюсом диссипативности личности может служить потенциальная вариативность, движение вширь с практическим выходом. Только непрерывные усилия создают качество жизни, успешность личности и задают ее динамику и направленность. «Подлинная потенциальность личности определяется ее процессуальной природой» [3, с. 32]. С. А. Изюмова пишет об активном начале в процессах памяти: «Утверждение активного начала в процессах памяти, признание ведущей роли смысловой переработки информации: памятью можно управлять, ее можно развивать, обучаясь специальным приемам» [4, с. 3]. Понятие внутреннего времени, внутреннее планирование с учетом практического результата определяют успешность такой жизненной навигации. Умение планировать не только свой труд, но и свой отдых, как отмечает один из ведущих российских специалистов по тайм-менеджменту Г. Архангельский, очень важно: «В грамотном личном тайм-менеджменте важно не только количество времени, но и качество. Используйте небольшой запланированный отдых через строго определенные промежутки времени» [5, с. 3].

Социум как связь с внешним миром, «подпитка» как условие выживания задают личности адаптивные условия и находятся с ней в динамическом равновесии. Как указывает западный психолог А. Бандура, «С развитием коммуникационных технологий символическое окружение играет все возрастающую роль в распространении идей поведения. Является ли связь между ситуационным побуждением и последующим поведением прямой или опосредована разного рода когнитивными процессами: оценкой актуальной ситуации, антиципацией событий и оценкой их последствий?» [6].

Парадоксальность единства противоположностей, таких как стремление личности к равновесию, стабильности и в итоге к стагнации и направленность личности в деятельности за счет неудовлетворенности интересов, насущных потребностей, внутренне многомерна. Двойкость плюсов и минусов диссипативности сказывается во временном уходе от острых моментов в другом виде деятельности, а с другой стороны, в непредсказуемой расширенности и многоплановости деятельности, не гарантирующей конечной результативности. Рассмотрение диссипативности как психотерапевтического приема, ставящего целью психическое здоровье и спокойствие личности ценой возможной незавершенности начатого, призвано придать личности уверенности в своих силах, веру в благоприятность обстоятельств, долгосрочное планирование как направленность личности.

Материал и методы

Обширность изучаемого материала как философского характера, так и лингвистического по данной теме предполагает разнообразные методы исследования. Восприятие иностранного языка не просто как «вещи в себе», замкнутой в своей узконациональной культуре, а «вещи для нас и при нас» за счет воспроизведения в памяти изученного, подсказок к действию на основе ментальных учебных действий всегда доступно для обращения. И в плане психической самодиагностики своего состояния по работе памяти, выяснения отклонений от нормы и плана изучение иностранного языка очень конструктивно. Метод практического конструктивного преодоления забывчивости или лени в немедленном или отложенном действии, повторение забытых навыков умственной работы, выкристаллизовавшихся с опытом и течением времени, спокойное поступательное движение в условиях постоянного стресса укрепляют личность, ее нервную систему, заставляют расставлять приоритеты и по-новому планировать свой день. Синкретизм методов гуманитарных и естественных наук – от подсчетов необходимой суммы денег в магазине до вспоминания названия товара по-английски, черте-

жа лекала, необходимого для пошива брюк, и первой пробежки на лыжах по рассыпчатому снегу – наш круг забот за день позволяет самому человеку выбирать и рулить своей жизнью, своими эмоциями, быть смелее. Как отмечают в своей статье по философии В. С. Меськов и А. А. Мамченко, «Целостность субъекта есть условие его существования. Субъект когнитивный – это такой субъект, у которого внутренней мотивацией к трансформации выступает способность познания и воля к познанию. В основе этой мотивации лежит требование поддержания когнитивной целостности субъекта, поскольку она есть условие его существования» [7, с. 70]. Конструктивность и поступательность, а не отзеркаливание и проецирование как методы позитивного мышления могут с успехом применяться при изучении английского языка. Вынужденное ожидание, простой физический труд освобождают мышление для работы памяти. Мышление в деятельности и в движении, о чем писалось в наших прежних статьях, – лучший метод конструктивного запоминания.

Современный философ Н. А. Носов выделяет понятия градуала и инградуала [8, с. 5], определяющие потенциал личности. Эти понятия так же полярно едины, как закон единства противоположностей. Градуал понимается Н. А. Носовым как широта и открытость сознания, легкость мышления, а инградуал – как суженность и вязкость, связанная с усилиями воли. Эти понятия неотделимы от понимания структуры личности. Без волевых усилий не придет энтузиазм и легкость. Человек стремится вырваться из «клетки» инградуала, примером чему может быть бытовая повседневность, производственные проблемы, дефицит времени, денег и возможностей самореализации. На определенном этапе волевых усилий человека в деятельности, выверенной интуицией, к нему приходит «второе дыхание» как легкость, «полет мысли», энтузиазм. В данном случае опасно «ослепление» энтузиазмом как потенциальное дальнейшее истощение и вакуум. Информационное поле, окружающее нас, невозможно вмести́ть в узкое человеческое сознание. «По мере овладения приемом классификации продуктивность запоминания увеличивается» [9, с. 148]. Человеку в принципе не угнаться за всеми новинками, как бы он ни стремился «быть в курсе». По этому поводу В. Г. Аникина пишет о пути методологии, принципов, примеров и трафаретов [10]. Решение бесконечных проблем, которые имеют свойство расширяться и множиться, как наша расширяющаяся Вселенная, не должно закончиться тупиком диссипативности, смущающим наше сознание. Диссипативность сознания удобна для его манипулирования извне. Лишь последовательность деятельности, нацеленная хотя

бы на промежуточный результат, придает человеку уверенности в себе, наглядна в результатах. Проблема степени реальности виртуальности актуальна в наш онлайн-век, как никогда. Это выражается в дисциплинированности, чувстве долга, совести, ответственности, которые в виртуальной реальности сознания выходят на первый план как движущие силы. Деятельность *per se*, без цели какой-то сиюминутной практической выгоды, такая, как, например, изучение иностранного языка, чтение художественной литературы, лучшее средство борьбы с суетой и загруженностью, копанием в болезнях. Только интуиция подскажет человеку динамическое равновесие между физической и умственной деятельностью, их чередованием и разнообразием, длительностью. Не путь от болевых ощущений от однообразия деятельности, а более эффективное их предупреждение в позитивном инградуальном усилии воли даст легкость и успешность, разовьет тайм-менеджмент, самодисциплину, жизнь по «внутреннему времени».

Доверие и открытость внешним знакам и подсказкам, напоминаниям извне работают при условии наличия направляющей идеи в сознании и практических усилий в деятельности. Не потерять и не упасть духом, застряв в бездеятельности, испугавшись множества задач, и не впасть в фанатизм без сна и отдыха, пытаясь с этими задачами справиться, а сделать максимум, возможный по силам сейчас, с позитивной установкой на дальнейшее продолжение, и результат видится нам как эффективная методика совладания. «Неподкрепленные действия» (термин западного психолога А. Бандуры) забудутся, хотя их след подсознательно останется у автора. Поэтому «подкрепление» практикой как физический аспект или признание окружающих, самоуверенность от достижений как нематериальный аспект работают при наличии потенциальных «неподкрепленных действий». Как отмечает З. Фрейд, «во всех случаях в основе забывания лежит мотив неохоты» [11, с. 136]. «Умению опираться в процессе запоминания на логические связи нужно специально учить», отмечает С. А. Изюмова [9, с. 148]. На это указывают в своих исследованиях З. М. Истомина, Л. М. Житникова, Ф. В. Ипполитов, Е. С. Махлах и др. Плюсом диссипативности деятельности как ее многомерности и движения вширь является возможность переключения, отложенности действий для их последующего осмысления, и, как отмечает А. А. Смирнов, «изменчивость корреляций между разными видами запоминания является органической основой памяти» [12, с. 9].

Воспоминания, идеи и намерения, эмоции закладываются благодаря их вытеснению более актуальными мыслеформами или в силу намеренного пе-

реклучения, но они, подобно съемному носителю памяти в компьютере, всегда окружают нас в информационном поле и, будучи раз осмыслены, легко доступны при необходимости для оперирования в нашем сознании. В данном случае мы наблюдаем взаимосвязь логической и механической памяти. «След памяти зависит от глубины обработки информации и широты ее разработки» [9].

Результаты и обсуждение

Максимально эффективное наполнение времени конструктивной деятельностью, переключение с умственного на физическое, чувство своей инициативы и владения собой не только выводят человека на новый уровень жизни, но и как эффективные подсказки способствуют «оттачиванию мысли». «Когда человек занят, ему некогда болеть», гласит народная поговорка.

Эффективность применяемой методики конструктивности сознания при запоминании видится нам:

- а) в непрерывных усилиях по запоминанию с различной мотивацией методами градуальности и инградуальности, а не в «наскоке», «методе удава»;
- б) в понимании конструктивности как деятельности, опосредованной практикой, основанной на позитивном мышлении;
- в) в рассмотренных плюсах и минусах диссипативности сознания;
- г) в раннем привитии привычки запоминать и мотивировать информацию;
- д) в доступности для оперирования вытесненных осмысленных ранее мыслеформ.

«Богословы отмечают, что провозглашение есть один из этапов реализации» [1, с. 146]. Речь как сформулированное осознание мысли, как наметка пути ее развития и решения проблемы, как созидательная активность есть отражение нашего сознания, особенно в наглядном — письменном монологическом или в диалоговом режиме. Речь как творчество, но не пустое многословие или софистика, игра смыслов, а продуманность и устойчивость мировоззрения, пусть даже недосказанность, но додуманность. Ассоциации, вызываемые речью в сознании воспринимающего, складывающийся образ, опосредованный личностью воспринимающего, представляются нам как имеющие более важное значение, чем слова, его «рисующие». Многообразие восприятия речи говорящего у аудитории складывается из ее продуманности у автора, расчета на определенную аудиторию, личных ассоциаций и культурного уровня слушающих. Идеальна по продуктивности интерактивная ситуация с обратной связью.

В педагогике при обучении английскому языку методика встроена в курс, и на занятии возможно

затренировать только какой-то один узкий практический аспект для реального эффекта. Путь от ассоциаций с иностранным словом в различных словосочетаниях и предложениях к ассоциациям с текстом на иностранном языке очень труден. Здесь акцентируются личностные особенности обучающегося, его умственные привычки, регулярная работа с книгой, закрепление изученного в окружающих реалиях. Так, психологи пишут о максимальной эффективности усвоения благодаря перерывам и отвлечению. Непрерывность и дискретность как две психологические стороны обучения находят равновесие у каждой личности в своей мере, но они необходимы, о чем мы указывали выше.

Нелинейность речи представляется нам в связи с опорой на практический аспект, реальную основу, бытие. Модель шара как человеческого мышления с разнообразными внутри него уклонами в деятельность, статичную и динамичную, в итоге сводящуюся к первоначальной мысли в течение дня, к постоянной привычной деятельности, к постоянному кругу забот, «закругляется» и успокаивается внутри себя во сне. Разрядка мыслей в деятельности освежает ум, освобождает умственное пространство, помогая практически решить насущные проблемы. В своей статье о виртуальной реальности (ВР) В. Г. Аникина указывает свойства виртуальной реальности, которые мы хотели бы проанализировать в приложении к речи [10, с. 3].

Свойства виртуальной реальности:

1) порождаемость – вторичность ВР относительно реальности. Порождение мысли и речи. Речь человека создает отношения, ситуацию. Речь – визитная карточка человека. Все общение людей в основном происходит через речь;

2) рефлексивность. Человеку свойственно задумываться. Но без словесных образов мысль теряется. Зачастую, чтобы уяснить себе мысль, что-то запомнить, человек записывает ее или делится с другим;

3) иммерсивность в физическую реальность. Мы говорим о реалиях нашего мира. Даже если мы говорим на иностранном языке, мы говорим о понятном. Основа иммерсивности – многоплановость личности;

4) интерактивность – взаимодействие с реальностью. Это обратная связь. Речь только тогда будет успешной, если она найдет отклик у собеседника – устный, письменный или просто мысленный. Цель речи – воздействие на слушателя;

5) актуальность «здесь и теперь», функционирование порождающей реальности. Актуальность идей, носящихся в умах, определяется различными материальными и нематериальными факторами, но всегда идеи находят свою аудиторию. Если

мысль «попала в струю», тем больше людей откликнутся на нее, она может стать частью идеологии. Не «бегство от реальности» в умозрительных построениях, а опора на насущные проблемы, конструктивный взгляд на них с учетом возможного реального личного вклада определяют актуальность «здесь и теперь» и успешность решения проблемы;

6) автономность. Специалист, предлагающий свое видение решения проблемы, опирается на свои реальные силы и связи, видит конечный возможный результат. Только автономный подход к проблеме, замкнутый цикл «от и до» привлечет внимание специалистов. Решение проблемы под ключ с незначительными нерешенными деталями, с поиском возможной помощи в решении данной проблемы привлечет инвесторов и руководителей в любой области;

7) символичность, знаковая природа виртуальной реальности. Символ как знак для сокращения, чья расшифровка знакома, очень удобен для использования. ВР как опора на внутренние, ранее описанные или знакомые говорящим ассоциации является отправной точкой для дальнейшего общения, поступательности идей.

Таким образом, «сжатость» ВР до символа, ассоциации, «внутренняя вязкость многомерности ВР» роднят ее с инградуалом. Удобство присутствия общих символов и ассоциаций в сознании говорящих делает возможным продолжение общения с опорой на них в любой момент времени и с разной давностью опоры, так как собеседникам свойственно вспоминать интересующие их моменты, закрепленные в общении. «Личность, – как отмечает В. М. Розин, – не может существовать в культуре без полноценной реальности» [13, с. 7]. Согласно Э. Герингу, внесшему большой вклад в гештальт-психологию и психологию восприятия цвета, «память является общим свойством органической материи» [14, с. 131–132]. «Наличие последствий создает благоприятные условия для дальнейшего восстановления процессов возбуждения, благоприятствуя воспроизведению при соответствующих условиях уже имевших место процессов» [15, с. 280]. Так, согласно «теории последствий», именно отвлеченное, отдельное во времени воспоминание и продумывание воспринятого имеют кардинальное значение в устойчивости следа воспоминания. При многократном или постоянном обращении к данному следу информация встраивается в сознание и приходит на ум уже подсознательно.

В основе как запоминания, так и забывания лежит мотив охотности. По мнению П. И. Зинченко, произвольное запоминание является продуктом целенаправленной деятельности человека, является основной, наиболее жизненно значимой формой

[15, с. 475]. Как психотерапевтический прием диссипативности сознания деятельность, сиюминутно неактуальная, обязательно «откликнется» в сознании своей пользой в дальнейшем возникающими мыслями и ассоциациями, если деятельность эта совершена с установкой приятия. Например, изучение молодежной «культуры» хулиганов, их сленга в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» [16] в оригинале, через неприятие и опасение, страх знакомит читателя с приемами обмана и насилия, от которых должен уметь защититься каждый. Приемы молодежной хулиганствующей среды, столь типичные в среде школьников и студентов, в романе Э. Берджесса вскрыты в их образе мыслей, что дает старшему поколению возможность подготовленно с ними общаться и искать воспитательные тактики.

Динамичный подход к деятельности и общению порождает новизну и события. Но возникает ложный уклон в поиск новизны – это обратная сторона динамического подхода. Знакомое и отработанное до автоматизма действие, в котором всегда будет новизна времени и скорости «здесь и сейчас» или «окувание с головой» в неизвестность и новизну, поиск знакомого в новом как своего рода приключение и тренировка сознания – это зависит от типа личности и ее уверенности в себе, стремления к риску. Но однажды изведав новое, такой романтик может так же легко его забыть, пройти мимо него в другой раз. Только известное с некоторой долей новизны придает человеку динамическую уверенность в деятельности.

Заключение

Обращаясь к данному разделу о нелинейности речи, приходим к выводу, что

а) только реальность, будь то собеседник или реальная деятельность, связанная с практикой, вызывает отклик в мыслях, речи и деятельности говорящего и, возможно, слушающего. «Живая материя», с точки зрения обратной связи, как сознание говорящего или слушающего, опосредованная реальной деятельностью, практикой и опытом, является основой градуальности как легкости и открытости сознания;

б) градуальность и инградуальность сознания связаны с понятиями виртуальной реальности, «внутреннего времени» во внутренней свободной возможности человека «распрямить пружину напряжения» за счет свободного планирования своего времени. Термины «градуал» и «инградуал» узки и новы. Они введены философом Н. А. Носовым и упоминаются В. Г. Аникиной в связи с проблемами виртуальной реальности. Но идея противопоставленности плавности и легкости, вдохновения и энтузиазма (градуал) усилиям воли, вязкости, инер-

тности и сжатости (инградуал) отражает реальные стороны хода нашей жизни и настроения;

в) диссипативность деятельности как ее многомерность психотерапевтична в успешности выполнения некоторых конечных действий и получении хотя бы промежуточных результатов. Получение окончательных результатов диссипативной деятельности приводит к мощному всплеску самоуважения при условии признания этих результатов кем-то еще и является стимулом к продолжению и завершению начатого.

Диссипативность сознания, выражающаяся в многомерности деятельности, при обращении назад, к анализу своей деятельности, часто подсознательно содержит ключ к решению тех или иных отстоящих по времени личных проблем автора. Свойство нашего сознания и подсознания в отсроченном решении наших запросов памяти, в наглядном представлении ответа на интересующий вопрос при условии внутреннего напряженного усилия, а затем расслабления и переключения мыслей обычно работает при постоянных тренировках умственной деятельности;

г) преобразующая, а не просто воспроизводящая деятельность сознания с привлечением воображения является подлинным стимулом к решению проблем личности.

Стремление к конкретике как конструктивный прием сознания может быть выражено в подборе личных ассоциаций с изучаемым или встречающимся явлением, например, возьмем изучение новых слов в английском языке в контексте рассмотренной выше книги Э. Берджесса «Заводной апельсин». Например, мошеннические приемы привлечения внимания, желание разжалобить и выманить деньги, втершись в доверие к собеседнику, применяемые описанной в романе молодежной хулиганствующей группировкой, глумящейся над людьми, перекликаются с актуальным для нашего времени телефонным и уличным мошенничеством, настораживая и предупреждая читателя. В плане содержания книги возникают подобные ассоциации. А в плане лексики каждое выписанное новое слово или «необкатанное» клише, например *to admire in one's left shoe* (дословно: восхищаться в своем левом ботинке) [17, с. 6], наводят на внимательное чтение контекста и дают простор для творчества перевода. Так, это переносное выражение-неологизм не найдешь в словаре, но его можно перевести по контексту как презирать, проявлять поверхностный интерес. «Неустойчивость представлений, выражающаяся в изменчивости и текучести некоторых частей, свойств и деталей образа-представления как бы вводит в представление ряд переменных» [18, с. 262]. Новизна творческого поиска, открывающаяся в конструктивном динамическом

подходе, помогает шире, без предвзятости, взглянуть на произведения, описывающие совершенно разные слои общества, и постараться путем позитивного мышления и конструктивного преодоления принять существующий мир в его многообразии и найти в нем свое направление.

Перекличка ключевых слов и выражений статьи между собой рассматривается нами в русле применяемых методов нелинейности сознания и речи в их практической опосредованности, «внутреннего времени» как способности личности самостоятельно планировать и чередовать свою умственную и физическую деятельность, в смене направленности и дискретности деятельности как залога ее успешности благодаря принципу «отложенности действий», «теории автоматизма» П. Жане, который настаивает на тесной связи памяти с действием [19, с. 6]. «Встроенность» получаемой информации в сознание с последующим ее вытеснением более насущными вопросами – цель мотивации

обучения. Во избежание «захламенности» сознания неосмысленной информацией рекомендуется мотивировать получаемую информацию, рассчитывать, что рано или поздно любая информация, даже, на первый взгляд, сиюминутно практически ненужная, будет когда-нибудь востребована. Как отмечает М. Зиганов в своей книге «Мнемотехника» при описании приема свободных ассоциаций, «вас не должно пугать большое количество повторений» [20, с. 35]. М. Зиганов практикует многократное повторение информации с прорисовкой и проговариванием.

Деятельностное познание лежит в основе природы человека и сопровождает его всю жизнь. Поэтому, чтобы информация не обременяла сознание, не истощала ум, не приводила к депрессии, ее следует мотивировать, практически осмысливать с точки зрения позитивного мышления и практической значимости в данный период жизни или когда-то в дальнейшем.

Список источников

1. Грэйс Н. Приемы развития памяти, внимания и речи. СПб: Питер, 2007. 192 с.
2. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006. 540 с.
3. Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–38.
4. Изюмова С. А. Природа мнемических способностей и дифференциация обучения. М.: Наука, 1995. 382 с.
5. Архангельский Г. Тайм-драйв. Как успевать жить и работать. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 127 с.
6. Бандура А. Теория социального научения. СПб: Евразия, 2000. 320 с.
7. Меськов В. С., Мамченко А. А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контекст // Вопросы философии. № 10. 2010. С. 67–81.
8. Носов Н. А. Виртуальная психология. М., 2000. 432 с.
9. Изюмова С. А. О возрастных и индивидуальных различиях памяти // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, КноРус, 2002. 814 с.
10. Аникина В. Г. Онтологические особенности и преадаптивность виртуальной реальности // Вопросы психологии. 2021. № 6. С. 3–13.
11. Фрейд З. Забывание иностранных слов. Забывание впечатлений и намерений // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2002. 814 с.
12. Смирнов А. А. Произвольное и непроизвольное запоминание // Психология памяти. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: АСТ, 2008. С. 9 (Хрестоматия по психологии).
13. Розин В. М. Психология и культурное развитие человека. М.: Ленанд, 2015. 232 с.
14. Кондаков И. М. Психология: иллюстрированный словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 783 с.
15. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание и деятельность запоминание // Психология памяти. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: АСТ, 2008 (Хрестоматия по психологии).
16. Берджесс Э. Заводной апельсин. М.: АСТ, 2021. 315 с.
17. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2005. 942 с.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 679 с.
19. Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Акад. проект, 2010. 400 с.
20. Зиганов М., Козаренко М. Мнемотехника. Все секреты суперпамяти. М.: Образование, 2000. 300 с.

References

1. Grace N. *Priyomy razvitiya pamyati, vnimaniya i rechi* [Ways of developing memory, attention and speech]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2007. 192 p. (in Russian).
2. Fromm E. *Zdorovoye obshchestvo* [The healthy society]. Moscow, AST Publ., 2006. 540 p. (in Russian).

3. Kostromina S. N., Grishina N. V. Voznikayushcheye kak predmet issledovaniya v psikhologii lichnosti [The arising as the object of investigation in psychology of personality]. *Voprosy psikhologii – Voprosy Psychology*, 2021, no. 4, pp. 21–38 (in Russian).
4. Izyumova S. A. *Priroda mnemicheskikh sposobnostey i differentsiatsiya obucheniya* [The nature of mental skills and differentiation of education]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 382 p. (in Russian).
5. Arkhangel'skiy G. *Taym-drayv. Kak uspevat' zhit' i rabotat'* [Time-drive. How to manage living and working]. Moscow, Mann, Ivanov & Ferber Publ., 2010. 127 p. (in Russian).
6. Bandura A. *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [The theory of social teaching]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2000. 320 p. (in Russian).
7. Mes'kov V. S., Mamchenko A. A. *Tsikl transformatsii kognitivnogo sub'yekta. Sub'yekt, sreda, kontekst* [The cycle of cognitive subject transformation. The subject, the milieu, the context]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 10, pp. 67–81 (in Russian).
8. Nosov N. A. *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual psychology]. Moscow, 2000. 432 p. (in Russian).
9. Anikina V. G. Ontologicheskiye osobennosti i preadaptivnost' virtual'noy real'nosti [Ontological features and preadaptation of virtual reality]. *Voprosy psikhologii – Voprosy Psychology*, 2021, no. 6, pp. 3–13 (in Russian).
10. Izyumova S. A. O vozrastnykh i individual'nykh razlichiyakh pamyati [On age and individual differences in memory]. In: Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. *Psikhologiya pamyati* [Psychology of memory]. Moscow, CheRo Publ., 2002. 814 p. (in Russian).
11. Freud Z. Zabyvaniye inostrannykh slov. Zabyvaniye vpechatleniy i namereniy [Forgetting foreign words. Forgetting impressions and intentions]. In: Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. *Psikhologiya pamyati* [Psychology of memory]. Moscow, CheRo Publ., 2002. 814 p. (in Russian).
12. Smirnov A. A. Proizvol'noye i neproizvol'noye zapominaniye [Intentional and unintentional memorizing]. In: Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. *Psikhologiya pamyati* [Psychology of memory]. Moscow, CheRo Publ., 2002. 814 p. (in Russian).
13. Rozin V. M. Psikhologiya i kul'turnoye razvitiye cheloveka [Psychology and cultural development of the person]. Moscow, Lenand Publ., 1994. 232 p. (in Russian).
14. Kondakov I. M. *Psikhologiya. Illyustrirovannyi slovar'* [Psychology. The illustrated dictionary]. Saint Petersburg, Praym-Yevroznak Publ., 2007. 783 p. (in Russian).
15. Zinchenko P. I. Neproizvol'noye zapominaniye i deyatel'nost' [Unintentional memorizing and activity]. In: Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. *Psikhologiya pamyati* [Psychology of memory]. Moscow, CheRo Publ., 2002. 814 p. (in Russian).
16. Burgess A. *Zavodnoy apel'sin* [A clockwork orange]. Moscow, AST Publ., 2021. 315 p.
17. Muller V. K. *Novyy anglo-russkiy slovar'* [New English-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk – Media Publ., 2005. 942 p. (in Russian).
18. Rubinstein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [The basics of general psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 679 p. (in Russian).
19. Zhane P. *Psikhologicheskaya evolyutsiya lichnosti* [Psychological evolution of the person]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2009 (in Russian).
20. Ziganov M., Kozarenko M. *Mnemotekhnika. Vse sekrety superpamyati* [Mnemotechnology. All secrets of supermemory]. Moscow, Obrazovaniye Publ., 2000. 300 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Тимошенко Л. О., кандидат филологических наук, доцент, Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ул. Мустая Карима, 69/ 1, Уфа, 450015).

Information about the author

Timoshenko L. O., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ufa Subsidiary of Financial University for the RF Government (ul. Mustaya Karima, 69/1, Ufa, Russian Federation, 450015).

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 17.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 81'27

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>

ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ПЛАКАТ О ПРОФИЛАКТИКЕ COVID-19 В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ

Екатерина Евгеньевна Сараева¹, Юлия Ивановна Детинко²

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Russian Federation

¹ kalinina3d@gmail.com

² julia_detinko@mail.ru

Аннотация

Последние годы в связи с распространением вируса COVID-19 возникла необходимость дополнительного информирования населения о симптомах заболевания и способах его распространения. Информационный плакат является одним из самых популярных средств массового просвещения, поэтому так необходимо обращать внимание на лингвистические и экстралингвистические средства, которые способны привлечь внимание к плакату и повлиять на человека.

Цель работы – выявление основных стратегий и тактик воздействия, используемых в англоязычных и русскоязычных медицинских плакатах, посвященных профилактике инфекции COVID-19, сопоставление вербальных и визуальных средств.

Материалом исследования выступают информационные медицинские плакаты о профилактике COVID-19 на английском и русском языках, размещенные на официальных сайтах различных медицинских организаций. Основной метод, который использовался при исследовании плакатов, – метод мультимодального дискурса-анализа.

В данной статье представлен комплексный анализ основных тенденций использования вербальных и невербальных средств воздействия в англоязычных и русскоязычных информационных медицинских плакатах, посвященных профилактике коронавирусной инфекции. С помощью мультимодального дискурса-анализа были выявлены основные стратегии и тактики воздействия в медицинских плакатах, а также их общие и отличительные черты на двух языках. Основные стратегии воздействия, используемые в информационном плакате о профилактике COVID-19, включают стратегию привлечения внимания, стратегию информирования, стратегию призыва к защите и стратегию запрета.

В результате проведенного исследования были выделены четыре стратегии воздействия информационного плаката о профилактике COVID-19, каждая из которых при помощи языковых средств, изображений, композиционных и других особенностей реализует определенные тактики. В статье были сопоставлены лингвистические и экстралингвистические средства, используемые в плакатах, посвященных профилактике COVID-19, на английском и русском языках. Более того, были выявлены различия плакатов на разных языках с культурологической точки зрения, которые, согласно исследованию Э. Холла, можно объяснить различным контекстом коммуникации двух культур.

Ключевые слова: информационный медицинский плакат, COVID-19, мультимодальный дискурс-анализ, воздействие, стратегии, тактики

Для цитирования: Сараева Е. Е., Детинко Ю. И. Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>

MULTIMODAL SPECIFICS OF COVID-19 POSTER: IMPACT ON THE AUDIENCE

Ekaterina E. Sarayeva¹, Yuliya I. Detinko²

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ kalinina3d@gmail.com

² julia_detinko@mail.ru

Abstract

In recent years, COVID-19 encourages medical organizations to intensify informing the population to stop the spread of the infection. A health poster is one of the most popular educational tools for the mass, therefore it is necessary to pay attention to linguistic and extralinguistic aspects of poster which have a big impact on people.

The aim of the article is to identify the main strategies and tactics used in COVID-19 posters to prevent the infection, and to compare verbal and visual features of a health poster in Russian and English.

The material for the study is health posters aimed at COVID-19 prevention in the English and Russian languages, posted on the official websites of various medical and healthcare organizations. The main method used in the study is multimodal discourse analysis.

The article presents a comprehensive analysis of the main aspects of verbal and nonverbal impact in COVID-19 posters in English and Russian. Using multimodal discourse analysis, we distinguished the main strategies and tactics of COVID-19 posters impact, as well as their common and distinctive features in English and Russian. The main strategies used in the COVID-19 poster include the draw attention strategy, the informing strategy, the call for protection strategy, and the prohibition strategy.

There are four strategies of the COVID-19 poster to impact the audience. Each strategy implements particular tactics using language, images, composition and other features. Moreover, there are some differences in posters in English and Russian from a cultural point of view, which can be explained by different context of communication between the two cultures, according to E. Hall's research.

Keywords: medical poster, COVID-19, multimodal discourse analysis, impact, strategies, tactics

For citation: Sarayeva E. E., Detinko Yu. I. Informatsionnyy meditsinskiy plakat o profilaktike COVID-19 v mul'timediynom aspekte: sredstva vozdeystviya na auditoriyu [Multimodal Specifics of COVID-19 Poster: Impact on the Audience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 49–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>

Введение

Пандемия COVID-19 породила новую волну потребности в разработке социальной рекламы и информационных плакатов [1, с. 60]. Несмотря на развитие СМИ и интернета, информационный медицинский плакат в современном мире остается одним из важнейших воздействующих средств, так как охватывает все слои населения, независимо от возраста и достатка. Плакат легко распространить в медицинских учреждениях, транспорте, общественных местах, а также в различных организациях.

Проанализировав работы отечественных и зарубежных ученых по исследованию плаката в медицине, мы пришли к выводу, что информационный медицинский плакат – это средство массового информирования по вопросам организации здравоохранения и общественного здоровья, представленное в виде крупного листа с изображением и текстом, сочетание которых оказывает усиленное воздействие на реципиента.

Для того чтобы оказывать усиленное воздействие на человека во время пандемии, плакат модифицируется и развивается, совершенствуется дизайн и происходит точный подбор лексических средств. Исследования показывают, что даже минимальные изменения в тексте плаката могут значительно повлиять на его восприятие. Например, плакаты с идентичным дизайном, но с разным текстом – «Оставайся здоровым» и «Оставайся здоровым, экономь время, используй лестницу» оказывают разное воздействие на реципиента. В условиях спешки люди намного чаще откликаются на плакат, призывающий экономить время [2, с. 403].

Информационный медицинский плакат является разновидностью мультимодального текста, т. е. нелинейного текста, который состоит из двух негомогенных частей – вербальной и невербальной [3, с. 92]. Обращение к проблеме мультимодального текста плаката обусловлено тем, что в современной лингвистике широкую популярность получают вопросы, связанные с изучением комплексного воздействия вербальных и невербальных средств.

Целью настоящей работы является сопоставление вербальных и визуальных средств, выявление основных стратегий и тактик воздействия, используемых в англоязычных и русскоязычных медицинских плакатах, посвященных профилактике инфекции COVID-19.

Теоретические основы

Начиная с XX в. ученые проявляли большой интерес к медицинскому плакату. Как правило, плакат рассматривают неотрывно от его функций. Медицинский плакат исследуется в контексте социальной рекламы [1, 4, 5], пропаганды и агитации [6], как источник информирования и просвещения [7, 8].

Плакат был самым популярным агитационным оружием приблизительно до середины прошлого века. Он распространялся во многих странах и затрагивал различные сферы жизни, так как включает в себя «не только изображение идеи, но и ее сжатую, запоминающуюся формулировку». Плакат является одним из важнейших инструментов формирования общественного мнения, ведь он транслирует людям необходимые ценности и суждения,

отражает приоритетные направления развития социума [9, с. 344].

Плакат – это текст, который включает как вербальные, так и невербальные элементы. В отечественной науке тексты такого типа называются несколькими терминами – креолизованные [10], поликодовые [11, 12] и мультимодальные [13–15]. В ряде работ данные понятия используются как синонимичные [16, 17], другие ученые разделяют их в связи с тем, что поликодовый текст может быть предназначен только для зрительного восприятия, т. е. быть мономодальным [12].

Одной из важных проблем в лингвистике является проблема мультимодального текста как предмета анализа. При мультимодальном анализе коммуникация исследуется во всех ее формах, особое внимание уделяется текстам, включающим два или более модуса коммуникации. Данные модусы, или семиотические ресурсы, представляют собой различные аспекты речи, физические действия, проксемику, продукты человеческого производства, содержащие семиотическое значение [18].

Ученые подходят к мультимодальному анализу с трех точек зрения: социально-семиотический подход, при котором необходимо анализировать изображения, как если бы они были предложениями, отвечая всего на два вопроса: *Как изображенные люди соотносятся наблюдателем?* и *Как изображены люди?* [19]; системный функциональный подход, в котором системы значений на изображении анализируются в сочетании с метафункциями, которые они реализуют [18], и мультимодальный анализ интеракции, при котором происходит анализ взаимодействия людей [20, с. 33].

Данные подходы отличаются способом реализации с точки зрения принадлежности к тому или иному научному направлению, однако они имеют общую цель – комплексный анализ изображения. В данной работе мы опирались как на социально-семиотический, так и на системный функциональный подходы, поскольку исследовали медицинский плакат с точки зрения его основной функции – воздействия.

В статье плакаты рассматриваются с точки зрения речевого воздействия, т. е. «воздействия человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [21, с. 45]. Речевое воздействие на адресата реализуется посредством речевых стратегий. О. С. Иссерс рассматривает речевые стратегии как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [22, с. 53]. Реализация стратегии происходит при помощи последовательного осуществления тактик – «совокупности практических ходов в

реальном процессе речевого взаимодействия» [23, с. 19].

Материал и методы

Для достижения поставленной цели был использован метод мультимодального дискурс-анализа, который позволил провести комплексный анализ информационного плаката как гибридного семиотического единства в контексте медицинского дискурса, рассмотреть не только вербальные средства воздействия, но и особенности изображений, композиции, шрифта и цвета.

Материалом для исследования послужили 30 информационных медицинских плакатов за период 2020–2021 гг. на русском и английском языках. Большая часть плакатов на английском языке базируется на информации с официальных сайтов Всемирной организации здравоохранения, центров по контролю и профилактике заболеваний США, Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и других медицинских организаций. Плакаты на русском языке также размещены в открытом доступе на сайте Всемирной организации здравоохранения, Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения РФ и др.

Результаты и обсуждение

Комплексный анализ позволил выявить основные воздействующие стратегии и тактики, используемые в плакате о профилактике COVID-19, а также основные вербальные и невербальные средства, способствующие их реализации.

В результате проведенного мультимодального дискурс-анализа мы выявили четыре основные стратегии воздействия, которые используются в информационном плакате по профилактике COVID-19:

- стратегия привлечения внимания, цель которой – вызвать заинтересованность к проблеме быстрого распространения коронавирусной инфекции;
- стратегия информирования, которая необходима для того, чтобы уведомить население об основных способах распространения коронавирусной инфекции, способах передачи и симптомах заболевания, корректировать поведение человека для предотвращения передачи инфекции COVID-19;
- стратегия призыва к защите, используемая для того, чтобы призвать население выполнять непривычные действия: носить маску и перчатки, не выходить из дома, чаще мыть руки и т. д., чтобы защитить себя и окружающих от распространения вируса;
- стратегия запрета, целью которой является добиться минимального выполнения населением привычных действий, которые приводят к заражению инфекцией COVID-19.

Стратегия привлечения внимания включает в себя тактику апелляции к авторитету, тактику нагнетания тревоги и тактику эффективного визуального оформления.

Тактика апелляции к авторитету заставляет людей понимать, что серьезные медицинские организации и медицинские работники призывают их выполнять определенные меры профилактики. Обратив на это внимание, человек начинает воспринимать информацию на плакате как важную.

Данная тактика реализуется при помощи схематичного изображения медицинских работников (рис. 1).

Рис. 1. Тактика апелляции к авторитету

Использование логотипов и названий медицинских организаций (*WHO, Роспотребнадзор, International Committee of the Red Cross*) также способствует привлечению внимания. Такие организации изначально имеют большое влияние, так как занимаются лечебно-профилактическими услугами, которые востребованы в обществе.

Медицинская терминология в сочетании с изображениями усиливает влияние авторитета, так как термины употребляются по большей части в профессиональной сфере. В англоязычном плакате: *germs, symptoms, infection*; в русскоязычном: *диагноз, симптомы, ОРВИ* и др.

Тактика нагнетания тревоги используется для того, чтобы вызвать у людей ощущение небезопасности и страха заражения. Напуганный вирусом человек обязательно обратит внимание на текст плаката. Тактика реализуется в основном при помощи изображений. Например, на плакатах можно увидеть изображения вируса с негативными эмоциями, чтобы придать вирусу образ врага; изображения болеющих людей, которые часто выражают на лице грусть (рис. 2). Ассоциируя себя с людьми на картинках, человек начинает задумываться о болезни и обращает внимание на другую информацию на плакате.

Изображения медиков или специальных работников в защитных костюмах заставляют людей осознавать, как быстро передается инфекция и как важно от нее защищаться, соблюдая указанные меры (рис. 2).

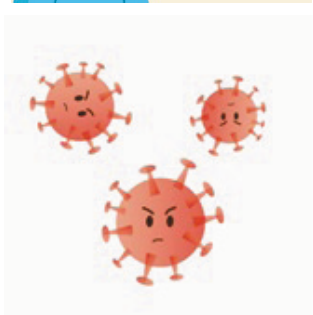
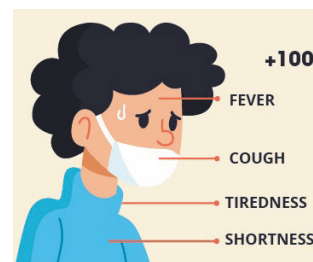

Рис. 2. Тактика нагнетания тревоги

Тактика эффективного визуального оформления подразумевает соблюдение базовых композиционных принципов плаката. К. С. Шилиев и Е. А. Шлотгауэр отмечают, что, согласно концепции визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Ливена, принципы композиции выделяются на основе трех взаимосвязанных типов значения: информационного значения (*information value*), при котором выделяются различные зоны, в которые можно поместить элементы изображения: право – лево, верх – низ, центр – периферия; выраженности (*salience*), т. е. степени привлечения внимания зрителя расположением объектов вблизи и вдали, размером, контрастом или резкостью картинки; обрамления (*framing*) – наличия или отсутствия рамок, которые объединяют или, наоборот, разделяют элементы изображения [24, с. 155–156].

В плакате чаще всего используется асимметричная композиция и выравнивание по левому краю (реже – центральная, однако она признана менее эффективной при воздействии). Элементы в углах полей провоцируют зрителя посмотреть на плакат, так как создают дисбаланс (рис. 3). Во многих плакатах используется принцип графической доминанты – присутствует центральная точка, которая сразу же обращает внимание зрителя [25] (рис. 4).

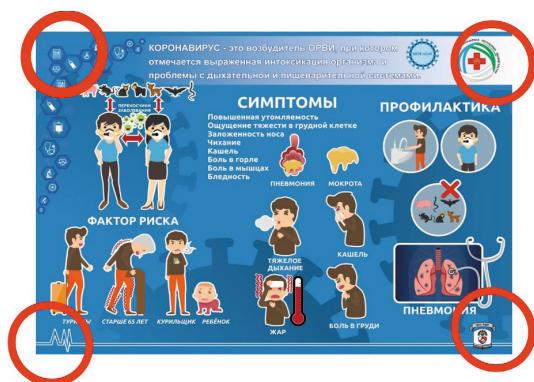

Рис. 3. Композиция с элементами в углах полей

Рис. 4. Композиция с применением принципа графической доминанты

Также в большинстве плакатов отмечается соблюдение цветового единства. Голубой (синий) цвет используется в медицинском плакате чаще всего, так как, во-первых, в психологии он ассоциируется с надежностью, доверием, знаниями, профессионализмом, чистотой и спокойствием [26, с. 163–164]. Поскольку все эти качества ценятся в медицинском сообществе, синий – идеальный выбор для медицинских логотипов. Во-вторых, поскольку синий цвет часто используется поставщиками медицинских услуг и другими соответствующими организациями, потребители уже ассоциируют его с областью медицины.

Распространено выделение текста цветом или использование разных контрастных шрифтов.

Чаще всего используется красный цвет, так как он контрастирует с синим фоном плаката и привлекает наибольшее внимание. Красный, по сравнению с другими цветами, наиболее виден на большом расстоянии, а также вызывает немедленную реакцию мозга, что полезно в ситуации сигнала об опасности, запрета и привлечения внимания (рис. 5).

ЗАЩИТИ СЕБЯ

Wash your hands frequently with soap and water

Рис. 5. Тактика эффективного визуального оформления

Стратегия информирования включает в себя тактику разъяснения и тактику облегчения восприятия информации.

Тактика разъяснения необходима для того, чтобы подробно и развернуто описать способы профилактики и симптоматику коронавирусной инфекции, обеспечить легкость восприятия плаката всем слоям населения.

Данная тактика реализуется прежде всего при помощи распространенных конструкций с однородными членами. Основная роль предложений с однородными членами в речи – конкретизация и детальность описания, они позволяют передать мысль более точно. К примеру, в предложении *Clean and disinfect frequently touched objects and surfaces* присутствуют однородные сказуемые и однородные дополнения. Несмотря на то что глагол *clean* изначально несет в себе семантику чистоты, он дополняется глаголом *disinfect*, тем самым уточняя действие. Существительные *objects* и *surfaces* также уточняют объект.

Или же предложение на русском языке: *Анти-септиками и мылом с водой обрабатывайте руки и поверхности*. Здесь можно увидеть однородные дополнения. Общий смысл данного предложения – *соблюдайте чистоту*, но как раз с целью уточнения и информирования используется распространенное предложение.

Следующее средство реализации тактики – точные числовые данные. Они используются практически во всех плакатах, так как для профилактики и восстановления от ковида необходимо соблюдение точных мер. Мы можем увидеть меры, доступные человеческому восприятию, – секунды, метры, в англоязычных плакатах – *feet* и *inches*.

Кроме того, для реализации тактики используются условные конструкции. Их основная функция – объяснение, какие действия необходимо соблюдать в случае возникновения симптомов заболевания. Например, *If you feel sick, go home* или *Вызовите врача, если заболели*.

Наречия с семантикой регулярности, повторения (*frequently, routinely, регулярно, чаще*) обраща-

ют внимание на то, как часто необходимо выполнять те или иные действия: *Disinfect frequently touched objects, routinely clean, регулярно мойте руки, чаще проветривайте помещения, нельзя повторно носить маску.*

Наречия с семантикой тщательности уточняют, каким образом необходимо выполнять действие, – *Thoroughly cook, тщательно мыть руки.*

Тактика облегчения восприятия информации необходима для упорядоченной подачи информации. Важной составляющей для плаката является его структурированность, так как это позволяет человеческому мозгу легче воспринимать и запоминать информацию.

Важнейшими средствами здесь являются распределение информации по блокам (например, симптомы, способы передачи, группы риска и т. д.) и последовательная нумерация. Тематические блоки позволяют легче идентифицировать информацию, а последовательная нумерация категоризирует новую информацию для легкого запоминания (рис. 6).

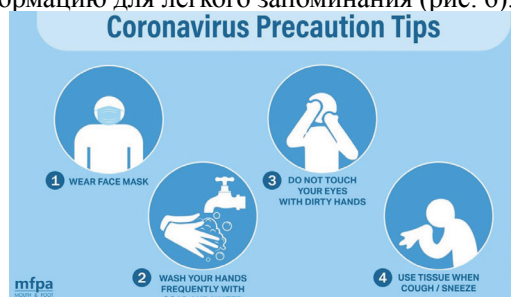

Рис. 6. Плакат с применением тактики облегчения восприятия информации

Стратегия призыва к защите включает в себя тактику предупреждения, тактику призыва к конкретным действиям и тактику визуализации действия.

Тактика предупреждения необходима для презентации предостережения, настоятельного совета, обращает внимание реципиента на то, какие конкретные действия необходимо выполнить для защиты.

Основным способом реализации данной тактики является использование императива. Например, в словосочетании *Stop the spread* глагол *stop* в повелительном наклонении в сочетании с отглагольным существительным *spread* усиливает свою коннотацию ограничения действия. Также глаголы в повелительной форме используются с местоимениями *себя, других* для того, чтобы подчеркнуть личное обращение к реципиенту, призыв: *Protect yourself (others). Защити себя.*

Выражения, которые включают в себя словосочетания и лексемы с изотопией семы *защита*, также могут работать как предупреждение. Они не действуют напрямую, однако актуальны при сочетании с

такими существительными, как *меры, советы, методы*, которые имеют назидательный оттенок. Выделенные крупным шрифтом и располагаемые в начале текста, они имплицитно указывают на призыв: *Preventive measures (prevention/safety methods/advice).*

В русскоязычных плакатах встречаются аналогичные словосочетания с коннотацией защиты: *Методы профилактики и защиты, Правила профилактики.*

Тактика призыва к конкретным действиям необходима для того, чтобы человек выполнял действия, которые смогут защитить его от вируса. Усиление значения призыва реализуется при помощи сочетания императива и обозначения конкретных мер по профилактике: *cover your nose and mouth, keep safe distance; избегайте близкого контакта, используйте маску* и т. д.

Тактика визуализации действия работает в сочетании с призывом к конкретным действиям. Текст сопровождают соответствующие изображения, где человек выполняет действия, которые способствуют его защите от инфекции: рисунки, на которых человек изображается в маске или прикрывающим нос и рот другим способом; рисунки, на которых изображено мытье рук с мылом; рисунки, изображающие соблюдение дистанции; рисунки, демонстрирующие уборку, дезинфекцию поверхностей или моющие средства, и др. (рис. 7).

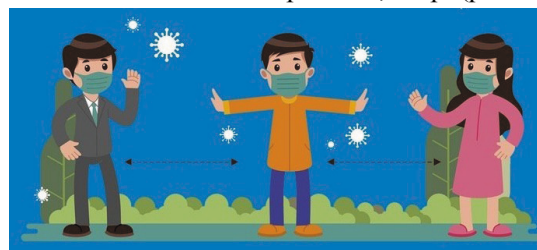

Рис. 7. Плакат с применением тактики визуализации действия

Стратегия запрета включает тактику ограничения действия и тактику схематичного изображения отрицания.

Тактика ограничения действия используется для того, чтобы ограничить выполнение человеком конкретных привычных действий, которые способствуют заражению.

Данная тактика реализуется при помощи отрицательных конструкций с частицами *не, not*, которые указывают на прямой запрет и используются как в русскоязычных, так и в англоязычных плакатах: *Don't touch; Don't share your food; не трогай лицо.*

Обычно отрицание используется с привычными для человека действиями – *трогать, контактировать с близкими*, тем самым создавая диссонанс. Однако есть случаи, в которых отрицание усиливает

ется лексемами с негативной коннотацией, например: *не выезжайте в очаг заражения*.

Словосочетания с глаголами, которые имеют коннотацию запрета, избегания, отмены, в сочетании с бытовыми ситуациями, которые человек привык выполнять ежедневно, также призывают не выполнять данные действия в связи с высокой степенью распространения инфекции: *avoid close contact, cancel or postpone your travels, избегайте людных мест, ограничьте близкие контакты*.

Тактика схематичного изображения запрета работает, как правило, именно в сочетании с тактикой ограничения, для того чтобы проиллюстрировать запрет. Здесь используются изображения креста или круглых знаков запрета, которые являются международными знаками запрета. Данные знаки чаще всего изображаются красным цветом, так как он является сигнальным по причине своей заметности и легкости для восприятия (рис. 8).

Рис. 8. Применение тактики схематичного изображения запрета

На основании проанализированных стратегий и тактик воздействия было сделано наблюдение, что англоязычные плакаты часто подробнее объясняют действия. Например, если говорить о мытье рук или дезинфекции, они подробнее описывают *чем, как долго*. Иногда даже указывается, сколько процентов спирта должен содержать антисептик, чего нет в русскоязычных плакатах.

Если сравнить довольно распространенное предложение из русскоязычного плаката *Дезинфицируйте гаджеты, оргтехнику и поверхности, к которым прикасаетесь* с англоязычным *Regularly clean frequently touched surfaces with disinfectant. Including door handles, mobile phones, light switches, lift buttons, work stations and tables*, можно увидеть значительную разницу в представлении информации. В англоязычном плакате используются два наречия со схожим значением, более распространенное указание на предметы – *door handles, light switches* и т. д. Более того, здесь часто можно

встретить пункты, которые отсутствуют в русскоязычных плакатах, – *готовка еды, контакт с дикими животными, стирка одежды*.

Возможно, такое различие связано с тем, что для Северной Америки, Северной Европы, согласно исследованиям Э. Холла, характерен более низкий контекст коммуникации, т. е. использование прямой манеры речи; четкое ясное представление информации; отсутствие недосказанности [27]. В то время как Россия хотя и занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, склонна к более высококонтекстному общению, поэтому не предрасположена к такому подробному представлению информации.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что информационный плакат на английском и русском языках оказывает воздействие с помощью четырех стратегий: стратегии привлечения внимания, реализуемой при помощи тактики апелляции к авторитету, тактики нагнетания тревоги и тактики эффективного визуального оформления; стратегии информирования, включающей тактику разъяснения и тактику облегчения восприятия информации; стратегии призыва к защите, которая осуществляется с помощью тактики предупреждения, тактики призыва к конкретным действиям и тактики визуализации действия; стратегии запрета, представленной двумя тактиками: тактикой ограничения действия и тактикой схематичного изображения запрета. В результате исследования были сопоставлены вербальные и невербальные средства, используемые в плакатах, посвященных профилактике COVID-19 на английском и русском языках; обнаружено, что плакаты на двух языках схожи не только с точки зрения прагматики, изобразительных и композиционных средств, но и в плане лексических и грамматических средств – применяются отрицательные конструкции, повелительное наклонение, условные предложения, однородные члены предложения, лексика с семантикой «защиты» и т. д. Были выявлены различия, которые заключаются в более подробном и распространенном описании действий на плакате в английском языке. На наш взгляд, данное отличие может быть связано с различным контекстом коммуникации двух культур.

Список источников

1. Потапчук Е. Ю., Лабзина Ю. Е., Маркова М. А., Мамаева Д. М. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии COVID-19: международный контекст // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8. С. 59–67.
2. Kerr J., Eves F., Carroll D. The influence of poster prompts on stair use: The effects of setting, poster size and content // Br. J. Health Psychol. 2001. Nov., № 6 (Part 4). P. 397–405.
3. Мухаметшина Д. Р., Данилова Ю. Ю. Политические советские плакаты и современные мультимодальные тексты: когнитивный опыт в процессе восприятия и категоризации действительности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 90–103.

4. Сымонович Ю. В. Плакат как средство социальной рекламы: его значение и принципы выразительности // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2018. № 1 (207). URL: <https://clck.ru/ic3xd> (дата обращения: 25.04.2022).
5. Fox K. Soviet Health Posters as Social Advertising // Journal of Macromarketing. 2009. Vol. 29, № 1. P. 74–90.
6. Карпова И. Д. Роль социального профилактического плаката в пропаганде здорового образа жизни // Научный вестник Крыма. 2018. № 6 (17). URL: <https://clck.ru/ibXNY> (дата обращения: 21.11.2022).
7. Шнайдер Д. А., Бакулев А. Л., Горбенко А. В. Роль просветительского плаката в профилактике инфекций, передающихся половым путем // Саратовский научно-медицинский журнал. 2020. № 3. С. 868–871.
8. Barik A. L., Purwaningtyas R. A., Astuti D. The Effectiveness of Traditional Media (Leaflet and Poster) to Promote Health in a Community Setting in the Digital Era: A Systematic Review // Jurnal Ners. 2019. Vol. 14, № 3, Special Issue. P. 76–80.
9. Андреева А. Д. Становление институционального образа детства в новейшей истории российского общества // Научный диалог. 2017. № 8. С. 342–355.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 181–186.
11. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
12. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.
13. Блинова О. А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9–24.
14. Детинко Ю. И. Мультимодальный текст как предмет анализа // Казанская наука. 2020. № 10. С. 113–116.
15. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования IV. М.: ИП РАН, 2010. С. 134–152.
16. Волоскович А. М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 5, № 611. С. 25–35.
17. Ирисханова О. К. Семиотика плаката в социокогнитивном освещении: лейбористы, капиталисты и углеродные следы // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. ст. к юбилею проф. О. В. Александровой. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 313–335.
18. O'Halloran K. L., Smith B. A. Multimodal text analysis. URL: <https://clck.ru/32jWR5> (дата обращения: 13.12.2022).
19. Kress G., Leeuwen T. van. Reading Images. London: Routledge, 2006. 312 p.
20. Jewitt C. Different Approaches to Multimodality. The Handbook of multimodal analysis / ed. by C. Jewitt. London: Routledge, 2009. P. 28–39.
21. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учеб. издание. Воронеж: Истоки. 2012. 178 с.
22. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
23. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пос. для ун-тов и вузов. М.: Рипол классик, 2002. 320 с.
24. Шиляев К. С., Шлотгауэр Е. А. Визуализация концептуальной метафоры в печатных рекламах вина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 154–173.
25. Чихольд Я. Новая типографика. Руководство для современного дизайнера. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2011. 244 с.
26. Тихонова Л. М. К вопросу цветового символа верности, постоянства и расположения // Симбирский научный вестник. 2014. № 2 (16). С. 163–166.
27. Hall E. T. Beyond Culture. N. Y.: Anchor Press, 1976. 299 p.

References

1. Potapchuk E. Yu., Labzina Yu. E., Markova M. A., Mamayeva D. M. Spetsifika sotsial'noy reklamy v usloviyakh pandemii COVID-19: mezhdunarodnyy kontekst [The specifics of social advertising amid pandemic COVID-19: the international context]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2021, no. 8, pp. 59–67 (in Russian).
2. Kerr J., Eves F., Carroll D. The influence of poster prompts on stair use: The effects of setting, poster size and content. *Br. J. Health Psychol.*, 2001, no. 6 (Part 4), pp. 397–405.
3. Mukhametshina D. R., Danilova Yu. Yu. Politicheskiye sovetskiye plakaty i sovremennyye mul'timodal'nyye teksty: kognitivnyy opyt v protsesse vospriyatiya i kategorizatsii deystvitel'nosti [Political soviet posters and modern multimodal texts: cognitive experience in the process of perception and categorization of reality]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2021, no. 4, pp. 90–103 (in Russian).
4. Symonovich Yu. V. Plakat kak sredstvo sotsial'noy reklamy: yego znachenie i printsipy vyrazitel'nosti [Poster as a means of public interest: its significance and principles of expression]. *Trudy BGTU – Proceedings of BSTU*, vol. 4: *Print- i mediatekhnologii*, 2018, no. 1 (207) (in Russian). URL: <https://clck.ru/ic3xd> (accessed 25 April 2022).
5. Fox K. Soviet Health Posters as Social Advertising. *Journal of Macromarketing*, 2009, vol. 29, no. 1, pp. 74–90.
6. Karpova I. D. Rol' sotsial'nogo profilakticheskogo plakata v propagande zdorovogo obraza zhizni [Value of social prophylactic placard in propaganda of healthy lifestyle]. *Nauchnyy vestnik Kryma – Scientific Bulletin of Crimea*, 2018, no. 6 (17) (in Russian). URL: <https://clck.ru/ibXNY> (accessed 21 November 2022).

7. Shnayder D. A., Bakulev A. L., Gorbenko A. V. Rol' prosvetitel'skogo plakata v profilaktike infektsiy, peredayushchikhsya polovym putyom [The role of educational posters in the prevention of sexually transmitted infections (review)]. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal – Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2020, no. 3, pp. 868–871 (in Russian).
8. Barik A. L., Purwaningtyas R. A., Astuti D. The Effectiveness of Traditional Media (Leaflet and Poster) to Promote Health in a Community Setting in the Digital Era: A Systematic Review. *Jurnal Ners*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 76–80.
9. Andreyeva A. D. Stanovleniye institutsional'nogo obraza detstva v noveyshey istorii rossiyskogo obshchestva [Formation of the institutional image of childhood in the recent history of Russian society]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 8, pp. 342–355 (in Russian).
10. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech impact]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Pp. 181–186 (in Russian).
11. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 128 p. (in Russian).
12. Sonin A. G. *Modelirovaniye mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov. Dis. dokt. filol. nauk* [Modeling the mechanisms of understanding polycode texts. Diss. dok. philol. sci.]. Moscow, 2006. 323 p. (in Russian).
13. Blinova O. A. Oblozhka zhurnala kak mul'timodal'nyy tekst [Magazine cover as multimodal text]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2019, no. 5, pp. 9–24 (in Russian).
14. Detinko Yu. I. Mul'timodal'nyy tekst kak predmet analiza [Multimodal text as a subject of analysis]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2020, no. 10, pp. 113–116 (in Russian).
15. Kibrik A. A. Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]. *Kognitivnyye issledovaniya IV* [Cognitive Research IV]. Moscow, IP RAS Publ., 2010. Pp. 134–152 (in Russian).
16. Voloskovich A. M. Ikonotekst kak raznovidnost' polimodal'noy gibridizatsii [Iconotext as a kind of polymodal hybridization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, vol. 5, no. 611, pp. 25–35 (in Russian).
17. Iriskhanova O. K. Semiotika plakata v sotsiokognitivnom osveshchenii: leyboristy, kapitalisty i uglerodnyye sledy [Poster semiotics in socio-cognitive coverage: labourists, capitalists and carbon footprints]. *Aktual'nyye problemy angliyskogo yazykoznaniiya: sbornik nauchnykh statey k yubileyu professora O. V. Aleksandrovoy* [Actual problems of English linguistics: Sat. scientific Art. for the anniversary of prof. O. V. Alexandrova]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2012. Pp. 313–335 (in Russian).
18. O'Halloran K. L. Smith B. A. *Multimodal text analysis*. 2010. URL: <https://elck.ru/32jWR5> (accessed 13 December 2022).
19. Kress G., Leeuwen T. van. *Reading Images*. London, Routledge, 2006. 312 p.
20. Jewitt C. *Different Approaches to Multimodality. The Handbook of multimodal analysis*. Ed. by C. Jewitt. London, Routledge, 2009. Pp. 28–39.
21. Sternin I. A. *Osnovy rechevogo vozdeystviya: uchebnoye izdaniye* [Fundamentals of speech influence: educational edition]. Voronezh, Istoki Publ., 2012. 178 p. (in Russian).
22. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (in Russian).
23. Klyuev E. V. *Recheyaya kommunikatsiya: uchebnoye posobiye dlya universitetov i vuzov* [Speech communication]. Moscow, Ripol klassik, 2002. 320 p. (in Russian).
24. Shilyayev K. S., Shlotgauer E. A. Vizualizatsiya kontseptual'noy metafory v pechatnykh reklamakh vina [Visualizing Conceptual Metaphors in Print Wine Advertising]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 67, pp. 154–173.
25. Chikhol'd Ya. *Novaya tipografika. Rukovodstvo dlya sovremennogo dizaynera* [The new typography. Guide for the modern designer]. Moscow, Izdatel'stvo Studii Artemiya Lebedeva Publ., 2011. 244 p. (in Russian).
26. Tikhonova L. M. K voprosu tsvetovogo simvola vernosti, postoyanstva i raspolozheniya [To the question of the color symbol of fidelity, constancy and location]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*, 2014, no. 2 (16), pp. 163–166 (in Russian).
27. Hall E. T. *Beyond Culture*. N. Y., Anchor Press, 1976. 299 p.

Информация об авторах

Сараева Е. Е., магистрант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Детинко Ю. И., канд. филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the authors

Sarayeve E. E., master's degree student, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Detinko Yu. I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation 660041).

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; принята к публикации 27.09.2022

The article was submitted 17.08.2022; accepted for publication 27.09.2022

UDC 811'373

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-58-68>

THE PROBLEM OF VARIABILITY IN BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS

Anna D. Bakina

Oryol State University named after I. S. Turgenev, Oryol, Russian Federation

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation,
heart-anna@yandex.ru*

Abstract

The problem of linguistic variability remains acute due to the dynamism of national language development. The study of phraseological units of biblical etymology in the aspect of their variability has recently become increasingly significant, as the fact of wide use of phraseological units derived from biblical texts and stories in various types of discourse is noted. The diversity of variants of biblical phrases requires identifying, organising and structuring the types of their variation.

The *aim* of the research is to identify new variants of biblical phraseological units that are widely used in various discourse types (fiction, media, publicistic, historical, political). Contexts that verify the resulting data of the research were borrowed from the British National Corpus (BNC), News on the Web (NOW) and electronic dictionary Reverso Context (RC).

Language material for the research was extracted out of 3 phraseological dictionaries: 1) the bilingual “English-Russian phraseological dictionary” by Alexander V. Kunin, 2) “English-German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology” by Tatyana N. Fedulenkova and others, 3) the multilingual phraseological dictionary “The Mite of Biblical Wisdom” by Zoya K. Adamia and others. The research *methods*, namely the method of the phraseological identification, the method of the structural and componential analysis, the method of the quantitative analysis and the method of contextual analysis, allow to analyse 350 phraseological units of biblical origin that are actively used in modern English and identify a set of variants that include both usual and occasional simple variants, i.e. lexical and grammatical, quantitative variants of phraseological units and mixed or complex variants of phraseological units.

It was found out that along with linguistic variation, phraseological variation is the result of the natural development of language as a system. Variation of biblical phraseological units is not equaled to phraseological synonymy.

The analysis of selected biblical phraseological units allowed us to identify the following types of variants: simple variants and complex variants (e.g. substantive-quantitative variants, adjectival-quantitative variants, verbal-quantitative variants) of phraseological units. Within each of the given groups, a division into usual and occasional variants is made. Simple variants are represented by lexical variants (including substantive variants, prepositional variants, prepositional-substantive variants, attributive variants, verbal variants); grammatical variants (including morphological variants and morpho-syntactical variants); quantitative variants (with truncation and addition of components). Truncated parts of a phraseological unit may be represented by three types (truncation of the initial part of the phraseological unit; truncation of the final part of the phraseological unit; mixed truncation). A group of quantitative comparative variants is distinguished, in which the first conjunction (*as*) as a result of regular truncation becomes optional, resulting in quantitative-variative pairs. A type of mixed variation has been identified, implying the origin of variants by multiple modifications. Substantive-quantitative variants are formed by changing the substantive component together with varying the structure of the phraseological unit by expanding it with a variable component with a preposition. Adjectival-quantitative variants are formed as the result quantitative variation (expansion of the structure of the phraseological unit) coupled with the replacement of the adjectival element.

With the help of corpus data, the preference of native speakers for some variants of idioms over others was successfully revealed.

The conclusion is made that the studied phraseological units borrowed from the Bible are not static, but are ‘living’, constantly changing language units, widely used in modern English speech. Moreover, both simple and complex variation in the component composition of a given phraseological unit has no significant impact on the invariant meaning of the phraseological unit.

Keywords: *biblical phraseology, phraseological units of biblical etymology, phraseological variability, variant, invariant, simple and complex variants, usual and occasional variants*

For citation: Bakina A. D. The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 58–68. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-58-68>

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

*Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
heart-anna@yandex.ru*

Аннотация

Проблема лингвистической вариативности остается актуальной вследствие динамичности развития национального языка. Исследование фразеологических единиц библейской этимологии в аспекте вариативности приобретает в последнее время все большую значимость, поскольку отмечается факт широкой употребительности фразеологизмов, восходящих к библейским текстам и сюжетам, в разных видах дискурса. Разнообразие вариантов библейских фразеологизмов требует отслеживания, организации и структуризации типов их варьирования.

Цель – выделение типов вариативности английских фразеологических единиц библейского происхождения.

Теоретической основой исследования является фразеологическая концепция, выдвинутая А. В. Куниным. Материалом исследования послужили данные фразеологических словарей: 1) двуязычный «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина, 2) «Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии» Т. Н. Федуленковой и др., 3) многоязычный фразеологический словарь «Лепта библейской мудрости» З. К. Адамия и др. Анализируемые контексты, содержащие библейские фразеологические варианты, были отобраны в основном из Британского национального корпуса (British National Corpus) и новостного подкорпуса News on the Web. В качестве методов исследования были использованы метод фразеологической идентификации фразеологизмов, метод структурного, компонентного и вариативного анализа фразеологизмов, метод количественного анализа и метод контекстуального анализа.

В итоге было выяснено, что наряду с языковой вариантностью фразеологическая вариативность есть результат естественного развития языка как системы. Вариантность библейских фразеологизмов не отождествляется с фразеологической синонимией.

Анализ отобранных фразеологических единиц библейского происхождения позволил выделить следующие типы вариантов: простые варианты и сложные варианты (например, субстантивно-квантитативные варианты, адъективно-квантитативные варианты, вербально-квантитативные варианты) фразеологических единиц. Внутри каждой из предлагаемых групп возможно подразделение на узусальные и окказиональные варианты. Простые варианты представлены лексическими вариантами (включающими субстантивные варианты, препозитивные варианты, препозитивно-субстантивные варианты, атрибутивные варианты, глагольные варианты); грамматическими вариантами (включая морфологические варианты и морфолого-синтаксические варианты); квантитативными вариантами (с усечением и добавлением компонентов). Сокращенные части фразеологической единицы могут быть представлены тремя видами (усечение начальной части фразеологической единицы; усечение конечной части фразеологизма; смешанное усечение). Выделена группа квантитативных компаративных вариантов, в которых первый союз в результате регулярного усечения становится факультативным, что приводит к появлению квантитативно-вариативных пар. Выделен тип смешанного варьирования, подразумевающий происхождение вариантов путем многократных изменений. Субстантивно-квантитативные варианты образуются путем изменения субстантивного компонента совместно с варьированием структуры фразеологической единицы за счет ее расширения переменным компонентом с предлогом. Адъективно-квантитативные варианты представлены таким набором фразеологических единиц, в которых наблюдается количественная вариантность за счет расширения компонентного состава фразеологической единицы, а также замены адъективного компонента.

С помощью корпусных данных было успешно выявлено предпочтение носителями языка одних вариантов идиом другим.

Вывод заключается в том, что исследуемые фразеологические единицы библейского происхождения не являются статичными, а представляют собой живые, постоянно изменяющиеся языковые единицы, широко используемые в современной английской речи. Более того, как простая, так и сложная вариативность компонентного состава данного фразеологизма не оказывает значительного влияния на инвариант значения фразеологической единицы.

Ключевые слова: библейская фразеология, фразеологические единицы библейского происхождения, фразеологическая вариантность, вариант, инвариант, простые и сложные варианты, узусальные и окказиональные варианты

Для цитирования: Bakina A. D. The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 58–68. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-58-68>

Introduction

The suggested research is an attempt to delve into the actual problem of variability in biblical phraseology. The relevance of the problem is supported by the fact that there is a plethora of materials including monographs, manuals, articles devoted to the problem of variability in phraseology (see, i.e. [1, 2–4]); when it comes, though, to biblical phraseology we realise that we are extremely limited in sources and comprehensive studies (see, i.e. [5–8]). Since biblical phraseological units form one of the ambiguously interpreted layers of phraseological vocabulary today, their study is of particular interest due to the specificity of the object itself [9].

Following Professor Tatyana N. Fedulenkova, we understand variability in phraseology as “the result of the manifestation of common linguistic patterns that are relevant for all levels of the language, namely: adaptation to certain linguistic norms, emphasizing analogy, creating the effect of the novelty of a unit, as well as the desire to strengthen emotional and expressive tendencies” [7, p. 36]. Phraseological variability as a linguistic problem, and in particular, issues, related to the study of variability in biblical phraseology, were raised in a number of fundamental studies (see, for example, [1, 4, 6–8, 10, 11]). Thus, variants of phraseological units are phraseological units, in the components of which lexical and grammatical changes can be observed while maintaining the structural and semantic invariant of a phraseological unit.

According to Professor A. V. Kunin, phraseological variants are “varieties of phraseological units that are identical in quality and quantity of meanings, stylistic and syntactic functions, in compatibility with other words and having a common lexical invariant with partially different lexical composition or differing in word forms or word order” [12, p. 442].

It should be noted that, on the one hand, such characteristics and properties of biblical phraseological units as the componential and separative formality of the composition of these units, the interdependence of the components, the specificity of their structure determine their ability to vary. On the other hand, the variability of biblical terms is due to the existence of a huge number of translations of the Holy Scriptures, which enrich the phraseological system of the language with typical variants of phraseological units of biblical etymology.

The aim of the research is to identify new variants of biblical phraseological units that are widely used in various discourse types.

Material and methods

Language material for the research was extracted from the reliable dictionaries: 1) the bilingual “Eng-

lish-Russian phraseological dictionary” by Alexander V. Kunin [12], 2) “English-German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology” by Tatyana N. Fedulenkova and others [13], 3) the multilingual phraseological dictionary “The Mite of Biblical Wisdom” by Zoya K. Adamia and others [14, 15]. The research *methods*, such as the method of the phraseological identification, the method of the structural, componential analysis, the method of the quantitative analysis and the method of contextual analysis, allow to analyse 350 phraseological units that are actively employed in modern English and identify types of variants that include both usual and occasional simple variants, i.e. lexical and grammatical, quantitative variants of phraseological units and mixed or complex variants.

Results

As a result of the research, a set of main types of variants in the analysed phraseological units was identified: simple variants, i.e. verbal variants of phraseological units, complex variants, i.e. substantive-quantitative variants, adjectival-quantitative variants, and a number of verbal quantitative variants of phraseological units [7].

1 Simple variants

1.1 Lexical variants:

1.1.1 Substantive variants, i.e.

lost sheep/stray sheep; people of good will/men of good will; Symbol of faith/Confession of faith; Solomonian judgment/Solomonian decision/Solomonian wisdom; smb's days are numbered/smb's hours are numbered; a man of Belial/a son of Belial; white as milk/white as snow/white as wool; eat the bread of affliction/eat the bread of sorrows/eat the bread of humiliation; the breath of life/the breath of nostrils; a brand from the fire/a brand from the burning; sift the grain from the chaff/sift the wheat from the chaff; the four corners of the earth/the four corners of the world; drain the cup of bitterness to the dregs/drain the cup of humiliation to the dregs; as deaf as an adder/as deaf as a post/as deaf as a stone; a drop in the ocean/a drop in the bucket; one's countenance fell/one's face fell; find favour in smb's eyes/find favour in smb's sight; a fisher of men/a fisher of souls.

Contexts:

(1) *She laughed. “I wish I could help in some way,” she mused. “I’d willingly plunge all my earnings into the estate, but I suppose it would be a drop in the ocean.” What an extraordinary offer;” he said, as the tantalising aroma of freshly brewing coffee reached her nostrils (BNC).*

(2) *Female speaker: “We get a lot more requests for funding than we can fund, and we have to develop priorities. It’s important to put Oxfam’s work into perspective, we are a drop in the ocean but an important drop in the ocean”. Voice over: “Back in*

Bolivia it's women like Serapia con Quispe who pray that the Oxfam funding continues" (BNC).

(3) They are going through that cost-benefit analysis and saying, "I can earn this amount of money", which is **a drop in bucket** compared to the cost of college, or be focused on what I want to study in college and be a more valuable candidate at college with a greater chance for earning scholarships (BNC).

1.1.2 prepositive variants, i.e.

To bury one's talents **under a bushel**/to bury one's talents **in a napkin**; in the sweat of one's **brow/by** the sweat of one's **face**; to be a law **into** oneself/to be a law **unto** oneself

Contexts:

(4) Gramps has always been a **law unto himself**. Heaven knows what he'll do (E. S. Gardner, 'The Case of the Smoking Chimney', ch. 15).

(5) All six rooms in the flat in my halls count as one household, but I have mates in other halls. People are just going to try and find who they know, and hang out with them. " #Jo said: " I think students are going to **be a law unto themselves** (BNC).

1.1.3 prepositive-substantive variants:

To shake the dust **from** one's feet/to shake the dust **off** one's fee; **to** set one's face to something/to set one's face **towards** something; to be a law **into** oneself/to be a law **to** oneself/to be a law **unto** oneself; balm **in** Gilead/balm **of** Gilead; a brand **from** the fire/a brand **out of** the fire; **To** everything there is a season/**For** everything there is a season; sufficient **unto** the day is the evil thereof/sufficient **for** the day is the evil thereof; live **on** the fat of the land/live **off** the fat of the land; proclaim **from** the house-tops/proclaim **upon** the house-tops; a millstone **about** smb's neck/a millstone **round** smb's neck; to call into question/ to call **in** question; a reed shaken **by** the wind/a reed shaken **in** the wind/a reed shaken **with** the wind; to take on one's own shoulders/to take upon one's own shoulders; **by** the skin of one's teeth/**with** the skin of one's teeth; **by** the strong arm/**with** the strong arm; to let not the sun go down **on** your wrath/to let not the sun go down **upon** your wrath; **by** the sweat of one's brow/**in** the sweat of one's brow; **beyond** the veil/**within** the veil; to be a scorn **to** smb/to be the scorn **of** smb; in thought, word and deed/**by** thought, word and deed; to fall **into** good ground/to fall **on** good ground, etc.

Context:

(6) A big thanks goes to (...) for organising the evening. From (...) – Thank you to every one who came to the rock 'n' roll evening at the end of October. I certainly had a good time and judging **by the sweat of everyone's brow** as they worked to perfect their routines I think it was generally thought to be enjoyable and worthwhile. # Social Report # Many thanks to (...) for organising the trip to Droitwich Spa baths (BNC).

(7) Abe Lincoln so lifted the lid on the hypocrisy of trickle down economics, "To read the bible as the word of God, that "In the sweat of thy face shalt thou eat bread" and preach there from that "In the sweat of other mans faces shalt though eat bread" to my mind can scarcely be reconciled with honest sincerity "the rich, famous and religions must have been apoplectic with him..." (NOW).

1.1.4 Attributive variants, i.e.

To rule with a heavy hand/to rule with a **high** hand, the **great** enemy/the **last** enemy; to go to one's last home/to go to one's **long** home; to have no part nor lot in smth/to have **neither** part nor lot in smth; a **double-edged** sword/a two-edged sword, etc.

Contexts:

(8) And what happens from district to district, region to region, is sometimes as far apart as John Major and the British people. We know the reason local bargaining is being encouraged, it's to lower wages and conditions and give rich financial benefits to the few. There is a rule for a central research point but again colleagues, more is needed in the regions. Our union has been, without doubt, the **shining light** in terms of what we offer to members. And we must continue to improve and better the information that is provided. The easiest way is to channel resources into the regions (BNC).

(9) A man Vancouver's Robinson credits as US coaching's **leading light**. The man who led the United States national team to an inspiring Confederations Cup final in 2009. Who coached the Egyptian national team amid trying circumstances to the brink of World Cup qualification. Granted, both national team stints ended sourly. The US job was curtailed after a familiar Gold Cup defeat to Mexico (NOW).

(10) Another **leading light** for those taking a break from the slopes in Graubu? nden, Zum Bergfu? hrer (sertigtal.ch) looks every inch a classic piece of Switzerland. It holds its nerve at 6,105ft (1,861m), a restaurant lovingly slotted into a 400-year-old stone house. It serves filling comfort food for icy days – slabs of cheese and homemade cakes, as well as grilled fish and gourmet charcuterie boards. You can travel to this cosy bolthole – which can seat 100 people – by road or, in the snowy season, adventurous souls can even make the journey by crosscountry ski excursion or winter hike. Zum Bergfu? (NOW).

(11) Despite United's struggles this season, Cristiano Ronaldo, who returned to the club last summer, has been a **shining light**. He has netted 24 goals in all competitions and Ten Hag, according to reports, wants to include within his plans next season (NOW).

(12) Now the vegan Essex lad who's more likely to be found surfing and snowboarding than preening on Towie, has gone from the Black Death for bands to the **shining light** for the UK in Eurovision (NOW).

(13) UK tour shining light on “quiet Beatle” stopping in Cumbria UK tour **shining light** on The Beatle’s George Harrison stopping in Millom # A new music show highlighting the incredible talent of the late Beatle George Harrison is set to embark on a national tour after being premiered in Liverpool – and its stopping in South Cumbria (NOW).

1.1.5 verbal variants, i.e.

to **cast** the first stone at smb/to **throw** the first stone at smb; to **add** one’s mite/to **contribute** one’s mite; to **drink** the bitter cup/to **drain** the bitter cup; to **be** in seventh heaven/to **feel** in seventh heaven; act the fool/play the fool; scare out of one’s wits/**frighten out** of one’s wits; to **pluck by** the beard/to **take by** the beard; to **have** one’s foot on smb’s neck/to **put** one’s foot on smb’s neck/to **set** one’s foot on smb’s neck; to **trample** under foot/to **tread** under foot; to **put** one’s hand to the plough/to **set** one’s hand to the plough; to take smth (close) to heart/to **lay** smth (close) to heart; to **lift up** one’s heel against smb/to **raise** one’s heel against smb; to **put** one’s house in order/to **set** one’s house in order; ask for bread and **be given** a stone/ask for bread and **receive** a stone; to **bind** smb hand and foot/to **tie** smb hand and foot; be **unworthy to loose** smb’s shoe latchet/to **unloose** smb’s shoe latchet; to **put** smb’s teeth on edge/to **set** smb’s teeth on edge; one’s tongue **cleaved** to the roof of one’s mouth/one’s tongue **clove** to the roof of one’s mouth/one’s tongue **glued** itself to the roof of one’s mouth; to **cast** pearls before swine/to **throw** pearls before swine, It is easier for a camel to **pass** through the eye of a needle than.../It is easier for a camel to **go** through the eye of a needle...; to be **tearing** one’s hair [out]/to be **pulling** one’s hair [out], etc.

Contexts:

(14) I am late – and please pay attention to my performance of humbly not wishing to be paid attention to”, i.e. Here’s me entering as unostentatiously as I know how – so you can see how much I regret my rudeness!” A comparable version of this is the face made by someone who barges into a room unannounced expecting to speak to a friend, only to find that this friend is engaged in an intimate professional consultation with another colleague. Although a verbal apology would probably fit the bill, the offender may feel constrained to **act the fool** he expects to be accused of being. Hence an otherwise unintelligible grimace. Or the actor who stumbles over his words for the second time at a rehearsal. He will often apologise by overplaying the spastic idiot everyone around must suspect him of being. There are also, I think, concealed apologies included in the otherwise straightforward rituals of farewell (BNC).

(15) “... I expect he is scared,” she said reasonably. “Weren’t you, at his age?” I’d already been away since I was nine,” Philip retorted. “We kept him at home and mollycoddled him, that’s the trouble. Oh, no, darling,

I’m not blaming you. You wanted him to settle down and accept you, and then Claire came along – I was furious with him for upsetting her like that- and he was allowed to slack and **play the fool** at that damned school till he was right behind. That’s all there is to it. “It’s not,” she said, “and you know it. He feels alienated.” Claudia, don’t go quoting those bloody child psychology books at me! Alienated, my foot!” He reached forward and rattled the poker in the fire.” You should talk to him about Eileen,” she insisted.” (BNC).

(16) Then I had an inspiration. I acted a little charade. His oriental slave. He likes me to **play the fool**. The stupidest things I do he calls witty. He has even got in the habit of joining in, stumbling after me (not that I’m very dazzling) like a giraffe. So I got him to let me write another letter. He looked in the envelope again. Then I talked him into going to London, as my plan requires (BNC).

(17) Blacks (perish the thought) now inhabit his old house and pitched battles between gangs and police make the streets untenable. But the trouble with the picture is that it does absolutely nothing with its various prognostications except **play the fool** with them. Joe Comerford’s *Reefer And The Model* (Metro, 15) won the feature film prize at the Celtic Festival, the Europa Prize at Barcelona, and was nominated in three categories in last year’s European Film Awards (Guardian).

1.2 Grammatical variants:

1.2.1 morphological variants, i.e.

open the **door** to something/open the **doors** to something; the **flesh-pot** of Egypt/the **flesh-pots** of Egypt/**fleshpots** of Egypt; old wives’ **tale**/old wives’ **tales**; out of the **mouth** of babes and sucklings/out of the **mouths** of babes and sucklings; the **power** of darkness/the **powers** of darkness; the **fruit** of one’s labour/the **fruits** of one’s labour; a mote in **one’s** eye/a mote in the **eye**; to change **one’s** spots/to change **its** spots; gall and wormwood/**the** wormwood and **the** gall (желчь и зоречь); bone of **one’s** bone and flesh of **one’s** flesh/bone of **the** bone and flesh of the **flesh**; the breath of life/the breath of **one’s** life; if the blind **lead** the blind, both shall fall into the ditch/if the blind **leads** the blind, both shall fall into the ditch; the blind **leading** the blind/the blind **lead** the blind; Every **fool** will be meddling/**Fools** will be meddling; strengthen smb’s **hand**/strengthen smb’s **hands**; by the sweat of one’s **brow**/by the sweat of one’s **brows**; to make broad one’s **phylactery**/to make broad one’s **phylacteries**; the **sings** of the times/a **sing** of the times; to bury one’s **talent** in a napkin/to bury one’s **talents** in a napkin; the valley of the **shadows**/the valley of the **shadow** of death; to be in deep **water**/to be in deep **waters**.

Contexts:

(18) In the beginning of time, the Great Creator Reason, made the earth to be common treasure... The

work we are going about is this, to dig up George's Hill and the wasteland thereabouts, and to sow corn, and to eat our bread together by **the sweat of our brows**, and to lay the foundations of making the earth a common treasury for all, both rich and poor... (BNC).

(19) It's the start of a thing that's sweet," he told Tom one evening drawing on a long pipe filled with the first pluckings of their own tobacco." Now, I don't know which is worse, the chigoes or the natives. They nip you here, bite you there, they creep in under your skin and lie curled there. Till they suddenly wake, and – nip! – another man gone, another musket. "But Kit," Tom reminded him, barely a year ago, we hardly knew that this paradise existed. And think of it, when our ship returns, we could shoe our horses with silver! If we had horses. (By the way, next voyage, let's have some shipped.) We don't have to live **by the sweat of our brow**. Others may be obliged to. Not us. We can stand by and watch the crops ripen and grow. Sunshine by day, sweet dew by night, the soft wind. I tell you, this is the original garden God forgot to close." (BNC).

1.2.2 morpho-syntactical variants:

to follow in **the footsteps of smb**/to follow in **smb's** footsteps; lay something to **somebody's** charge/lay something to the charge **of somebody**; clay in **somebody's** hands/clay in the hands **of somebody**; **Solomon's** wisdom/the wisdom **of Solomon**; Blind **leaders** of the blind/the blind **leading** the blind; to have one's foot on **smb's** neck/to have one's foot on **the** neck of smb; strengthen **somebody's** hand/strengthen the hand **of somebody**; **Solomonian** judgment/**Solomonian** decision/**Solomon's** wisdom; under **smb's** wind/under the **wind of smb**; the promised land/the land of promise, etc.

Contexts:

(20) She thought about Dick, standing there on Fleet Moss, offering her his **promised land**. But it was not for her (BNC).

(21) Earlier in the year fittingly, during Passover, the festival which celebrates the Israelites' escape from Egypt and the beginning of the journey which eventually took them to **the Promised Land** – Rabbi Moishe announced with quiet satisfaction that their contributions had mounted up to a sum sufficient to buy three hundred dunams of land in Palestine, that the purchase was in the process of being arranged on their behalf by the Jewish National Fund, and that he himself would lead an advance party of settlers from Cork before the end of 1920 (BNC).

(22) Ward must have been thinking along the same lines, for as the road flattened out and the mist began to glimmer with a strange brightness, he said something about **the Promised Land**. The road dipped and we picked up speed (BNC).

(23) From the borders of **the Land of Promise** they must go back almost to where they came from.

They said it would be better to go back to Egypt (BNC).

1.3 Quantitative variants:

1.3.1 Component truncation variants, i.e.

curse the day **one was born**/curse the day; forbidden fruit is **sweet (the sweetest)**/forbidden fruit; touch the ark **of the covenant**/ touch the ark; drain the cup of **humiliation** to the dregs/drain the cup to the dregs; sell one's birthright **for a mess of pottage**/sell one's birthright; as white as **the driven** snow/as white as snow; if the blind lead the blind, **both shall fall into the ditch**/the blind lead the blind/the blind leading the blind; an eye for an eye **and a tooth for a tooth**/an eye for a eye; a land **flowing with milk and honey**/a land of milk and honey; **To everything there is a season, and a time to every purpose under the heaven: A time to be born, and a time to die; a time to plant, and a time to pluck up that which is planted; A time to kill, and a time to heal; a time to break down, and a time to build up; A time to weep, and a time to laugh; a time to mourn, and a time to dance...**/To everything there is a season; to the **four** winds of heaven/to the winds of heaven; be weighed **in the balance** and found wanting/be weighed and found wanting; a voice **crying (out)** in the wilderness/a voice in the wilderness; the valley of the shadow **of death**/the valley of the shadow; the tree of the knowledge **of good and evil**/the tree of the knowledge; flourish like a **green** bay tree/flourish like a bay tree; like a lamb **led** to the slaughter/like a lamb to the slaughter; the **straight and narrow** path/the narrow path; **there is** nothing new under the sun/nothing new under the sun; **Can the leopard** change his sports?/change one's sports?

The parts of the phraseological unit that get contracted may vary, thus we observe the following three types: (1) truncation of the initial part of the phraseological unit: (to keep as) the apple of smb's eye; (Man shall not live) by bread alone; (2) truncation of the ending part of the phraseological unit: Forbidden fruit (is the sweetest); flesh-pots (of Egypt); An eye for an eye, a tooth for a tooth; (3) random or mixed truncation: (For everything there is a season, and a time for every purpose under heaven: a time to be born, and a time to die; a time to plant, and a time to pluck up that which is planted; a time to kill, and a time to heal; a time to break down, and a time to build up; a time to weep, and a time to laugh; a time to mourn, and a time to dance; a time to cast away stones, and a time to gather stones together; a time to embrace, and a time to refrain from embracing; a time to seek, and a time to lose; a time to keep, and a time to cast away; a time to rend, and a time to sew; a time to keep silence, and a time to speak; a time to love, and a time to hate; a time for war, and a time for peace. What profit hath he that worketh in that wherein he laboreth?... In this case, the frequently truncated

variant is *a time to cast away stones, and a time to gather stones together; For everything there is a season*). As is seen, mainly it's communicative phraseological units (proverbs) that may get shortened.

1.3.2 Variants with added components, i.e.

the olive branch/hold out/offer (someone) an/the olive branch; a voice in the wilderness/a lone voice in the wilderness; great and small/both great and small; beam in one's eye/beam in one's own eye.

Contexts:

(24) *She took a deep breath, made the effort to be mature enough to pick up the olive branch* (BNC).

(25) *Ought to be scolding you, Rosette Fournier was saying, the way you've forgotten us – well, here I am with an olive branch – The stranger at the wheel turned her face, Flavia saw grey eyes, deep-set and large, the small full mouth boldly designed, the helmet of burnished curls* (BNC).

(26) *On January 21st President Bush held out an olive branch: some of the Arab countries supporting Iraq, he said, still had an important role to play in the future Middle East* (BNC).

1.3.3 Quantitative comparative variants, i.e.

In comparative phraseological units of biblical etymology such as *as hard as flint*, the first conjunction as a result of regular truncation becomes optional, which leads to the emergence of quantitative-variant pairs: *as white as snow/white as snow; as white as wool/white as wool; as poor as a church mouse/poor as a church mouse; as clear as crystal/clear as crystal; as old as Methuselah/old as Methuselah; as deaf as an adder/deaf as an adder; as patient as Job/patient as Job; as old as Adam/old as Adam; as hard as a stone/hard as stone; as hard as the nether millstone/hard as the nether millstone; as old as the hills/old as the hills; as poor as a rat/poor as a rat; as poor as Job/poor as Job; as poor as a bandicoot/poor as a bandicoot; as poor as a fowl/poor as a fowl; as poor as wood/poor as wood; as unstable as water/unstable as water.*

Contexts:

(27) *“...That family is as poor as church mice, and Stair told me that Havvie had already managed to deal with that...”* (BNC).

(28) *“... Liz and her husband are as poor as church mice. So I reckon that it's up to me to decide...”* (BNC).

(29) *“... stood a young boy, his face white as snow under a mop of golden hair; a silver chaplet on his head”* (BNC).

(30) *“...through his humanity and his garments became as white as snow to the astonishment and joy of three of his disciples who were privileged to...”* (BNC).

2 Mixed (complex variants):

Mixed (complex) variants are different variants of one phraseological unit occurring through multiple changes [12, p. 502].

2.1 Verbal-quantitative variants, i.e.

to bury one's talent(s) [in the earth]/to waste one's talent(s) (abilities); to drain (to drink) the cup [of bitterness (grief, sorrow, misery etc.)] to the dregs/to drain (to drink) the bitter cup; to put in question/to call into question.

Contexts:

(31) *But an historic compromise remains a long way off. While in theory all parties are agreed that the talks should cover three 'strands' – Northern Ireland, north-south and Anglo-Irish relations – one UUP source said: “It seems these three strands mean different things to different people.” In particular, the determination of the SDLP and the republic's government to put on the north-south, ‘strand two’ table the 1920 Government of Ireland Act establishing partition makes unionists very jittery. For if the act is put in question then so is subsequent British legislation, as well as article one of the Anglo-Irish Agreement, which enshrine the principle that there can be no change in the status of Northern Ireland without majority consent* (BNC).

(32) *His observation, made in a characteristically matter of fact manner, was in no way intended as a put-down of his intellectual inheritors but simply as an indication of the fertility of that great harvest period. That is certainly how those years are enshrined in the folk memory of theoretical physicists. Whenever there is a puzzling development in physics which seems for a while to put in question our basic understanding, you will hear someone say “I have the feeling that it's 1925 all over again* (BNC).

(33) *“I should have written it down, sorry about that, that was a completely useless digression. Erm er anyway, never mind, um so um also erm particularly from a feminist perspective this idea of of so-called faulty family dynamics has been called into question by people like for example Hall and Lloyd who were saying that um, something along the lines of if you if you blame the family as a whole then this draws attention away from the fact that it's not the families who do the abusing, it's often, from their point of view, it was often the men that do”* (BNC).

(34) *I am sure you are all aware that Royston is an important cog in the Athletico jigsaw and his recurrent knee injury has played a large part in our poor results this season. On behalf of the club, I have approached Ross Chicken Ltd in the hope that ‘Royst’ may be relieved from his job as a chicken sexer and a more ‘knee-friendly’ task found for him. Such is the lot of the football manager that constant criticism has to be lived with. Recently, my managerial integrity has been called into question by a number of directors and supporters. Their concern relates to my dismissing the former club captain, Colin Webley* (BNC).

2.2 Substantive-quantitative variants

Substantive-quantitative variants are formed due to the variation of the substantive component together with the preposition through the expansion or contraction of the structure of the unit, i.e.

*To touch the arc **of the covenant**/to touch the ark; to drain the cup of humiliation **to the dregs**/to drain the cup to the dregs; the letter and the spirit **of the law**/the letter and the spirit.*

Biblical phraseological unit as poor as a church mouse along with the quantitative truncated version poor as a church mouse has the variant poor as church mice.

(35) *He'll never forgive her for the life she has spent and she won't let him see what she's come to at the end of it! Poor **as a church mouse** by her standards, and weak as a kitten!" It seemed a sad story to Carrie. She told Nick and said, "Don't let's ever quarrel like that. "Why should we?" I don't know. Just let's not. "I won't if you won't. Promise?" "Oh, all right." Nick looked bored but he licked his forefinger and drew it across his throat. Carrie did the same (BNC).*

(2) *Havvie Blaine, old Innescourt's heir. That family is as poor **as church mice**, and Stair told me that Havvie had already managed to snare one Yankee heiress, but she got away, and now he has caught another – not quite so rich, but rich enough. They will be restoring Dunblaine Castle – unless Havvie spends the lot on loose women, drink and gambling – begging your pardon for being frank, McAllister (BNC).*

2.3 Adjectival-quantitative variants

Adjectival-quantitative variants which are rather few in number and rarely used are formed due to the

expansion of the componential structure of the phraseological unit by means of the adjectival component, i. e. *have a case/have a good (strong) case* [10].

Contexts:

(37) The action may be restored for hearing on application or of the court's own motion. If the plaintiff appears but fails to prove his case to the satisfaction of the court, the court may nonsuit him or give judgment for the defendant. A power to nonsuit is peculiar now to the county court and is useful where the plaintiff may **have a good case** but "his tackle is not in order" (BNC).

(38) ...But do be careful. If you're going to complain, you have to do it within a reasonable time and in writing. Unfortunately, what constitutes reasonable time isn't clearly defined under British law, and if a court thinks you've taken too long to register your complaint, you may not **have a case**. But you'll still be legally entitled to some compensation if the machine is faulty, so it may be worth thinking about accepting a free repair or a replacement... (BNC).

(39) ...but she must have been in the wrong so they must have seen it as well, they haven't really **got a strong case** so they threw it out of court and last week he had a letter, he opened it, from the, from the court, and he thought oh gawld here we go again, he's got jury service... (BNC).

Finally, the preference of native speakers for certain variants of idioms over others was successfully identified by the corpus method (See Table 1. below).

Table 1

Biblical phraseological variants frequency in British National Corpus

Variant 1	Variant 2	Variant 1 (Quantity)	Variant 2 (Quantity)
Promised land	The land of promise	75 (9 fiction, 19 religion, 4 media)	1 (religion)
From this time forth	From this time on/onwards	0	10 (3 fiction, 3 non academic)
Tear one's hair	Pull one's hair (out)	1 (fiction)	3 (fiction)
Voice in the wilderness	Voice crying in the wilderness	4 (1 fiction)	3 (1 religion, 1 non academic, 1 miscellaneous)
A drop in the ocean	A drop in the bucket	24 (15 Media, 2 fiction contexts)	4 (2 Media)
A drop in the bucket	A drop of a bucket	4 (2 Media)	No contexts in BNC
Four corners of the world	Four corners of the earth	8 (4 fiction)	3 (1 media)
Dead and buried	Dead and gone	43 (10 media, 12 fiction)	21 (3 Media, 10 fiction)
By/in the sweat of one's brow/brows	In/by the sweat of one's face	6 (1 fiction, 4 media, 1 miscellaneous) In the sweat of one's brow – 1 (non academic medicine) By the sweat of their/our brows – 2	In the sweat of thy face – 1 (religious)
Shining light	Leading light	7 (5 media)	37 (3 fiction, 19 media)
Play the fool	act the fool	3 (2 fiction, 1 media)	1 (non academic social science)
In deep water	In deep waters	34 (11 fiction, 6 media)	3 (2 academic, 1 miscellaneous)
Doubting Thomas	Doubting Thomases	7 (2 fiction, 3 non academic)	3 (media)
Poor as a church mouse	Poor as church mice	7 (5 fiction, 1 media)	4 (3 fiction)
White as sheet	As white as sheet	8 (7 fiction)	14 (10 fiction)

Conclusion

Thus, the study of the structural specificity of phraseological variants in English allows us to state that the variability inherent in phraseological units is also characteristic of biblical phraseological units, and the principles of their variation are identical. Taking into account their structural and semantic features, as well as the specifics of their functioning in different types of discourse (fiction, media, publicistic, political, historical, etc.) we may conclude that biblical phraseological units are often used in the English language, and the phraseological system is constantly developing. Initially appearing in speech, variants of the biblical phraseological units are then fixed in the language. The studied phraseological units are not static, non-developing units, but represent a 'living' and mobile, constantly changing linguistic material widely used in modern English.

The types of variation identified in the course of their quantitative and qualitative analysis, the branching and hierarchical organization of the variation system allowed to build a *biblical phraseological units variability model*, which arranges all the previously available disparate ideas about the types of variation changes, the specificity of variation processes in general phraseology and biblical one in particular, in comparison with linguistic variation. According to the variability model, it becomes possible to identify the most frequent structural and semantic types of biblical phraseological units and their variants along with their pragmatic potential in secondary contexts. The proposed model of phraseological variation will make it possible to predict the further development of possible variant structures, which will contribute to the expansion of the biblical phraseological system.

The types of variants include simple and complex variants; lexical, grammatical, quantitative variants. The usual lexical and occasional lexical variants are subdivided into substantive, verbal, attributive, prepositive, prepositive-substantive. Usual grammatical and occasional grammatical are represented by such types of variants as morphological, morpho-syntactical variants. Usual quantitative (including comparative variants) and occasional quantitative include types of

variants with truncation of components (including truncation of substantive, verbal, attributive, as well as initial and final parts of the phraseology consisting of more than one component), variants with addition of components.

The most common type of variation of the analysed English phraseological units of biblical origin is the lexical type, observed in 44 % of variation cases, while grammatical variation is characteristic only for 16% of the analysed units. Quantitative variants account for 22 % of the cases of variation, whereas combined variants account for 18 %.

The variation of the substantive component of the lexical variants of the studied English phraseological units is common in 45 % of the studied lexical variants, the verb component in 28 % of the lexical variants, the prepositional component of the phraseological units in 17 % and the attributive component in 10 % of the lexical variants.

Grammatical variants of the studied phraseological units of biblical origin allow for morphological, morphological-syntactic variability of the components. Morphological variability (often it is the possibility to change the grammatical form of a noun component) is common in 45 % of cases and morpho-syntactical variation in 23 % of cases of variation.

The most common type of quantitative variants of English phraseological units of biblical origin, are variants arising from the extension of the component composition of the units and comprising 90 % of the cases presented.

Communicative (proverbial) phraseological units of biblical etymology have multiple quantitative variants with truncation and complex/combined variants (usual and occasional) with lexicogrammatical variation of components.

The problem of phraseological variability retains its relevance due to the development and variability of phrases, dictated by the need to adapt to the conditions of contexts of different types of discourse, in which they are quite frequent in recent times. Thus the pragmatic specificity of biblical phraseology, the powerful pragmatic potential of the studied units are also the causes of biblical phraseological variability.

References

1. Bagana Zh., Bezrukaya A. N., Taranova E. N. *Yazykovaya variativnost' angliyskogo yazyka Velikobritanii, SSHA i Kanady* [Language variability of the English language in the UK, the USA and Canada]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 122 p. (in Russian).
2. Solntsev V. M. Variativnost' kak obshcheye svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as a general characteristic of language system]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1984, no. 2, pp. 31–37 (in Russian).
3. Teliya V. N. Variantnost' idiom i printsipy identifikatsii variantov [Idiomatic variability and the principles of variants identification]. *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinits: materialy mezhvuzovskogo simpoziuma* [Problems of stability and variance of phraseological units: materials of the interuniversity symposium]. V. L. Arkhangel'skiy (ed). Tula, Tula State Pedagogical University Publ., 1972. Pp. 30–69 (in Russian).
4. Yartseva V. N. Problema variativnosti i vzaimootnosheniye urovney grammaticheskoy sistemy yazyka [The problem of variability and the interrelationship of the levels of language grammar system]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1983, no. 5, pp. 17–24 (in Russian).

5. Pravednikova E. B. Variativnost' frazeologizmov bibleyskogo proiskhozhdeniya v angliyskom yazyke [Variability in English biblical phraseology]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2013, no. 4, pp. 1175–1178 (in Russian).
6. Fedulenkova T. N. *Leksii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya: uchebnoye posobiye* [The lectures on Phraseology of biblical origin]. Moscow, Izdatel'skiy dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 2016. 146 p. (in Russian).
7. Fedulenkova T. N. Razvitiye variantnosti frazeologii bibleyskoy etimologii [The development of variability in phraseology of biblical etymology]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki – Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 83–96 (in Russian).
8. Langlotz A. *Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, 2006. 325 p.
9. Mieder W. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. *Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen*. T. Fedulenkova (ed.). Arkhangel'sk; München, 2018. Pp. 74–97.
10. Fedulenkova T. N. *Sopostavitel'naya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [The comparative phraseology of English, German and Swedish]. Moscow, Izdatel'skiy dom Akademii estestvoznaniya Publ., 2018. 220 p. (in Russian).
11. Fiedler S. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German. *Research on Phraseology Across Continents*. 2013. Pp. 228–248.
12. Kunin A. V. *Osnovnyye ponyatiya angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny i sozdaniye anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarya. Dis. dokt. filol. nauk* [The main concepts of english phraseology as a linguistic discipline and the creation of English-Russian phraseological dictionary. Diss. doc. philol. sci.]. Moscow, 1964. 1229 p. (in Russian).
13. Fedulenkova T. N., Martyushova E. V., Bonnemark M. Anglo-nemetsko-shvedskiy slovar' bibleyskoy frazeologii [English-German-Swedish dictionary of biblical phraseology]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2011, no. 9, 167 p. (in Russian).
14. Adamiya Z. K. et al. *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskoy yazykakh*. V 2 tomakh. Tom 1: A–O [The mite of biblical wisdom: Russian-Slavic dictionary of biblical expressions and aphorisms with co-relations in Germanic, Romanic, Armenian and Georgian languages. In 2 volumes. Vol. 1: A–O]. Ed. E. E. Ivanov et al. Mogilev, MSU named after A. A. Kuleshov Publ., 2019. 288 p. (in Russian).
15. Adamiya Z. K. et al. *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskoy yazykakh*. V 2 tomakh. Tom 2: P–Ya [The mite of biblical wisdom: Russian-Slavic dictionary of biblical expressions and aphorisms with co-relations in Germanic, Romanic, Armenian and Georgian languages. In 2 volumes. Vol. 2: P–Ya]. Ed. E. E. Ivanov et al. Mogilev, MSU named after A. A. Kuleshov Publ., 2019. 308 p. (in Russian).

Electronic resources

1. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 15 July 2022).
2. News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed 15 July 2022).
3. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed 8 April 2022).
4. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net> (accessed 15 August 2022).
5. Academic.ru. URL: http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (accessed 15 August 2022).

Список источников

1. Багана Ж., Безрукая А. Н., Таранова Е. Н. Языковая вариативность английского языка Великобритании, США и Канады. М.: ИНФРА-М, 2014. 122 с.
2. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания, 1984. № 2. С. 31–37.
3. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвуз. симп. / под ред. В. Л. Архангельского. Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1972. С. 30–69.
4. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 17–24.
5. Праведникова Э. Б. Вариативность фразеологизмов библейского происхождения в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2013. № 4. С. 1175–1178.
6. Федулénkova Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие. М.: Изд. дом Академии естествознания, 2016. 146 с.
7. Федулénkova Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 2. С. 83–96.
8. Langlotz A. *Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, 2006. 325 p.

9. Mieder W. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs // *Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen* / ed. T. Fedulenkova. Arkhangelsk, München, 2018. P. 74–97.
10. Федулénkova Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. М.: Изд. дом Академии естествознания, 2018. 220 с.
11. Fiedler S. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German // *Research on Phraseology Across Continents*. 2013.
12. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 1229 с.
13. Федулénkova Т. Н., Мартюшова Е. В., Боннемарк М. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Федер. агентство по образованию, гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова», Северодв. филиал. Архангельск: Поморский университет, 2008. 167 с.
14. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.-сост. З. К. Адамия и др.; под общ. ред. Е. Е. Иванова и др. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. 288 с.
15. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия и др.; под общ. ред. Е. Е. Иванова и др. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. 308 с.

Электронные ресурсы

1. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.07.2022)
2. News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 15.07.2022)
3. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 08.05.2022).
4. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 15.08.2022)
5. Academic.ru. URL: http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 15.08.2022).

Information about the author

Bakina A. D., Head of the Chair of English Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I. S. Turgenev (ul. Komsomol'skaya, 95, Oryol, Russian Federation, 302026); Doctoral Student, Northern Arctic Federal University Named after M. V. Lomonosov (nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002).

Информация об авторе

Бакина А. Д., заведующая кафедрой, канд. филол. наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева (ул. Комсомольская, 95, Орел, Россия, 302026); докторант, Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова (наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия, 163002).

The article was submitted 10.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ У. СТИВЕНСА

Юлия Юрьевна Миклухо

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, juliavlasova@mail.ru

Аннотация

Проблема переводимости художественного текста остается насущной. В разные времена в литературоведческой науке шли споры о том, допустимо и возможно ли пересоздавать оригинальное произведение средствами чужого языка. В данной статье исходными являются бахтинский тезис о «диалоге культур» и развитые в трудах отечественных ученых-компаративистов положения о принципиальной переводимости художественного произведения.

Цель – анализ стихотворений поэта-модерниста Уоллеса Стивенса и его русскоязычных переводов. Актуальность исследования продиктована безусловной художественной ценностью поэзии американского поэта. Вместе с тем творческое наследие Стивенса остается неизвестным отечественному читателю в силу малого количества русскоязычных переводов его стихов и работ по эстетике, а также наличием сколько-нибудь значимых научных исследований, посвященных вопросам стивенсовской поэтики. Новизна исследования определяется попыткой систематизации разрозненных научно-исследовательских материалов о творчестве Стивенса и текстов переводов его стихотворений с целью воссоздания картины русскоязычной рецепции творчества американского поэта.

Материалом исследования послужило программное стихотворение У. Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и его русскоязычные переводы. В исследовании используются методы лингвистического анализа языковых единиц, метод филологического анализа художественного текста, сравнительный анализ.

Творчество Стивенса отражает общую тенденцию к усложненности поэтического языка, высказанную еще Дж. Эллиотом. Поэзия Стивенса остается загадкой, предусматривает различные интерпретации, в то время как сам автор не дает подробных и четких рекомендаций. Символом поэзии для Стивенса является музыка – самый абстрактный вид искусства, поэтому любое искусство должно стремиться к состоянию музыки. В своих стихах Стивенс создает мир воображаемой, условной и таинственной реальности. Истоки его поэтики восходят к романтизму и символизму, колриджевскому пониманию воображения. В ней также ощутимы отголоски ницшеанства, фрейдистские и юнгианские мотивы. Именно по этой причине бывает непросто понять, о чем стихи автора. Это приводит к множественным интерпретациям текстов Стивенса. Эта особенность поэтического стиля американского автора дает переводчикам свободу при работе с произведениями Стивенса и актуализирует одни доминанты оригинальных произведений, затушевывая другие.

Точный перевод стихотворений Стивенса не равнозначен успешному переводу. Именно поэтому исследователи рекомендуют при анализе отдельных стихотворений учитывать все его творческое наследие (включая теоретические изыскания). Отдельные стихи Стивенса становятся частями единого гипертекста, который можно понять, имея целостный образ воображаемого мира, созданного автором.

В статье рассматривается одно из программных стихотворений Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и способы реализации авторской концепции в его русских переводах. Проведенный анализ позволил определить перевод, сделанный Британишским, как наиболее близкий к понятию эквивалентности. Его перевод передает лексическое содержание оригинального стихотворения, хотя есть значительные отклонения, которые лишают стихотворение целостной реконструкции авторской идеи.

В целом переводы стихотворений Стивенса подтверждают концепцию принципиальной переводимости поэтического текста. С разной степенью успешности авторам переводов удастся приблизиться к оригиналу, воссоздать общую атмосферу и передать философский смысл, заложенный в поэтических творениях поэта-модерниста.

Ключевые слова: *рецептивная эстетика, художественный перевод, адекватность, эквивалентность перевода, художественный метод, символ*

Для цитирования: Миклухо Ю. Ю. К проблеме художественного перевода поэзии У. Стивенса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 69–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

COMPARATIVE LINGUISTICS

TO THE PROBLEM OF LITERARY TRANSLATION OF W. STEVENS' POEMS INTO RUSSIAN

Yuliya Yu. Miklukho

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, juliavlasova@mail.ru

Abstract

The problem of the translatability of a literary text has remained urgent. At different times, there have been debates in literary science about whether it is permissible and possible to recreate an original work by means of a foreign language. In this article, the Bakhtin thesis on the “dialogue of cultures” and the provisions on the fundamental translatability of a work of art developed in the works of Russian comparative scientists are the starting points.

The purpose is to analyze the poems of the American modernist poet Wallace Stevens and his Russian – language translations.

The program poem by U. Stevens’ “Thirteen Ways to look at the Blackbird” and its translations into Russian served as the material for the study. The study uses the methods of linguo-stylistic analysis of language units, the method of philological analysis of a literary text, and comparative analysis.

Creative works of Stevens reflect a general tendency of complexity of the poetic language that was earlier expressed by G. Elliot. Stevens’ poetry remains a mystery, has various interpretations while the author himself does not provide detailed and clear recommendations. The symbol of poetry for Stevens is music – the most abstract kind of art that is why any art should strive towards the state of music. In his poems, Stevens creates a world of imaginary, conditional and mysterious reality. The origins of his poetics go back to romanticism and symbolism, Coleridge’s understanding of the imagination, echoes of Nietzscheanism, Freudian and Jungian motifs. That is the reason why it can be challenging to understand what the author’s poems are about. It leads to multiple interpretations of Stevens’ works. This feature of the poetic style of the American author gives translators freedom when working on Stevens’ texts and actualizes some dominants of original works while obscuring others.

An accurate translation of Stevens’ poems is not the same as a successful translation. That is why the researchers recommend to take into consideration his entire artistic heritage (including his theoretical research) when analyzing individual poems. Stevens’ individual poems become parts of a single hypertext that can be understood by having a complete image of an imaginary world created by the author.

The paper considers one of the curriculum poems written by Stevens’ “Thirteen ways of looking at a blackbird” and the ways of implementation of the author’s conception in its Russian translations. The analysis of the selected translations made it possible to identify the translation made by Britanishsky as the closest to the concept of equivalence. His translation conveys the lexical content of the original poem, though there are significant deviations that deprive the poem of a holistic reconstruction of the author’s idea.

Keywords: *receptive aesthetics, literary translation, adequacy, translation equivalence, artistic method, symbol*

For citation: Miklukho Yu. Yu. K probleme khudozhestvennogo perevoda poezii U. Stivena [To the Problem of Literary Translation of W. Stevens’ Poems into Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 69–75 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

Введение

В основе современной компаративистики лежит концепция диалога, разработанная в трудах М. М. Бахтина [1, 2] и ставшая принципиальной для сравнительного литературоведения. В то же время в данном исследовании принципиально разделяется диалектическая позиция Р. Ингардена, который наряду с идеей интенциональности, указывающей на творческий характер восприятия, и развиваемой рецептивной эстетикой отстаивал идею «субстанциализма», подчеркивая значимость «оригинала» как «единственного идеального эстетического предмета», задуманного и реализованного автором [3].

Исходя из вышесказанного, под художественным переводом мы понимаем способ максимально близко к первоисточнику передать содержание и художественный замысел автора.

Вопрос о переводимости художественного текста остается нерешенным. В частности, это касается проблем перевода поэтических текстов. В истории переводоведения всегда было множество сторонников, высказывавших идею их абсолютной непереводимости. Б. Пастернак писал: «Переводы неосуществимы, потому что главная прелесть художественного произведения в его неповторимости. Как же может повторить ее перевод?» [4, с. 166]. Американский поэт Роберт Фрост выража-

ет сходную позицию: «Поэзия – это то, что неприводимо на другой язык» (цит. по: [5, с. 183]).

И. С. Алексеева отмечает, что в поэтическом тексте форма оказывается предельно информативной. Поэтому все формальные особенности (ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись) здесь должны выступать в качестве доминант перевода [6].

Ю. М. Лотман, с одной стороны, указывает на неравноценность составляющих художественного текста [7, с. 576], с другой – выделяет значимость в поэтических произведениях любых «формальных» языковых элементов. В структуре поэтического текста увеличивается не только количество таких значимых элементов, но и «система их сочетаний». «Принцип со-противопоставления элементов является универсальным структурообразующим принципом в поэзии и словесном искусстве вообще» [7, с. 599], и это придает поэзии особую семантическую нагрузку.

Особое значение в стихотворном тексте имеет звукопись. По словам М. Лозинского, по сравнению с музыкальными звуками звуки слов в стихах «...ярче воздействуют на нашу эмоциональность», поскольку за словами стоят мысли, образы, понятия, чувства. Вступая с сложную перекличку друг с другом, они «...создают для нас сложные сети мысленных и чувственных ассоциаций» [8, с. 164]. Отсюда важность соблюдения звукового рисунка оригинала. Любое изменение может погасить «внутренний» свет исходного содержания.

Таким образом, множество концепций, рассматривающих вопрос специфики художественного перевода поэтического текста, свидетельствует о сложности этого феномена. Точное воссоздание формальной структуры поэтического текста, по мнению ученых, еще не делает перевод адекватным. Важнее оказывается передать эстетическое наполнение текста оригинала, его общее настроение, сохранить литературный портрет автора. Перед переводчиком, таким образом, стоит двойная задача: восстановить в переводном тексте исходную авторскую концепцию, его стиль, манеру и систему художественных средств, а также «адаптировать» свой текст к родному языку, сделать его понятным для своего читателя. Чужие культурные реалии, встречающиеся в тексте оригинального иноязычного автора, должны быть переданы в переводе адекватными средствами.

Материал и методы

Материалом исследования послужило программное стихотворение У. Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и его русскоязычные переводы. В исследовании используются методы лингво-

стилистического анализа языковых единиц, метод филологического анализа художественного текста, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

Далее на примере американского поэта-модерниста Уоллеса Стивенса будет рассмотрен вопрос об особенностях переводческой работы над его текстами. Творчество Стивенса представляет собой феномен, в основе которого лежат размышления о природе искусства. В то же время, затрагивая столь важный, вневременной аспект, в своих произведениях он остается крайне злободневным. Его «поэзия момента» пронизывает интерес к современности.

Российские исследователи творчества Стивенса (Г. Кружков, А. Генис) отмечают сложность и уникальность его поэтического языка, как и в целом художественной системы. Отсюда возможность множественных интерпретаций его текстов, тем более что сам поэт никогда не давал рекомендаций к их прочтению [9]. Так, по мнению Кружкова, «темнота», «суггестивность» стивенсовской поэзии является сознательной установкой автора, противостоящего отношению современной культуры к поэзии как к чему-то «мелкому и чисто декоративному» [10, 11]. Это роднит поэзию Стивенса с имажинистами, кубистами, сюрреалистами и супрематистами.

Поэзия Стивенса остается «темной» загадкой для отечественного читателя. На сегодняшний день имеется очень мало русскоязычных переводов его поэтических произведений, не говоря уже о теоретических работах, посвященных проблемам современной литературы, которые, по мнению соотечественников Стивенса, представляют собой большую литературоведческую ценность.

Сложность художественного метода американского автора актуализирует вопрос о возможности переводов его текстов. Говорить об эквивалентных переводах не приходится, тогда как интерпретации имеют место быть [12]. Подобные интерпретации оправданы необходимостью знакомства русского читателя с уникальным творческим наследием одного из крупнейших американских поэтов XX в. [13]. Балансируя между следованием оригиналу и творческой свободой, переводчик должен соединять точность и смелость, что вполне удалось Кружкову, считает Генис [13].

На примере одного из программных стихотворений Стивенса – *Thirteen ways of looking at a blackbird* [14] в данной статье будет проанализирована степень проникновения в авторскую концепцию русскоязычными переводчиками.

Прежде всего отмечаем общую рамочную статичность «снежного» пейзажа в начале и в конце

стихотворения, в которую вторгается летящая черная птица. Упоминание реки Коннектикут дает нам понять, что это, вероятнее всего, пространство Хартфорда (города, в котором всю жизнь прожил Стивенс).

Центральным образом стихотворения, вынесенным в заголовок, является черная птица. В орнитологии выделяется вид черного дрозда (Old world blackbird / common blackbird), но в разных странах мира существуют птицы, которых также называют (в соответствии с их внешним видом) blackbird (new world blackbird), но которые, строго говоря, не относятся к классическому виду. Ареал обитания классического черного дрозда – Евразия, Австралия и Новая Зеландия; другие же «черные птицы» (так сказать, «ненастоящие» черные дрозды) представлены широко в мире; в том числе свой «черный дрозд» (rusty blackbird) есть и в США, в штате Коннектикут. Таким образом, символ черного дрозда может указывать на условность поэтического пространства стихотворения. Поэт соединяет реалии своего родного пространства с образом чужестранного (возможно, евразийского) черного дрозда, который, кроме прочего, имеет прочные культурные ассоциации (в древнегреческой мифологии представлен как священная, разрушительная птица; в христианстве символизирует греховный соблазн).

Наиболее известными на сегодняшний день являются переводы стихотворения «Тринадцать способов...» Г. Кружкова [15] и В. Британишского [16]. В переводе Кружкова в заглавии переведено «дрозд»; у Британишского «черный дрозд».

В любом случае символика как самой птицы, так и ее черного цвета имеет концептуальное значение. А. Башляр в своей книге «Поэтика пространства» исследует феномен птицы в истории европейской культуры, выстраивая ассоциативный ряд между птицей и некой «округлостью» жизни, гармоничным бытием (принципом «круглого бытия» Ясперса). В подтверждение своего тезиса он приводит высказывание Мишле о птице как модели «круглого бытия»: «Птица, почти совсем шарообразная, несомненно, есть высшее, дивное и божественное воплощение концентрации жизни. Более высокую степень цельности ни увидеть, ни даже вообразить невозможно. Сверхконцентрация, в которой заключена огромная личная сила птицы, влечет за собою, однако, крайний индивидуализм, изоляцию, социальную слабость» [17, с. 214]. У Рильке также актуализируется образ «круглой» птицы, своим «круглым» криком придающей «...небу округлость купола. И все как будто покоится в округленном пейзаже» [17, с. 214].

У Стивенса птица также ассоциирована с круглым:

When the blackbird
flew out of sight,
It marked the edge
Of one of many
circles.

А когда он скрылся из вида,
То завершил окружность
Одного из многих кругов
(Здесь и далее по тексту
подстрочный перевод вы-
полнен автором статьи. –
Ю. М.)

В переводе Кружкова разрушается цикличность («Он наметил границу / Какого-то важного круга»); у Британишского более точно: «Была очерчена граница / Лишь одного из многих кругозоров».

В «Тринадцати способах...» черная птица представляет собой сложный, многогранный символ. С одной стороны, он может быть интерпретирован как движение, нарушающее внешнюю гармонию заснеженного пространства, т. е. дисгармоничная субстанция (такой трактовке, между прочим, способствует и цветовая характеристика птицы). Но развитие стихотворения разрушает это первое впечатление, поскольку птица воплощает собой сознание лирического я в трех его ипостасях, что может быть прочитано в юнгианском духе. В своей книге «Психология бессознательного» в качестве основных категорий психологии Юнг выделяет индивидуальное бессознательное, коллективное бессознательное и архетипы (как ДНК человеческой души). Основные из них – самость; анима (жен.) и анимус (муж.), которые в идеале представляют единое целое – «божественного гермафродита»; тень (то, что вытеснено в подсознание), маска и др. Очень большое значение придается снам и символам. Кроме того, в работе «Архетип и символ» Юнг прямо пишет о числе 13 (очень непопулярном в США) [18, 19]. В то же время фраза I was of three minds... может быть интерпретирована в соответствии с фрейдистскими категориями ид, эго, суперэго. В стихотворении Стивенса также озвучены категории мужского (man) и женского (woman) начал, они предстают в неразделимом единстве вместе с черной птицей:

A man and a woman
Are one.
A man and a woman and
a blackbird
Are one.

Мужчина и женщина –
Это одно.
Мужчина и женщина
Неразделимы,
И черный дрозд между
ними.

В переводах этот мотив передан одинаково с использованием словосочетания «одна плоть».

Это не противоречит башлярскому пониманию гармонизирующей сущности птицы, поскольку для Стивенса творчество, поэзия и есть гармония; движение мысли, вдохновение как противостояние «оцепенению» жизни.

С другой стороны, символ птицы может быть истолкован как категория эстетическая – как знак

творчества, которое в своем замысле потенциально более идеально по сравнению с его вербализацией.
 I do not know which to prefer,
 The beauty of inflections
 Or the beauty of innuendoes,
 The blackbird whistling
 Or just after.

Не знаю, что предпочесть:
 Красоту форм или
 Красоту намеренья.
 Посвист птицы
 Или после мгновенье.

Поэзия для Стивенса сопряжена с музыкой. Музыкальность как неотъемлемая черта символистской поэзии обладает, по мнению Стивенса, той абстрактностью, которая делает ее недостижимой для линейного прочтения, придает особую глубину мысли. Начиная с Вагнера, предпринявшего попытку предельного синтеза оперы, в которой должны слиться музыка, поэзия, изобразительное и пластическое искусство, музыка в поэзии конца XIX в. наполняется особым содержанием. Вагнеровская система лейтмотивов работает и в стихотворениях Стивенса. В «Тринадцать способов...» это черная птица, тень, мужское/женское начала, снег/лед.

Значимость в стихотворениях Стивенса получает не только непосредственно музыка, но и отдельные звуки. Они несут важную информацию, не передаваемую словами. В оригинале таким значимым звуком становится 'посвист птицы' и мгновение тишины после него. Кружков придает именно музыкальную архитектуру («песенка дрозда») в отличие от автора, который, видимо, более последователен в своем «птичьем» параллелизме. Кроме того, если у Стивенса речь идет, скорее, об этапе вдохновения, о зарождении творческой идеи, которая более совершенна по сравнению с формой, реализацией (что вытекает из его эстетической программы), то у переводчиков осмысливается непосредственно созданное: внешняя материя, ткань, «красота звучаний» (Кружков), «красота модуляций» (Британишский) сопоставляется с их скрытым содержанием, подтекстом.

В шестой части стихотворения Стивенс развивает свою идею «актуального», «жизненного» творчества, призывая художников отказаться от 'золотых птиц' (golden birds) и оглянуться на 'черную птицу', что ходит 'у ног ваших подруг' (Walks around the feet / Of the women about you). Британишский близок к оригиналу, переводя «воображаемые золотые птицы»; у Кружкова переведено «императорские соловьи», что, в общем, также создает образ академического «приглаженного» искусства, неприемлемого для Стивенса.

Птица для Стивенса – это еще некий внутренний нравственный императив, не позволяющий ему скользить по поверхности искусства, не погружаясь в его глубину, создавать 'прекрасную песню,

понятную и ритмичную безупречно' (...noble accents / And lucid, inescapable rhythms).
 I know noble accents
 And lucid, inescapable rhythms;
 But I know, too,
 That the blackbird is involved
 In what I know.
 Я знаю, что могу написать прекрасную песню,
 Понятную и ритмичную безупречно.
 Но еще знаю я,
 Что этот дрозд
 Участвует в том, что я знаю.

Британишский в данном случае довольно точно передает авторскую концепцию, а Кружков более волен в своем переводе, что ведет к очередному искажению смысла, поскольку в его тексте дрозд превращается в «музу», которая способствует творчеству.

Кружков	Британишский
Мне ведомы тайны созвучий И тайны гибких, властительных ритмов. Но мне ведомо также, Что без дрозда Ничего бы не вышло.	Я знаю звучные размеры И звонкие, неотвратимые рифмы; Но знаю также, Что черный дрозд неизбежно участвует В том, что я знаю.

Между прочим, тень (если ее понимать именно в юнгианском ключе – как область бессознательно-го; то, что мы вспоминаем, переживаем, желаем, но никогда не признаем себе, потому что это идет вразрез с общепринятыми нормами: «Тень противоречит персоне, но в ней скрыта огромная положительная энергия. Если этой энергией научиться правильно управлять, то можно эффективно развить свою личность» [20]) в стихотворении Стивенса также сопряжена с образом черной птицы. Страх лирического героя (причем происходит смена субъекта: в первой части I, здесь Hi) обусловлен сомнением в том, что он действительно имеет отношение к черной птице (т. е. сомнением в своей сопричастности к «высшему» искусству):
 He rode over Connecticut
 In a glass coach.
 Once, a fear pierced him,
 In that he mistook
 The shadow of his equipage
 For blackbirds.
 В своей стеклянной карете
 Пересекал он Коннектикут.
 Но внезапным он был пронизан страхом,
 Когда ошибся, приняв тень экипажа
 За черных дроздов.

У Кружкова сохраняется данный вектор, а Британишский, напротив, искажает смысл до противоположного:

Кружков	Британишский
Переезжая мост через Коннектикут В стеклянной карете, Он вдруг испугался: А не принял ли он за дрозда Тень своего экипажа?	Он ехал через Коннектикут В стеклянной карете. Внезапно страх пронизал его, Ему показалось, Что тень от его экипажа – Это стая черных дроздов.

Но бег времени не остановить, а черная птица должна лететь дальше: *The river is moving / The blackbird must be flying*. В этой предфинальной фразе заложен глубокий обобщающий смысл: истинное искусство побеждает и практически неизбежно, как вечный бег реки или полет птицы. В этой философской сентенции есть что-то сродни японской созерцательности, а сама структура стихотворения напоминает японские хокку. В то же время название «Тринадцать способов увидеть черную птицу» отсылает к лондонским пейзажам Клода Моне.

Таким образом, пространство в стихотворении – это статично-динамичное явление, которое приобретает философскую глубину. Переводчики в разной степени улавливают эту концепцию Стивенса. Более близким к оригиналу оказывается Британишский. Прежде всего это ему удастся за счет более точного перевода лексических единиц, начиная с заглавия («Тринадцать способов видеть черного дрозда», тогда как у Кружкова «Тринадцать способов нарисовать дрозда»).

В тексте Стивенса важной оказывается не только тема истинного, высокого и в то же время жизненного искусства, реализованная в образе черной птицы, но и размышления о человеческой природе, о категориях временного и вечного. В переводе Британишского сохранено слово ‘сознание’, что в

совокупности с женским и мужским началом указывает на интерес американского поэта к психоанализу Фрейда и юнгианскому архетипу (не случайно в стихотворении появляется слово *barbaric*). С другой стороны, Кружков, как в свое время отмечал Генис, «...как хороший пианист, исполняет точно, а трактует смело». Хотя в его переводе отсутствует категория сознания, он усиливает эстетическую направленность текста (тему искусства, музыкальность, изобразительность). Интересно, что в первоначальном варианте заглавие у Кружкова переведено как «Тринадцать способов смотреть на черного дрозда». В окончательном заголовке лирическое я переводится из состояния созерцательности в активного субъекта, творца. Это одна из интерпретаций, и она имеет право на жизнь, при этом не исключает возможности других прочтений, как верно замечает Генис [13].

Заключение

Поэзия У. Стивенса сложна по своей природе и допускает множественность художественных интерпретаций. В то же время в ней реализуются основные эстетические принципы, сформулированные автором в теоретических работах. Русскоязычные переводы стихотворений Стивенса с разной степенью успешности подтверждают концепцию переводимости поэтического текста.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. 279 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Из-во иностр. лит., 1962. 571 с.
4. Пастернак Б. Заметки переводчика // Знамя. 1944. № 1-2.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968. 384 с.
6. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учеб. пос. по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с. (Серия «Библиотека переводчика»).
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. М., 1996. 848 с.
8. Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. 1955. № 7.
9. Стивенс У. Благородный возничий и звучание слов // Фисгармония / изд. подг. Г. М. Кружков, Т. Д. Венедиктова; отв. ред. Т. Д. Венедиктова. М.: Наука, 2017. 396 с.
10. Кружков Г. Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на «Фисгармонии» // Стивенс У. Стихи / пер. с англ. и вст. статья Г. Кружкова. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения: 15.01.2022).
11. Кружков Г. Темный Уоллес // Ностальгия обелисков: литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 467–476. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzchkov3-11.html> (дата обращения: 12.01.2022).
12. Стивенс У. Стихи. Перевод с английского и вступительная статья Григория Кружкова. Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на «Фисгармонии». URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения: 12.01.2022).
13. Генис А. Играя в Бога. Вступ. статья / Стивенс У. Стихи. Пер. с англ. Г. Кружкова // Иностран. литература. 1998. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (дата обращения: 13.01.2022).
14. Stevens W. Thirteen ways of looking at a blackbird. URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/133> (дата обращения: 10.01.2022).
15. Стивенс У. Тринадцать способов нарисовать дрозда / пер. с англ. Г. Кружкова. М.: Рудомино, 2000. 139 с.
16. Стихотворения: от Уитмена до Лоуэлла / пер. с англ. В. Британишского. М.: Аграф, 2005. С. 47–69.
17. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 376 с.
18. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного: пер. с англ. М., 2010. 352 с.
19. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

20. Юнг К. Г. Психология бессознательного, теория личности по Юнгу, ее структура, архетипы, экстраверсия и интроверсия. URL: <http://zhurnal-razvitie.ru/psihologiya-lichnosti/karl-gustav-yung-psixologiya-bessoznatelnogo-teoriya-lichnosti-po-yungu-ee-struktura-arxetipy-ekstraversiya-i-introversiya.html> (дата обращения: 17.01.2022).

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennyaya literatura Publ., 1972. 279 p. (in Russian).
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (in Russian).
3. Ingarden R. *Issledovaniya po estetike* [Studies in aesthetics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 571 p. (in Russian).
4. Pasternak B. Zametki perevodchika [Translator's notes]. *Znamya*, 1944, no. 1-2 (in Russian).
5. Chukovskiy K. I. *Vysokoye iskusstvo* [High Art]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1968. 384 p. (in Russian).
6. Alekseyeva I. S. *Professional'noye obucheniye dlya perevodchikov: uchebnoye posobiye po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlya perevodchikov i prepodavateley* [Professional training of an interpreter: textbook on interpretation and translation for translators and teachers]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 2001. 288 p. (Series "Translator's Library") (in Russian).
7. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii. Analis poeticheskogo teksta* [About poets and poetry. Analysis of the poetic text]. Moscow, 1996. 848 p. (in Russian).
8. Lozinskiy M. L. *Iskusstvo poeticheskogo perevoda* [The art of poetic translation]. *Druzhba narodov*, 1955, no. 7 (in Russian).
9. Stevens W. Blagorodnyy voznihiy i zvuchaniye slov [Noble charioteer and the sound of words]. In: *Stevens U. Fisgarminiya* [Harmonium]. Moscow, Nauka Publ., 2017. 396 p. (in Russian).
10. Kruzhkov G. Zagadki Stivensa, ili Kratkiy samouchitel' igry na "Fisgarmonii" [Riddles of Stevens, or a Brief tutorial on playing the "Harmonium"]. In: *Stevens U. Stikhi. Perevod s angliyskogo i vstupitel'naya stat'ya G. Kruzhkova* [Poems. Translation from English and introductory article by G. Kruzhkov] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (accessed 15 January 2022).
11. Kruzhkov G. Temnyy Uolles [Dark Wallace]. *Nostal'giya obeliskov: literaturnyye mechtaniya* [Nostalgia of obelisks: literary dreams]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2001. Pp. 467–476 (in Russian). URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov3-11.html> (accessed 12 January 2022).
12. Miklukho Yu. Yu. *Kontseptiya iskusstva v tvorchestve U. Stivensa* [The concept of art in W. Stevens's creative work] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (accessed 12 January 2022).
13. Genis A. Igraya v Boga. Vstupitel'naya stat'ya [Playing God. Introduction article]. In: *Stevens U. Stikhi. Perevod s angliyskogo G. Kruzhkova* [Poems. Translated from English by G. Kruzhkov]. *Inostrannaya literatura*, 1998, no. 10 (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (accessed 13 January 2022).
14. Stevens W. *Thirteen ways of looking at a blackbird*. URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/133> (accessed 10 January 2022).
15. Stevens W. *Trinadtsat' sposobov narisovat' drozda* [Thirteen ways to draw a blackbird]. Translation from English. Moscow, Rudomino Publ., 2000. 139 p. (in Russian).
16. *Stikhotvoreniya: ot Uitmena do Louella* [Poems: from Whitman to Lowell]. Moscow, Agraf Publ., 2005. Pp. 47–69 (in Russian).
17. Bashlyar G. *Izbrannoye. Poetika prostrantva* [Favorites: Poetics of space]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2004. 376 p. (in Russian).
18. Jung K. G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. Translation from English. Moscow, 2010. 352 p. (in Russian).
19. Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991 (in Russian).
20. Jung K. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo, teoriya lichnosti po Yungu, ee struktura, arkhetipy, ekstraversiya i introversiya* [Psychology of the unconscious]. *Online magazine Razvitiye* (in Russian). URL: <http://zhurnal-razvitie.ru/psihologiya-lichnosti/karl-gustav-yung-psixologiya-bessoznatelnogo-teoriya-lichnosti-po-yungu-ee-struktura-arxetipy-ekstraversiya-i-introversiya.html> (accessed 17 January 2022).

Информация об авторе

Миклухо Ю. Ю., кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет (пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073).

Information about the author

Miklukho Yu. Yu., Candidate of Philological Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation (pr. Karla Marksa, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073).

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 09.06.2022; accepted for publication 07.12.2022

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 378

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-76-85>

РЕФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОНЕ «НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК» (ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ)

Сы Цзюньцин¹, Чжан Цзяци²

¹ *Институт иностранных языков и литератур Ланьчжоуского университета, Ланьчжоу, Ганьсу, Китай, 1379786308@qq.com*

² *Китайско-немецкий институт Чжэцзянского научно-технического института, Ханчжоу, Чжэцзян, Китай, 1191719045@qq.com*

Аннотация

Новая концепция гуманитарных наук делает упор на разрушение барьеров между различными дисциплинами, создание новой системы дисциплин и системы знаний, упор на развитие мыслительных способностей студентов посредством передачи знаний и восстановление связи между «преподаванием» и «обучением».

Цель статьи – анализ пути реформ преподавания иностранной литературы в контексте «новой концепции гуманитарных наук».

Материалом исследования послужили документы Министерства образования КНР о построении «новой концепции гуманитарных наук», соответствующие исследовательские работы CNKI Китая, а также примеры в преподавании предмета «Иностранная литература». В исследовании используется литературный метод исследования, эмпирический метод исследования и метод сопоставления.

В этом контексте преподавание иностранной литературы должно разрушать барьеры между курсами и осуществлять интеграцию между ними. Иностранная литература в различных университетах Китая делится на историю иностранной литературы, чтение иностранных литературных произведений и теорию иностранной литературы, однако в обучении мы должны сочетать эти курсы. Во время преподавания истории литературы мы должны помочь студентам понять особенности литературного языка в оригинальных художественных текстах, мы должны проникнуть в литературную теорию в изучении работ, научить студентов анализировать конкретные литературные тексты с помощью литературной теории и метода критики и реализовать сочетание теории и практики.

В преподавании иностранной литературы мы должны не только иметь глобальное поле зрения, но и национальное и семейное чувства, чтобы распространять китайскую культуру на международной арене и хорошо преподавать китайскую историю и установить уверенность в культурных различиях. Русская литература содержит глубокий патриотический дух, гуманитарный дух, глубокое культурное наследие и гражданское сознание. Благодаря преподаванию этого курса мы направляем студентов к созданию патриотизма, строим сознание граждан и развиваем гуманитарный дух. В результате мы будем объединять знания, способности и взгляд на ценность, чтобы улучшить идеологическую и моральную грамотность учащихся.

В процессе преподавания мы советуем студентам активно участвовать в преподавательской деятельности и в дискуссиях. Интерактивные действия между преподавателями и студентами могут мобилизовать энтузиазм студентов, стимулировать их творческий потенциал, предоставить им возможности для использования и демонстрации собственных возможностей и помочь им улучшить языковые способности. В то же время преподавание иностранной литературы не только может придать знания, но и формировать способности мышления и стимулировать способности воображения студентов.

Использование вспомогательных инструментов, таких как мультимедиа, интернет, видео, сайт, может не только расширить объем учебной программы литературных курсов и сделать метод обучения диверсифицированным, но и поддерживать связь с информационными технологиями, цифровой культурой и Сетью. Этот метод обучения может стимулировать энтузиазм студентов в обучении и формировать добродетельный цикл процесса обучения.

Преподаватели должны ввести результаты своих исследований, а также научные методы в аудитории, постоянно обогащать и обновлять контент преподавания.

В настоящее время оценки обучения по иностранной литературе в различных университетах Китая заключаются в письменной форме. Этот метод оценок не способствует развитию творческих способностей и улучшению способностей производить литературный анализ у студентов. Поэтому мы пытаемся использовать комбинацию письменных тестов и устных тестов при оценке обучения для всестороннего улучшения языковых навыков учащихся и культурной грамотности.

«Новая концепция гуманитарных наук» состоит в том, чтобы сбросить необоснованные барьеры, установленные дисциплинами, не связана границами невидимых дисциплин. «Новая концепция гуманитарных наук» является неизбежным результатом гуманитарных и социальных наук, адаптирующихся к социальному развитию. Неотъемлемой задачей преподавания иностранной литературы является возвращение выдающихся талантов, способных служить потребностям страны и брать на себя ответственность за национальное возрождение на фоне «новой концепции гуманитарных наук».

Ключевые слова: новая концепция гуманитарных наук, преподавание иностранной литературы, реформа преподавания

Благодарности: Работа выполнена при поддержке учебного фонда Ланьчжоуского университета (проект «Исследование и практика смешанного метода обучения в преподавании „Истории русской литературы“ в Ланьчжоуском университете в 2021 году», проект «Преподавательский состав „История русской литературы“ в Ланьчжоуском университете в 2022 году» и проект «Демонстрационный курс „Оценка русских классических литературных произведений“ в Ланьчжоуском университете в 2022 году»).

Для цитирования: Сы Цзюньцин, Чжан Цзяци. Реформа преподавания иностранной литературы на фоне «новой концепции гуманитарных наук» (опыт реализации в современной системе образования Китая) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 76–85. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-76-85>

METHODOICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

REFORM OF TEACHING FOREIGN LITERATURE ON THE BACKGROUND OF THE “NEW CONCEPT OF THE HUMANITIES” (EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION IN MODERN CHINA’S EDUCATION SYSTEM)

Si Jun-qin¹, Zhang Jia-qi²

¹ School of Foreign Languages, Lanzhou University, Lanzhou, Gansu, China, 1379786308@qq.com

² Chinese-German school, Zhejiang University of Science and Technology, Hangzhou, Zhejiang, China, 1191719045@qq.com

Abstract

The new concept of the humanities emphasizes breaking down barriers between different disciplines, creating a new system of disciplines and a knowledge system, emphasizing the development of students’ thinking abilities through the transfer of knowledge, and re-establishing the link between “teaching” and “learning”.

The goal is to analyze the way of reforming the teaching of foreign literature in the context of the “new concept of the humanities”.

The material of the study was the documents of the Ministry of Education of the People’s Republic of China on the construction of a “new concept of the humanities”, the relevant research papers of the CNKI of China, as well as examples of the author’s training in teaching “Foreign Literature”. The study uses the literary method of research and the empirical method of research.

In this context, the teaching of foreign literature should break down barriers between courses and integrate between courses. Foreign literature in various universities in China is divided into the history of foreign literature, the reading of foreign literature and the theory of foreign literature, but we must combine these courses in teaching. During the teaching of literary history knowledge, we must make students understand the characteristics of the literary language in original literary texts, we must penetrate the literary theory in the study of works, teach students to analyze specific literary texts through literary theory and criticism method, and realize the combination of theory and practice.

In teaching foreign literature, we must not only have a global vision, but also have national and family feelings, in order to spread Chinese culture in the international arena and tell Chinese stories well and establish cultural confidence

in cultural differences. Russian literature especially contains a deep patriotic spirit, humanitarian spirit, deep cultural heritage and civic consciousness. Through the teaching of this course, we guide students to create patriotism, build the consciousness of citizens and develop a humanitarian spirit. As a result, we will combine knowledge, ability, and a view of value in order to improve the ideological and moral literacy of students.

While teaching, we encourage students to actively participate in teaching activities and discussions. Interactive activities between teachers and students can mobilize students' enthusiasm, stimulate their creativity, provide them with opportunities to use and demonstrate their own abilities, and help them improve their language skills. At the same time, teaching foreign literature can not only impart knowledge, but also cultivate thinking ability and stimulate students' imagination ability.

The use of auxiliary tools such as multimedia, internet, film, boutique course site, can not only expand the scope of the curriculum of literature courses and make the teaching method diversified, but also keep in touch with information technology, digital culture and the network. This teaching method can stimulate students' enthusiasm for learning and form a virtuous learning cycle.

Teachers should introduce their research results, research trends, as well as scientific methods in the classroom, constantly enrich and update teaching content, conduct flexible classes, ensure students learn the latest knowledge and cutting edge concepts, at the same time cultivate students' interests in scientific research, improve the ability of students in research and stimulate the interests of students in research.

At present, assessments of foreign literature studies at various universities in China are in writing. This assessment method does not contribute to the development of creative abilities and the improvement of students' literary assessment and analysis abilities. Therefore, we are trying to use a combination of written tests and oral tests in the assessment of learning to comprehensively improve students' language skills and cultural literacy.

The "new concept of the humanities" is to throw off the unreasonable barriers set by disciplines, not bound by the boundaries of invisible disciplines. The "new concept of the humanities" are the inevitable result of the humanities and social sciences adapting to social development. An integral task of teaching foreign literature is to cultivate outstanding talents who can serve the needs of the country and take responsibility for national revival against the backdrop of the "new concept of the humanities".

Keywords: *new concept of the humanities, foreign literature, teaching reform*

Acknowledgments: This work was supported by the Learning Foundation of Lanzhou University (Project "Research and practice of blended learning in teaching 'History of Russian Literature' at Lanzhou University in 2021", Project "Teaching staff of 'History of Russian Literature' at Lanzhou University in 2022" and Project "Demonstration Course 'Assessment of Russian Classical Literature' at Lanzhou University in 2022").

For citation: Si Jun-qin, Zhang Jia-qi. Reforma predavaniya inostrannoy literatury na fone "novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk" [Reform of Teaching Foreign Literature on the Background of the "New Concept of the Humanities" (Experience of Implementation in Modern China's Education System)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 74–83 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-76-85>

Введение

24 августа 2018 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая опубликовал «Руководящее заключение по руководству воспитательной работой с мыслью Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры», в котором предлагалось, что «высшее образование должно стремиться к развитию новой концепции политехнических, медицинских, сельскохозяйственных и гуманитарных наук». Впервые выдвинули «новую концепцию гуманитарных наук», стремясь ускорить создание высшего образования высокого уровня и всесторонне улучшить возможности обучения талантов. В апреле 2019 г. в Тяньцзине было проведено стартовое совещание по плану 2.0 «Шесть совершенств и один топ» (2018–2022), план 2.0 будет полностью реализован для развития новой концепции политехнических, медицинских, сельскохозяйственных и гуманитарных наук, а так-

же для продвижения «революции качества» в вузах по всей стране [1], началась жесткая битва за возрождение высшего образования.

В «Декларации о строительстве новой концепции гуманитарных наук», выпущенной в ноябре 2020 г., указывалось, что миссия времени по созданию новой концепции гуманитарных наук состоит в том, чтобы усилить направление «знать Китай, любить Китай и брать на себя ответственность за возрождение нации», «улучшить понимание учащимися основных национальных условий, укрепить понимание учащимися господствующей идеологии, а также поощрить учащихся к тому, чтобы они брали на себя ответственность и миссию международного общения для страны и нации» [2]. С выпуском «Декларации о строительстве новой концепции гуманитарных наук» строительство новой концепции гуманитарных наук вступило в новую стадию.

«Новая концепция гуманитарных наук» основана на продолжении традиционных ценностей гуманитарных наук с упором на интеграцию «новых знаний» в текущий социальный контекст, на развитие науки и техники, социального прогресса и социализма с китайской спецификой. Новая концепция гуманитарных наук прорывает традиционный способ мышления, разрушает барьеры между дисциплинами и системами знаний, реализует пересечение и интеграцию нескольких дисциплин, чтобы способствовать внутреннему взаимопроникновению гуманитарного образования и развитию гуманитарных дисциплин, преодолеть внутренние и внешние ограничения традиционных гуманитарных дисциплин и реализовать междисциплинарное развитие и интерактивную связь, «то есть интегрировать современные информационные технологии в такие курсы, как философия, литература, язык и т. д., чтобы предоставить студентам всестороннее междисциплинарное обучение для расширения знаний и культивирования инновационного мышления» [3, с. 132].

В контексте дисциплинарной интеграции подготовить студентов, у которых всестороннее развитие является исторической миссией по предоставлению новой концепции гуманитарных наук в новую эпоху. Прогресс естественных наук требует этического руководства гуманитарных наук. В тот момент, когда мировые обмены цивилизации и взаимное обучение становятся более частыми, строительство новой концепции гуманитарных наук требует подготовки талантов, у которых имеется не только глобальное поле зрения, но и национальное и семейное чувства, чтобы они распространяли китайскую культуру на международной арене и хорошо представляли китайскую историю.

Декларация требует, чтобы студенты понимали основную идеологию, поэтому изучение профессиональных курсов должно быть интегрировано с элементами идеологии учебной программы. Концепция «политической идеологии» была впервые усовершенствована из содержания традиционных политических курсов, подчеркивая интеграцию других курсов, и в конечном итоге продвигали друг друга с концепцией политической и других курсов для достижения ценностной ориентации гуманитарных наук, помогая студентам установить правильный взгляд на жизнь, мировые перспективы, ценности, улучшить чувство социальной ответственности учащихся и исторической миссии.

Целью настоящей работы является анализ пути реформ преподавания иностранной литературы в контексте «новой концепции гуманитарных наук». Преподавание иностранной литературы должно разрушать барьеры между курсами и осуществлять интеграцию между курсами; интегрировать идео-

логические и политические элементы в преподавание для достижения ценностного ориентира; распространять китайскую культуру и хорошо представлять китайскую историю; учить студентов обнаруживать проблемы и развивать способность мышления; интегрировать учебные ресурсы и оптимизировать режим обучения.

Материал и методы

Материалом исследования послужили документы Министерства образования КНР о построении «новой концепции гуманитарных наук» [4–6], соответствующие исследовательские работы CNKI Китая [7–10], а также примеры преподавания иностранной литературы. В статье используется литературный метод исследования, эмпирический метод исследования и метод сопоставления.

Результаты и обсуждение

Как сообщество с общим будущим, все страны мира могут собрать мощные силы и придать вечный импульс развитию и прогрессу мировой цивилизации только путем постоянного расширения обменов и взаимного обучения. Культурное процветание требует новой концепции гуманитарных наук, а взаимное обучение между цивилизациями требует новой концепции гуманитарных наук. Новая концепция гуманитарных наук достигла беспрецедентной интеграции, не только разорвав оковы традиционной литературы, истории и философии, но и поглотив восемь основных дисциплин, включая образование, искусство, экономику, менеджмент и право. Интеграция и переплетение нескольких дисциплин заложили более широкое и всеобъемлющее академическое поле зрения и характер, а скачок и пересечение между гуманитарными науками и новой наукой, новой техникой и новой медициной также активизирует более сильную и устойчивую дисциплинарную силу и потенциал. Курс иностранной литературы в вузах опирается на путь и метод практики «обмена цивилизациями и взаимного обучения». Мы должны активно исследовать модель реформы учебного плана в контексте новой концепции построения гуманитарных наук и способствовать взаимному уважению и гармоничному сосуществованию разной цивилизации.

1. Разрушать барьеры между учебной программой и реализовать интеграцию между учебной программой.

Классическая иностранная литература несет в себе наиболее яркое осмысление истории человечества и цивилизации, является богатейшим выражением человеческих эмоций, становится самым ярким способом прочувствовать нацию и эпоху. Чтение, объяснение и интерпретация литературы

требуют межличностного общения и обмена эмоциями, пересечения границ и взаимодействия между различными дисциплинами, а также столкновения и интеграции разных культур.

Иностранная литература в различных университетах Китая делится на историю иностранной литературы, чтение иностранных литературных произведений и оценку иностранной литературы, однако в обучении мы должны сочетать эти курсы. Во время обучения истории литературы мы должны научить студентов понимать особенности литературного языка в ритме, ритмике и риторике в оригинальных художественных текстах, а также чувствовать тонкости литературных произведений с точки зрения слов, предложений, глав и т. д. Таким образом, изучение произведений поднимается с уровня языка на уровень художественного восприятия и познания. И мы также можем объединить литературное обучение, преподавание языка и оценку произведений, чтобы достичь множественной цели обучения знаниям и улучшения эстетической оценки студентов и развития гуманистической грамотности.

Кроме того, мы должны объединить изучение литературной теории с чтением литературных произведений. В процессе преподавания литературы мы должны проникнуть в литературную теорию в изучении работ, научить студентов анализировать конкретные литературные тексты с помощью литературной теории и метода критики и реализовать сочетание теории и практики.

Одним словом, иностранная литература принадлежит к общему культурному наследию всего человечества, а курсы иностранной литературы основаны на контексте литературного развития и либо сосредоточены на писателях и произведениях либо с помощью теории литературы анализируются идеи писателей, навыки письма и языковые стили литературных произведений, цель обучения состоит в том, чтобы развить у учащихся способность использовать язык, улучшить их способность оценивать и критиковать произведения, в конечном итоге улучшить гуманистические качества учащихся.

2. Включить идеологическое воспитание в обучение для достижения ценностной ориентации.

Курсы иностранной литературы играют важную роль в воспитании у студентов гуманистических качеств и расширении их международного кругозора и являются важной частью гуманитарного образования в вузах. При преподавании курсов иностранной литературы преподаватели должны с систематической и целостной точки зрения обучать студентов в трех основных аспектах: обучение знаниям, развитие способностей и формирование ценности. Преподаватели должны обращать внимание

на взаимодополняемость этих трех факторов во всем процессе курса. С одной стороны, необходимо помочь учащимся распознать духовную энергию классических литературных текстов, продвигать гуманистический дух и направлять учащихся к практике обмена и взаимного изучения различных цивилизаций литературным путем. С другой стороны, необходимо расширить культурный кругозор учащихся, повысить культурную осведомленность, укрепить культурную уверенность в себе, глубоко изучить ценность времен, содержащихся в традиционной китайской культуре, осуществить углубленные обмены и взаимное обучение между китайцами и иностранцами, а также помочь китайской классике и другой превосходной традиционной китайской культуре повысить международный имидж нашей страны. «Ценности играют ведущую роль в развитии способности, которые являются душой ключевой способности» [11, с. 7].

В преподавании иностранной литературы мы должны не только иметь глобальное поле зрения, но и иметь национальное и семейное чувства, чтобы распространять китайскую культуру на международной арене и хорошо рассказывать китайские истории и установить культурную уверенность в культурных различиях. 5 декабря 2017 г. в уведомлении о «Схеме реализации проекта по улучшению качества идеологической и политической работы в вузах» партийная группа министерства образования указала «Энергично продвигать реформу преподавания с целью „Идеологии учебной программы“, оптимизировать настройки курса, пересмотреть учебники, улучшить учебный дизайн, укрепить управление преподаванием, сортировать идеологические и политические образовательные элементы, содержащиеся в различных курсах, и реализовать органическое единство идеологического и политического образования и системы знаний» [12]. Выполнение идеологических и политических элементов на курсах является основной задачей идеологического и политического образования.

Русская литература содержит глубокий патристический дух, гуманитарный дух, глубокое культурное наследие и гражданское сознание. В этом курсе мы должны дать полную дискуссию и опираться на идеологические ресурсы и умственную пищу в работах. Благодаря этому курсу мы направляем студентов к формированию патриотизма, строим сознание граждан и развиваем гуманитарный дух. В результате мы будем объединять знания, способность и взгляд на ценность, чтобы улучшить идеологическую и моральную грамотность учащихся.

Одним словом, преподаватели иностранной литературы должны всегда ставить «воспитание лю-

дей» на первое место в своей работе, брать на себя ответственность, придерживаться «воспитания нравственности и воспитания людей», следовать законам физического и психического развития студентов, активно воспитывать у студентов чувства и представления о семье и стране.

3. Мобилизовать энтузиазм и развивать способность мышления студентов.

В контексте новой концепции гуманитарных наук при воспитании гуманистической грамотности талантов университеты также должны сосредоточиться на научных знаниях, информационной грамотности, навыках критического мышления и креативности. На основе трех измерений – «качества, знаний и способностей» Чжан Вэньчжун предложил четыре измерения – «личность, знания, способности и грамотность» в развитии талантов в области иностранных языков и литературы в вузах с точки зрения целостного образования [13, с. 49].

Как видно, воспитание способностей иноязычных талантов стало горячей точкой в текущих исследованиях в области образования и получило достаточно внимания.

В процессе преподавания мы советуем студентам активно участвовать в преподавательской деятельности и в дискуссиях. Например, в оценке литературного текста студенты могут использовать литературную теорию, анализировать художественный образ в работе, чтобы объяснить культурную эстетическую значимость и культурную ценность работы. Мы также можем указать некоторые элементы преподавания студентам, позволить им собирать материалы после занятий, создавать курс и представлять в аудитории. Мы также можем позволить студентам инсценировать произведения, делать симуляцию сценариев, дебатировать и читать вслух.

Интерактивные действия между преподавателями и студентами могут мобилизовать энтузиазм студентов, стимулировать их творческий потенциал, предоставить им шансы для использования и демонстрации собственных возможностей и помочь им улучшить языковые способности. В то же время преподавание иностранной литературы не только может придать знания, но и выращивать способности мышления и стимулировать способности воображения студентов.

4. Использовать сетевую платформу, чтобы расширить объем учебной программы.

В последние годы сочетание больших данных, облачных технологий, искусственного интеллекта и других цифровых технологий и гуманитарных исследований породило новую исследовательскую парадигму «цифровых гуманитарных наук», которая обновила исследовательские методы традици-

онных гуманитарных наук и обогатила содержание и уровень гуманитарных исследований, и результаты этих исследований также должны поступать на уроки иностранной литературы.

Так родилось интеллектуальное учебное сообщество. Создание интеллектуального учебного сообщества основано на цели «укрепления ценностного руководства» и «усиления академической коннотации». Модель обучения сочетает в себе цифровые инструменты обучения, такие как интеллектуальные классы и облачные платформы, для достижения «обогащенных форм» и «инновационных средств» [14, с. 51].

Использование вспомогательных инструментов, таких как мультимедиа, интернет, кино, сайт, может не только расширить объем учебной программы литературных курсов и делать метод обучения диверсифицированным, но и поддерживать связь с информационными технологиями, цифровой культурой и Сетью. Этот метод обучения может стимулировать энтузиазм студентов в обучении и формировать цикл процесса обучения.

Большинство классических российских литературных произведений были сняты в виде фильма или сериала и на большинство российских поэтических произведений написана музыка. Поэтому в обучении мы должны в полной мере использовать эту часть ресурсов. Это не только углубит понимание текста студентами, но и создаст живую атмосферу в аудитории. Конечно, только небольшое количество контента может быть отображено в аудитории или предоставлено в виде небольшой подкаски для студентов, полные фильмы требуют, чтобы студенты просматривали их в свободное время.

Кроме того, содержание преподавания иностранной литературы очень богато, и студентам трудно овладеть различным контентом в ограниченное время. Поэтому мы заранее публикуем учебные материалы на платформе обучения, чтобы студенты могли ознакомиться с ними перед курсом. На уроке выбираем важный контент для объяснения, чтобы расширить объем учебной программы.

5. Привести студентов к участию в научных исследовательских мероприятиях и поощрять их подавать заявки на проекты.

В нашей стране реализован «План действий совместного обучения по объединению науки и образования» [15], который направлен на изучение новой модели совместной подготовки первоклассных талантов в вузах и научно-исследовательских учреждениях. Теория синергии имеет ведущее значение для вузов и научно-исследовательских институтов, выполняет как функцию подготовки талантов, так и помогает реализовать общую

координацию научных исследований и обучения с точки зрения целей, предметов, задач, политики и т. д.

Преподаватели должны ввести свои результаты исследований, тенденции исследований, а также научные методы в аудитории, постоянно обогащать и обновлять контент преподавания, проводить гибкие занятия, представлять студентам самые последние знания и актуальные концепции, в то же время стимулировать интерес учащихся к научным исследованиям, улучшать их способности в научных исследованиях. Мы должны помогать студентам вести научные и инновационные исследования. Этот режим обучения называется моделью обучения исследований.

Преподаватели могут позволять учащимся участвовать в своих собственных научных исследовательских проектах или подавать заявку на специализированные программы обучения, в научно-исследовательских программах для дальнейших исследований в области профессионального образования. Мы должны вести студентов по проведению исследований и обучения на основе проектов, направляя студентов на участие в инновационных и предпринимательских проектах, а также дополнительно обогащать результаты обучения с помощью механизма оценки, таких как исследование, тезис, отчет и защита.

6. Установить комплексный механизм оценки.

Исследование подготовки талантов в контексте новой концепции гуманитарных наук привело к размышлениям о построении системы оценки. Ученые предложили установить концепцию качества «на основе способностей и грамотности» и сформировать диверсифицированный механизм оценки, отказавшись от единой системы оценки, чтобы реализовать разнообразное сочетание собственных стандартов студентов, университетских стандартов, рыночных стандартов и национальных стандартов [16, с. 8].

В настоящее время оценивание знаний по иностранной литературе в различных университетах Китая производится в письменной форме. Она предназначена для оценки основных теоретических знаний литературы и понимания литературных произведений. Этот метод оценок не способствует развитию творческих способностей и улучшению способностей производить литературное оценивание и анализ произведений. Поэтому мы

пытаемся использовать комбинацию письменных и устных тестов при оценке обучения. Письменные тесты могут быть выполнены путем написания статей. Устные тесты позволяют учащимся использовать теоретические знания, которые у них имеются, анализировать определенное литературное явление или литературные изображения и т. д., чтобы сочетать курсы литературы с навыками письма и навыками устного выражения для всестороннего улучшения языковых навыков и культурной грамотности. На уровень оценки достижений будут влиять различные факторы, такие как развитие учащихся, образовательная среда, технологические изменения и социальные потребности. Поэтому необходимо уделить внимание разработке стандартов оценки учебных достижений, подходящих для студентов гуманитарных специальностей, в полной мере использовать роль преподавателей в разъяснении содержания оценки результатов обучения учащихся, чтобы система оценки результатов обучения студентов гуманитарных наук могла играть идеальную роль [16, с. 48].

Заключение

Таким образом, «новая концепция гуманитарных наук» состоит в том, чтобы сбросить необоснованные барьеры, установленные дисциплинами, не связанные границами невидимых дисциплин. Педагог Р. М. Хатчинс сказал: «Вещи и знания о мире изначально взаимосвязаны и едины, из-за ограниченности познавательных способностей человека они были искусственно разделены на дисциплины» [17, с. 72]. «Новая концепция гуманитарных наук» является неизбежным результатом развития гуманитарных и социальных наук, адаптирующихся к социальному развитию. Сосредоточив внимание на скоординированном и перекрестном развитии различных курсов, преподавание иностранной литературы также направлено на развитие талантов с глобальным полем зрения и чувством семьи и страны, которые могут умело использовать иностранные языки для участия в международном управлении. Неотъемлемой задачей преподавания иностранной литературы является возвращение выдающихся талантов, способных служить потребностям страны и брать на себя ответственность за национальное возрождение на фоне «новой концепции гуманитарных наук».

Список источников

1. 中国政府网. “六卓越一拔尖”计划2·0启动大会召开(EB/OL) Китайская правительственная сеть. Стартовое совещание по плану 2.0 «Шесть совершенств и один топ». URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-04/29/content_5387606.htm (дата обращения: 25.06.2022).
2. 中华人民共和国教育部政府门户网站 新文科建设工作会在山东大学召开 (EB/OL). Правительственный веб-сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. Совещание по строительству новой концепции гуманитарных наук.

- наук состоялось в Шаньдунском университете. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202011/t20201103_498067.html (дата обращения: 25.06.2022).
3. 王丽华, 刘伟. 助力与借力: 数字人文与新文科建设[J]. 南京社会科学, 2021(07): 130–138. Ван Лихуа, Лю Вэй. Помощь и заимствование: цифровые гуманитарные науки и строительство новой концепции гуманитарных наук // Нанкинские социальные науки. 2021. № 7. С. 130–138. DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001-8263.2021.07.015
 4. 中国政府网. 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于实施中华优秀传统文化传承发展工程的意见》(EB/OL). Китайская правительственная сеть. Главное управление ЦК Коммунистической партии Китая и Главное управление Государственного совета издали мнения о проекте «Наследие и развитие превосходной традиционной культуры Китая». URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/25/content_5163472.htm (дата обращения: 02.07.2022).
 5. 中华人民共和国教育部政府门户网站. 中共教育部党组关于印发《高校思想政治工作质量提升工程实施纲要》的通知(EB/OL). Правительственный веб-сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. Уведомление партийной группы Министерства образования КНР о выпуске «Программы реализации проектов по повышению качества идейно-политической работы в вузах». URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A12/s7060/201712/t20171206_320698.html (дата обращения: 22.05.2022).
 6. 中华人民共和国教育部政府门户网站. 中华人民共和国教育法(EB/OL). Правительственный веб-сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. Закон Китайской Народной Республики об образовании. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202107/t20210730_547843.html (дата обращения: 12.06.2022).
 7. 宁琦. 新时期外语教育的定位与任务[J]. 中国外语, 2021, 18(01): 16–17. Нин Ци. Позиционирование и задачи иноязычного образования в новую эпоху // Иностранные языки Китая. 2021. № 1. С. 16–17. DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2021.01.010
 8. 王雪梅, 邓世平. 新文科视域下的外语学科发展周期与影响因素[J]. 上海交通大学学报(哲学社会科学版), 2022, 30 (03): 112–121. Ван Сюэмэй, Дэн Шипин. Цикл развития и факторы влияния иностранных языков с точки зрения новой концепции гуманитарных наук // Вестник Шанхайского университета Цзяотун (издание философии и социальных наук). 2022. № 3. С. 112–121. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2022.03.010
 9. 郭英剑. 论外语专业的核心素养与未来走向[J]. 中国外语, 2019, 16 (01): 15–19. Го Инцзянь. Об основной грамотности и будущих тенденциях специальности иностранных языков // Иностранные языки Китая. 2019. № 1. С. 15–19. DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2019.01.003
 10. 刘振天, 俞兆达. 新文科建设: 新时代中国高等教育的“新文化运动”[J]. 厦门大学学报(哲学社会科学版), 2022, 72 (03): 117–128. Лю Чжэньтянь, Юй Чжаода. Строительство новой концепции гуманитарных наук: «Движение за новую культуру» китайского высшего образования в новую эру // Вестник Сямьньского университета (издание философии и социальных наук). 2022. № 3. С. 117–128.
 11. 文秋芳. 新时代高校外语课程中关键能力的培养: 思考与建议[J]. 外语教育研究前沿, 2018, 1(01): 3–11+90. Вэнь Цюфан. Развитие ключевых компетенций в учебной программе вузов по иностранному языку в новую эпоху: размышления и предложения // Границы исследований в области обучения иностранным языкам. 2018. № 1. С. 3–11+90.
 12. 中华人民共和国教育部政府门户网站. 中共教育部党组关于印发《高校思想政治工作质量提升工程实施纲要》的通知(EB/OL). Правительственный веб-сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. Уведомление партийной группы Министерства образования Коммунистической партии Китая о «Схеме реализации Проекта повышения качества идейно-политической работы в вузах». URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A12/s7060/201712/t20171206_320698.html (дата обращения: 12.06.2022).
 13. 张文忠. 外语人才培养规格新议[J]. 山东外语教学, 2021, 42(01): 49–58. Чжан Вэньчжун. Новые идеи по спецификациям обучения для иноязычных талантов // Шаньдунское преподавание иностранных языков. 2021. № 1. С. 49–58. DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.2021-01-006
 14. 蔡妍, 林璋. 新文科背景下外语专业智慧学习共同体的构建及其促学效果研究[J]. 外语界, 2022 (03): 45–52. Цай Янь, Линь Чжан. Исследование создания интеллектуального учебного сообщества для специалистов по иностранным языкам и его влияние на продвижение обучения на фоне новой концепции гуманитарных наук // Мир иностранных языков. 2022. № 3. С. 45–52.
 15. 中国科学院大学. 中国科学院 教育部关于印发《科教结合协同育人行动计划》的通知 [EB/OL] · Китайская академия наук Университет. Уведомление Китайской академии наук и министерства образования о печати и распределении «План координации науки и образования комбинации». URL: <https://www.ucas.ac.cn/site/235?u=60937> (дата обращения: 19.07.2022).
 16. 武美然. 新文科背景下本科生学习成果评估改进研究[D]. 沈阳师范大学, 2022. У Мейжань. Исследование по улучшению оценки результатов обучения бакалавриата на фоне новой концепции гуманитарных наук: дис. ... м-ра филол. наук. Шэньянский педагогический университет. 2022. 57 с.
 17. 李建强. 赫钦斯高等教育思想述评[J]. 河北大学学报(哲学社会科学版), 1999 (01): 68–74. Ли Цзяньцян. Комментарий к мысли о высшем образовании Р. М. Хатчинса // Вестник Хэбэйского университета (издание по философии и социальным наукам). 1999. № 1. С. 68–74.

References

1. Kitayskaya pravitel'stvennaya set' [Chinese government network]. *Startovoye soveshchaniye po planu 2.0 "Shest' sovershenstv i odin top"* ["Six Excellences and One Top-notch" Program 2.0 Launch Conference was held] (in Chinese). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-04/29/content_5387606.htm (accessed 25 June 2022).
2. Pravitel'stvennyy veb-sayt Ministerstva obrazovaniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Government portal website of the Ministry of Education of the People's Republic of China]. *Soveshchaniye po stroitel'stvu novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk sostoyalsya v Shan'dunskom universitete* [A conference on building a new concept for the humanities was held at Shandong University] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202011/t20201103_498067.html (accessed 25 June 2022).
3. Wang Lihua, Liu Wei. Pomoshch i zaimstvovaniye: tsifrovyye gumanitarnyye nauki i stroitel'stvo novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk [Aid and Borrowing: Digital Humanities and Building a New Humanities Concept]. *Nankinskiye sotsial'nyye nauki – Nanjing Social Sciences*, 2021, no. 7, pp. 130–138 (in Chinese). DOI: 10.15937/j.cnki.issn1001-8263.2021.07.015
4. Kitayskaya pravitel'stvennaya set' [Chinese government network]. *Glavnoye upravleniye TsK Kommunisticheskoy partii Kitaya i Glavnoye upravleniye Gosudarstvennogo soveta izdali mneniya o proekte "Naslediye i razvitiye prevoskhodnoy traditsionnoy kul'tury Kitaya"* [The General Administration of the Central Committee of the Communist Party of China and the General Administration of the State Council Issue Opinions on the "Heritage and Development of Excellent Traditional Culture of China" Project] (in Chinese). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/25/content_5163472.htm (accessed 2 July 2022).
5. Pravitel'stvennyy veb-sayt Ministerstva obrazovaniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Government portal website of the Ministry of Education of the People's Republic of China]. *Uvedomleniye partiynoy gruppy Ministerstva obrazovaniya KNR o vypuske "Programmy realizatsii proektov po povysheniyu kachestva ideyno-politicheskoy raboty v vuzakh"* [Notice of the Party Group of the Ministry of Education of the Communist Party of China on Printing and Distributing the "Ideological and Political Work Quality Improvement Project Implementation Outline in Colleges and Universities"] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A12/s7060/201712/t20171206_320698.html (accessed 22 May 2022).
6. Pravitel'stvennyy veb-sayt Ministerstva obrazovaniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Government portal website of the Ministry of Education of the People's Republic of China]. *Zakon Kitayskoy Narodnoy Respubliki ob obrazovanii* [Education Law of the People's Republic of China] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/202107/t20210730_547843.html (accessed 12 June 2022).
7. Ning Qi. Pozitsionirovaniye i zadachi inoyazychnogo obrazovaniya v novuyu epokhu [The Positioning and Tasks of Foreign Language Education in the New Era]. *Inostrannyye yazyki Kitaya – China Foreign Languages*, 2021, no. 1, pp. 16–17 (in Chinese). DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2021.01.010
8. Wang Xuemei, Deng Shiping. Tsykl razvitiya i faktory vliyaniya inostrannykh yazykov s tochki zreniya novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk [The cycle of development and factors of influence of foreign languages from the point of view of the new concept of the humanities]. *Vestnik Shangkhayskogo universiteta Tszyaotun (izdaniye filosofii i sotsial'nykh nauk) – Bulletin of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2022, no. 3, pp. 112–121 (in Chinese). DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2022.03.010
9. Guo Yingjian. Ob osnovnoy gramotnosti i budushchikh tendentsiyakh spetsial'nostey inostrannykh yazykov [On the core literacy and future trend of foreign language majors]. *Inostrannyye yazyki Kitaya – China Foreign Languages*, 2019, no. 1, pp. 15–19 (in Chinese). DOI: 10.13564/j.cnki.issn.1672-9382.2019.01.003
10. Liu Zhentian, Yu Zhaoda. Stroitel'stvo novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk: "Dvizheniye za novuyu kul'turu" kitayskogo vysshego obrazovaniya v novuyu eru [Building a new concept for the humanities: The "New Culture Movement" of Chinese Higher Education in the New Era]. *Vestnik Syamen'skogo universiteta (izdaniye filosofii i sotsial'nykh nauk) – Bulletin of Xiamen University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2022, no. 3, pp. 117–128 (in Chinese).
11. Wen Qiufang. Razvitiye klyuchevykh kompetentsiy v uchebnoy programme vuzov po inostrannomu yazyku v novuyu epokhu: razmyshleniya i predlozheniya [The Cultivation of Key Competencies in College Foreign Language Curriculum in the New Era: Reflections and Suggestions]. *Granitsy issledovaniy v oblasti obucheniya inostrannym yazykam – Frontiers of Foreign Language Education Research*, 2018, no.1, pp. 3–11+90 (in Chinese).
12. Pravitel'stvennyy veb-sayt Ministerstva obrazovaniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki. *Uvedomleniye partiynoy gruppy Ministerstva obrazovaniya Kommunisticheskoy partii Kitaya o "Skheme realizatsii Proekta povysheniya kachestva ideyno-politicheskoy raboty v vuzakh"* [Government portal website of the Ministry of Education of the People's Republic of China. Notice of the Party Group of the Ministry of Education of the Communist Party of China on Printing and Distributing the "Ideological and Political Work Quality Improvement Project Implementation Outline in Colleges and Universities"] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A12/s7060/201712/t20171206_320698.html (accessed 12 June 2022).
13. Zhang Wenzhong. Novyye idei po spetsifikatsiyam obucheniya dlya inoyazychnykh talantov [New suggestions on the training specifications of foreign language talents]. *Shan'dunskoye prepodavaniye inostrannykh yazykov – Shandong foreign language teaching*, 2021, no. 1, pp. 49–58 (in Chinese). DOI: 10.16482/j.sdwy37-1026.2021-01-006
14. Cai Yan, Lin Zhang. Issledovaniye sozdaniya intellektual'nogo uchebnogo soobshchestva dlya spetsialistov po inostrannym yazykam i ego vliyaniye na prodvizheniye obucheniya na fone novoy kontseptsii gumanitarnykh nauk [Research on the creation of an intellectual educational community for foreign language specialists and its impact on the promotion of learning against the backdrop of a new concept of the humanities]. *Mir inostrannykh yazykov – World of Foreign Languages*, 2022, no. 3, pp. 45–52 (in Chinese).

15. Kitayaskaya akademiya nauk Universitet. Uvedomleniye Kitayskoy akademii nauk i ministerstva obrazovaniya o. pechati i respre-delenii "Plan koordinatsii nauki i obrazovaniya kombinatsii" [Chinese Academy of Sciences University. Notification of the Chi-nese Academy of Sciences and the Ministry of Education on printing and issuing the "Plan of Coordination of Science and Educa-tion Combinations"] (in Chinese). URL: <https://www.ucas.ac.cn/site/235?u=60937> (accessed 19 July 2022).
16. Wu Meiran. Issledovaniye po uluchsheniyu otsenki rezul'tatov obucheniya bakalavriata na fone novoy kontsepsii gumanitarnykh nauk. Dis. magistra filol. nauk [Research on improving undergraduate academic performance evaluation under the new concept of humanities. Diss. master of philol. sci.]. Shenyang, 2022. 57 p. (in Chinese).
17. Li Jianqiang. Kommentariy k mysli o vysshem obrazovanii R. M. Khatchinsa [Review of Hutchins' higher education thought]. Vestnik Khebeyskogo universiteta (izdaniye po filosofii i sotsial'nyim naukam) – Bulletin of Hebei University (philosophy and so-cial sciences), 1999, no. 1, pp. 68–74 (in Chinese).

Информация об авторах:

Сы Цзюньцин, доктор филологических наук, профессор, Ланьчжоуский университет (пр. Ганьсу, г. Ланьчжоу, район Чэнгуань, ул. Цзяюйгуань, Западная, 9, Первое отделение Ланьчжоуского университета, 14, Китай, 730020).

Чжан Цзяци, студент, Чжэцзянский научно-технический институт (пр. Чжэцзян, г. Ханчжоу, район Сиху, ул. Люся, Коммуна UN, 16, Китай, 310023).

Information about the authors

Si Jun-qin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Lanzhou University (Lanzhou University Division, 1, Building 14, Jiayuguan West Road No. 9, Chengguan District, Lanzhou, Gansu Province, P.R. China, 730020).

Zhang Jia-qi, undergraduate student, Zhejiang University of Science and Technology (Liuxia Street, Building, 16, Xihu District, Hangzhou, Zhejiang Province, R.P. China, 310023).

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 23.07.2022; accepted for publication 07.12.2022

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'38'42:316.454:654.197

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-86-94>

ГАРМОНИЗАЦИЯ ОБЩЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРВЬЮ В АВТОРСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПРОГРАММЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И РЕГУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, nsb@tspu.edu.ru

Аннотация

Проблема гармонизации общения в разных сферах особенно актуальна в связи с современной коммуникативно-когнитивной парадигмой лингвистического знания. Особенно это касается медиакommunikации в связи с медийным вектором развития современной русистики. Выдвижение интервью как одного из ведущих жанров представляет интерес в плане взаимодействия его участников и как объект восприятия массового адресата, воспринимающего данный медиадискурс.

Цель статьи – опираясь на теорию регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики текста, выявить некоторые лингвистические механизмы, формирующие гармонизирующий диалог журналиста и его гостей как участников интервью.

Исследование основано на использовании методологии и понятийно-терминологического аппарата теории регулятивности, разработанной в коммуникативной стилистике текста, применении дискурсивного, лингво-смыслового, семантико-стилистического анализа. Материалом исследования послужили авторские программы «Очень личное» в формате интервью известного журналиста Виктора Лошака на канале ОРТ.

Эффект гармоничного общения в жанре интервью достигается благодаря общей позитивной и доверительной эмоциональной тональности диалога журналиста и гостей; установке на актуализацию журналистом объективных успехов и достоинств приглашенных участников; преобладанию коммуникативных стратегий и тактик поддержки, согласия, комплимента, самопрезентации ведущего и гостей. Формат авторской программы включает систему отдельных медиажанров, объединенных общей идеей и образом автора программы, определяющих целостность общего медиадискурса, связность, концептуальную завершенность, коммуникативно-прагматический эффект. Кроме ключевого медиажанра интервью, авторская программа на ОРТ В. Лошака «Очень личное» включает информативные жанры: представление программы и гостя, а также этикетные жанры: приветствие, комплимент, благодарность.

Среди регулятивных средств, формирующих эффект гармонизации общения, выделяются экстралингвистические: выбор гостей – известных публичных личностей, представляющих общественный интерес для массового адресата; музыкальная заставка к программе, невербальное поведение журналиста и гостей (доброжелательный взгляд, поддерживающие жесты, мимика), логико-композиционное развертывание дискурса, направленное на акцентирование личных достоинств гостя и выявление его профессионального пути, интересных массовому адресату.

К лингвистическим регулятивным средствам и структурам, имеющим коммуникативно-прагматический эффект, относятся: цитирование гостя, вопросы-подхваты; уточняющие вопросы, включающие варианты ответов на выбор; вопросы, нацеленные на раскрытие достоинств гостя и его общественной значимости; поддерживающие реплики, использование мелиоративной оценочной лексики и лексики с семантикой согласия, поддержки; уместное использование образительно-выразительных средств и эксплицитной регулятивной стратегии усилительно-конвергентного типа.

Использование теории регулятивности и ее понятийно-терминологического аппарата позволяет судить о некоторых механизмах формирования коммуникативно-прагматического эффекта гармоничного общения журналиста и гостей в процессе интервью в авторской программе «Очень личное» Виктора Лошака на Общественном телевидении. Полученные наблюдения представляют интерес для дальнейшей разработки проблемы эффективности медиакommunikации и изучения механизмов речевого воздействия в диалоге коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, теория регулятивности, гармонизация общения, медиадискурс, интервью, авторская телевизионная программа, Виктор Лошак

Для цитирования: Болотнова Н. С. Гармонизация общения участников интервью в авторской телевизионной программе: коммуникативно-прагматический и регулятивный аспекты // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 86–94. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-86-94>

RUSSIAN LANGUAGE

HARMONIZATION OF COMMUNICATION OF THE INTERVIEW PARTICIPANTS IN AUTHOR'S TV PROGRAM: COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND REGULATIVE ASPECTS

Nina S. Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, nsb@tspu.edu.ru

Annotation

The problem of communication's harmonization in different spheres is relevant in accordance with the modern communicative-cognitive paradigm of linguistic knowledge. This is especially true of media communication in connection with the media vector of development of up-to-date Russian studies. The promotion of the interview as one of the leading genres is of interest in terms of the interaction of its participants and as an object of perception of the mass addressee who perceives this media discourse.

The purpose of the article is, based on the theory of regulativity as one of the directions of the communicative style of the text, to identify some linguistic mechanisms that form a harmonizing dialogue between a journalist and his guests as interview participants.

The study is based on the use of the methodology and conceptual and terminological apparatus of the theory of regulativity developed in the communicative style of the text, the use of discursive, linguo-semantic, semantic-stylistic analysis. The material of the study was the author's program "Very Personal" in the format of an interview with the famous journalist Viktor Loshak on the ORT channel.

The effect of harmonious communication in the interview genre is achieved due to the overall positive and trusting emotional tone of the dialogue between the journalist and the guests; installation on the actualization of the objective successes and merits of the invited participants by the host program; the predominance of communication strategies and tactics of support, consent, compliment, self-presentation of the journalist and guests. The format of the author's program includes a system of individual media genres, united by a common idea and image of the author of the program, which determine the integrity of the general media discourse, its coherence, conceptual completeness, communicative and pragmatic effect. In addition to the key media genre of the interview, the author's program on ORT V. Loshak "Very personal" includes informative genres: presentation of the program and the guest, as well as etiquette genres: greeting, compliment, gratitude.

Among the extralinguistic regulatory means, that form the effect of communication harmonization, the following stand out: the choice of guests – famous public figures; musical screen saver for the program; non-verbal behavior of the journalist and program participants (friendly look, supportive gestures, facial expressions); logical-compositional deployment of a discourse aimed at emphasizing the personal and professional merits of invited media persons who are of interest to a mass addressee.

Linguistic regulatory means and structures that have a communicative-pragmatic effect include: quoting a guest, pick-up questions; clarifying questions, including options for answers to choose from; questions aimed at revealing the merits of the guest and his social significance; supporting remarks, the use of ameliorative evaluative vocabulary and vocabulary with the semantics of agreement, support; the appropriate use of figurative and expressive means and an explicit regulatory strategy of an amplifying-convergent type.

The use of the theory of regulativity and its terminology allows us to judge some of the mechanisms for the formation of the communicative-pragmatic effect of harmonious communication between a journalist and guests during an interview in the author's program "Very Personal" by Viktor Loshak on Public Television. The obtained observations are of interest for further development of the problem of the effectiveness of media communication and the study of the mechanisms of speech influence in the dialogue of communicants.

Keywords: *communicative stylistics, theory of regulativity, harmonization of communication, media discourse, interview, author's television program, Viktor Loshak*

For citation: Bolotnova N. S. Garmonizatsiya obshcheniya uchastnikov interv'yua v avtorskoy televizionnoy programme: kommunikativno-pragmaticheskiy i regulativnyy aspekty [Harmonization of Communication of the Interview Participants in Author's TV Program: Communicative-Pragmatic and Regulative Aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 86–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-86-94>

Введение

Проблема гармоничного общения является одной из ключевых в жизни каждого человека, который хочет быть понятым и рассчитывает на пози-

тивный эмоциональный отклик собеседника. Проблема гармонизации приобрела особую актуальность в 90-х гг. XX в. в связи с переходом к социальной (функционально-прагматической, комму-

никативной) парадигме в лингвистике и усилилась в начале XXI в. в рамках современной лингвистической когнитивно-дискурсивной парадигмы. Это связано с переходом от монологического типа речевой культуры к диалогическому, что нашло отражение в работах о гармонизации общения автора и адресата художественного произведения [1]; о гармонической диалогизации как одном из законов риторики [2]; о речевой конфликтологии и поиске способов устранения речевых конфликтов [3–4].

Что понимается под гармонизацией общения? Мы определяем это как «идеал речевого общения, к которому нужно стремиться, желая доставить радость адресату и быть понятым им; вид диалогического общения, цель которого – достижение по возможности полного понимания, душевного отклика, эмоционального контакта коммуникантов, т. е. „гармонии“. Гармоничным является эффективный диалог, предполагающий не только интеллектуальный контакт, связанный с передачей и усвоением (пониманием) информации, но и эмоциональное созвучие участников общения» [5, с. 98].

Проблема гармонизации общения приобрела особую актуальность в связи с ростом речевой агрессии в современном обществе. На это не раз указывали ученые [6–12]. Данная проблема имеет междисциплинарный характер, так как связана с теорией и практикой речевого общения, риторикой, культурой речи, стилистикой, теорией речевых жанров, психологией, социолингвистикой и другими смежными областями знания.

Особенно проблема гармонизации общения актуальна для коммуникативной стилистики текста, в задачи которой входит изучение текстовой деятельности автора и адресата для достижения эффективности их общения на основе текста как основной формы коммуникации. При этом особый акцент делается на средствах и способах регулятивности как системного качества текста, позволяющего «управлять» познавательной деятельностью адресата [13–15], приобщаться к интенции автора, его целям и мотивам. Теория регулятивности связана с другими направлениями коммуникативной стилистики: теорией текстовых ассоциаций, теорией смыслового развертывания текста [16].

Цель статьи – опираясь на теорию регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики текста, выявить некоторые лингвистические механизмы, формирующие гармонизирующий диалог журналиста и его гостей как участников интервью в авторской телевизионной программе.

Материал и методы

Исследование основано на использовании методологии и понятийно-терминологического аппарата теории регулятивности, разработанной в комму-

никативной стилистике текста, применении дискурсивного, лингвосмыслового, семантико-стилистического анализа.

Понятийно-терминологический аппарат теории регулятивности включает ряд ключевых терминов: *регулятивные средства* как элементы текста разных типов, *доминанта регулятивности* (преобладание регулятивных средств одного типа), регулятивные структуры, отражающие взаимосвязь регулятивных средств (стилистические приемы, текстовые парадигмы разных типов, типы выдвижения), *способы регулятивности* (принципы текстовой организации), *регулятивные стратегии* как вид коммуникативных стратегий, отражающих поэтапное развертывание целевой программы автора (имплицитные/эксплицитные, однородные/неоднородные, последовательно-дополнительного, усиительно-конвергентного, парадоксально-контрастивного типов; сильные/слабые и др.) (см. подробнее: [16]).

Материалом исследования послужили авторские программы «Очень личное» в формате интервью известного журналиста Виктора Лошака на канале ОРТ [17–18]. Выбор материала связан с установкой автора на гармоничный диалог в авторской телевизионной программе, которая строится в формате портретного интервью с приглашением известных публичных личностей, чья жизнь и творчество общественно значимы. Среди гостей В. Лошака – ученые, журналисты, общественные и культурные деятели, разговор с которыми вызывает неизменный интерес слушателей. Ранее нами анализировались в аспекте идиостиля выпуски программы журналиста с участием ректора МГУ Виктора Садовниченко и академика Лео Бокерии [19]. В данной статье при рассмотрении медиадискурса в другом аспекте обратимся к выпускам программы В. Лошака с приглашением в качестве гостей Марьяны Лысенко [17] и Сати Спиваковой [18].

Результаты и обсуждение

В рамках медиадискурса программы в целом каждый речевой жанр (кроме интервью, это информативные жанры *представление программы* и *гостя*, а также этикетные жанры: *приветствие*, *комплимент*, *благодарность*) нацелен на гармоничное общение. Хотя регулятивные средства и структуры при этом используются разные, все они формируют целостность и связность общего медиадискурса благодаря регулятивной стратегии усиительно-конвергентного типа и общей позитивной эмоциональной тональности, создаваемой автором – журналистом Виктором Лошаком.

Среди экстралингвистических факторов гармонизации общения отметим спокойную музыкальную заставку, настраивающую слушателей на до-

верительность, нейтральную неброскую запись названия программы, размещение журналиста и гостя за столом за чашкой чая, создающие установку на камерное общение. Важны и невербальные средства, характерные для ведущего: всегда заинтересованный, поддерживающий взгляд, согласное кивание головой и движения рук в знак согласия.

Остановимся на лингвистических механизмах, важных для создания особой позитивной тональности общения, атмосферы комфортности для гостей программы.

Традиционное краткое представление журналистом программы (*Это «Очень личное» – программа о правилах и принципах жизни*) создает установку на интересную встречу, которая важна для каждого думающего о смысле жизни человека, создает интригу, желание сопоставить свое представление об этом ключевом вопросе с чужим мнением, особенно с мнением известной личности, которую пригласил журналист.

В последующем представлении гостя ведущий использует позитивную оценочную лексику, объективно отражающую заслуги приглашенного человека, как правило, сопровождая представление и субъективным суждением в естественной разговорной форме, что сразу создает атмосферу спонтанности общения и доверительности для гостя и зрителей программы. Сравним примеры: **Виктор Лошак:** *Сегодняшний наш гость – легендарный главный врач 52-й Московской городской клинической больницы, Герой России Марьяна Анатольевна Лысенко. Для всех же, кто работает на Общественном телевидении России, важно, что Марьяна Анатольевна – дочь Анатолия Григорьевича Лысенко, человека, который основал и был первым генеральным директором ОТР.*

Вы знаете, Марьяна Анатольевна, уже сев за стол сейчас, я подумал, что часть моих вопросов адресована Марьяне Анатольевне Лысенко, главному врачу знаменитой 52-й больницы, Герою Труда, а часть вопросов адресована Маше Лысенко, дочери моего близкого друга Анатолия Григорьевича [17]. Прием сопоставления-противопоставления официального статуса личности и личностного, субъективно окрашенного является прагматически действенным.

В представлении гостей журналист может гармонично сочетать краткую объективную характеристику с естественно вытекающим из нее вопросом и открытым личным признанием: **Виктор Лошак:** *Наш сегодняшний гость – Сати Спивакова. Мы говорим о ее ролях: актрисы, телеведущей, матери четырех дочерей, жены великого музыканта.*

Дорогая Сати, ты где-то сказала, что собеседника по интервью нужно любить, как бы это

сложно ни было. Так вот, мне в этот вечер собеседника любить несложно. Потому что я люблю и тебя, и всю вашу семью, и Володю. Поэтому, собственно, и на «ты». Начнем с того, как ты делишь себя между телеведущей и актрисой? [18].

Рассмотрим некоторые лингвистические механизмы организации гармоничного общения, характерные для ведущего программы «Очень личное» (средства и приемы регулятивности, реализующие общую стратегию медиакommunikации в рамках программы).

1. Среди приемов формирования доверительного общения, используемых ведущим, отметим в приведенном выше фрагменте цитирование слов гостя (в других случаях это могут быть цитаты иных личностей, важные для характеристики и понимания позиции участника интервью, сравним цитату в речи журналиста из интервью отца Марьяны Лысенко о ней, косвенно характеризующую гостью): *Это цитата из, возможно, последнего интервью Анатолия Григорьевича Лысенко. Вот она: «Я живу сегодня в страшном мире, где меня спрашивают: Марьяна Анатольевна Лысенко – ваша дочь? Ах, какой врач! Какая клиника! И у меня все болячки отходят, все внутри расцветает. Значит, в какой-то мере я свою задачку в этом мире выполнил. Я и внуку говорю: „Гошка, кто бы мог подумать, что я до такого доживу?“» Видите, как он вами гордился? Вы это чувствовали? [17].*

2. Отметим особо прием формулирования вопросов разных типов, отражающих мастерство журналиста. Разнообразные вопросы гостям программы всегда естественно продолжают общее развертывание беседы ведущего с участником интервью. Рассмотрим их:

1) вопросы часто чередуются с личными воспоминаниями журналиста и случаями из жизни (ср. его воспоминание о совместной поездке в Америку с отцом Марьяны Лысенко как комплимент профессионализму отца гостя, а значит, косвенно и ей: *...он даже в этом случае был телевизионщиком... [17]*);

2) журналист часто обращается к приему каскада вопросов, имеющих уточняющий характер: *Ну откуда у вас эта медицина? Кто-то был рядом медик? Как это получилось? [17]*;

3) с функционально-прагматической точки зрения ведущий часто использует вопросы-подсказки: **Виктор Лошак:** *А он решил, раз дочь музыканта, значит, поет? (в беседе с Сати Спиваковой [18]);* вопросы конкретизирующего характера о героине Ануш в фильме с участием Сати Спиваковой: **Виктор Лошак:** *А это народная героиня? [18];* вопросы с пояснением: **Виктор Лошак:** *А кто тебя позвал?*

Сати Спивакова: Позвал? Ну, наверное, я сама себя позвала.

Виктор Лошак: Я имею в виду – режиссер [18].

3. Как активный участник беседы ведущий программы умело использует прием различных реплик, сопровождающих слова гостя.

Практикуется использование, например, *реплики-подхвата*, формирующей атмосферу естественности и непрерывности речевого общения. Сравним намеренную недоговоренность в суждениях, чтобы побудить гостя к продолжению рассказа об истоках интереса к профессии у Марьяны Лысенко. Беседуя, журналист делает вывод, обобщает сказанное ею кратко и дальше направляет ход разговора: **Виктор Лошак:** То есть вместо того, чтобы отбить у вас охоту, получилось... **Марьяна Лысенко:** Абсолютно противоположный результат получился, да. И я этому очень рада [17].

В беседе с Сати Спиваковой эмоциональное звучание с гостем чувствуется как в репликах-подхватах, так и в акценте на единстве творческого метода при подготовке к интервью ведущего и гостя, которая является автором программы «Нескучная классика» (речь идет о привычке писать от руки, готовясь к интервью):

Виктор Лошак: Начнем с того, как ты делишь себя между телеведущей и актрисой?

Сати Спивакова: Во-первых, это происходит в моей жизни не так давно. Потому что всегда кажется, что все было вчера. А в этом году я посчитала, что в общей сложности я на телевидении уже 23 года. А театр вернулся в жизнь полноправно, как я считаю, и полномерно в 2014-м. И то не с той интенсивностью, с которой это происходит на сегодняшний день. Делить, ты имеешь в виду, психологически или по времени?

Виктор Лошак: Наверное, и так и так.

Дальше гостя использует образное сравнение, подхваченное журналистом:

Сати Спивакова: Потому что это, как мне кажется, две разные комнаты.

Виктор Лошак: Одной квартиры.

Сати Спивакова: Да [18].

Виктор Лошак: Смотри, вот видишь: я готовлюсь к интервью, пишу от руки...

Сати Спивакова: Мы так похожи. Витенька, я тоже всегда до сих пор пишу от руки... [18].

Отметим, что в логико-композиционном развертывании общего дискурса программы важно, что не только журналист использует реплики-подхваты, но и гость (ср. фрагмент об участии Сати в спектакле Кирилла Серебренникова):

Виктор Лошак: Да, да. Это громкий, громкий спектакль, который...

Сати Спивакова: Который до сих пор, как ни странно, идет уже шесть лет [18].

4. Атмосфера гармоничного общения создается во многом благодаря приему *взаимного согласия*. В беседе с гостем это часто наблюдается на уровне повторяющихся реплик:

Виктор Лошак: Но ты знаешь, это фантастический урок для всех: никогда не поздно.

Сати Спивакова: Да.

Виктор Лошак: Никогда не поздно.

Сати Спивакова: А я так считаю, правда. Ничего не поздно [18].

5. Создавая комфортную атмосферу для беседы, журналист использует прием *выбора потенциальных ответов* гостей, задавая вопросы уже с предполагаемыми возможными вариантами. Приведем примеры.

1) **Виктор Лошак:** Наверное, те, кто нас смотрит, не простили бы мне, если бы я вам как специалисту не задал вопрос: а что нам ждать дальше от развития этой болезни? Вот как вы это видите? Мы навечно с ковидом, с ковидными отделениями, с мобилизованными врачами и медсестрами? Или это как-то будет сужаться или расширяться? [17].

2) **Виктор Лошак:** Спустя паузу такую большую, 20-летнюю, наверное, ты вернулась. Это уже другой театр и другой зритель? Или это тот же театр и тот же зритель? [18].

6. В соответствии с названием авторской программы ведущий делает особый акцент на личности приглашенного участника. Этот прием реализуется в интервью благодаря разноплановым вопросам, связанным не только с профессиональной и общественной деятельностью приглашенного гостя, но и с его личными особенностями и морально-этическими качествами:

1) ср. пример в беседе с Марьяной Лысенко: **Виктор Лошак:** Эпидемия, борьба с ней сделали вас одним из самых известных лиц российской медицины. Это не комплимент, это я констатирую. Вот билборды с вашим портретом, вы стали Героем России. Как вы относитесь к известности? [17];

2) в выпуске с участием Сати Спиваковой это вопрос о кульминации в жизни гостя. **Виктор Лошак:** Я, знаешь, считаю, что в твоей судьбе самый, может быть, интересный драматический момент – это то, как ты себя вернула на сцену. Вот расскажи об этом моменте. Ведь очень многие успокаиваются и, наоборот, уходят от работы в каком-то зрелом возрасте. А ты, наоборот, вернула себя с таким успехом, с уважением зрителей [18];

3) традиционные вопросы о правилах жизни, практикуемые автором в конце программы, журналист формулирует по-разному, учитывая особенности приглашенной личности. В выпуске с

участием Марьяны Лысенко [17] это следующие вопросы:

Виктор Лошак: Если можно, три коротких вопроса. Что для вас с возрастом важнее, чтоб тебя любили или понимали?

Виктор Лошак: Скажите, а вот говорят, что с опытом легче запутаться, отличая друзей от врагов. Вы легко отличаете тех от других?

В выпуске с участием Сати Спиваковой [18] акцент делается на другом:

Виктор Лошак: Ты умеешь расставаться с людьми?

Виктор Лошак: А чему бы ты научилась, если бы у тебя было время? Чему бы ты еще научилась?

7. Используемый ведущим прием рамки формирует представление о целостности и смысловой завершенности общего медиадискурса программы (речь идет о переключке названия и представления программы в начале выпусков с итоговым вопросом гостям). Один из вопросов всегда связан с представлением гостя о правилах жизни как итог беседы, логично связывающий название программы и ее начало с завершением, но подводка к этому вопросу всегда разная. Например, в выпуске с участием Марьяны Лысенко ведущий использовал отсылку к суждению отца гостя:

Виктор Лошак: Последний вопрос я всегда задаю один и тот же: о правилах или правиле жизни. Но в вашем случае я хотел бы еще развернуться к Анатолию Григорьевичу, **мне всегда это очень приятно делать, правда. Я вот нашел правило жизни вашего отца**, он сказал о двух главных правилах. Первое – постараться не быть сволочью, сказал он. И второе – постараться жить так, чтобы утром, посмотрев в зеркало, тебе не захотелось плюнуть в свое отражение. Вот такие у него были правила. Хотя это тоже говорит об его иронии человеческой [17].

В выпуске программы с участием Сати Спиваковой это прямой вопрос с последующим тройным уточнением ответа гостей:

Виктор Лошак: У тебя есть правило жизни? Правила, может быть.

Сати Спивакова: Да. В книжке Елены Боннэр, которую в свое время она мне подарила с автографом, я прочла такую фразу, которая достаточно метафорична, но она осталась со мной, думаю, на всю жизнь: когда очень плохо, надо застелить постель.

Объясню: когда очень тяжело, нужно, чтобы вокруг тебя, в твоём мире внутри был бы порядок. Для меня это правило жизни. Я не умею жить в хаосе. И чем больше хаоса вокруг или за пределами того пространства, которое я могу назвать сво-

им домом, своей комнатой, тем больше мне необходим порядок внутри – тогда я вижу горизонт.

Виктор Лошак: Спасибо тебе за это правило, потому что, я думаю, оно важно сейчас для очень многих людей, которые ищут в новой ситуации ориентиры какие-то.

Сати Спивакова: В новой ситуации... Вот я себе сразу сказала: «Я сохраню себя прежде всего. Я сохраню себя внутри, свои принципы, свое какое-то ощущение того, что я буду делать только то, что я умею делать, и то, что я должна делать, и то, что я хочу делать». И вокруг меня, в моём маленьком мире будет порядок [18].

С точки зрения лексической регулятивности установка на гармонизацию общения реализуется в рамках интервью умелым использованием в речи ведущего мелиоративной оценочной лексики, включая эпитеты (*легендарный врач, близкий друг, высочайший профессионализм* и др. [17]; *великая актриса, великий музыкант, с таким успехом, с уважением* и др. [18]); употреблением не только книжной лексики (*мотивирует, пафос жизни, умышленная позиция* и др. [17]; *хрестоматийные истории, драматический момент, публичные люди* и др. [18]), но и разговорной, создающей атмосферу естественности и доверительности общения (*отбить охоту, вопрос из другой оперы, запутаться, мелочовка* (прост.) [17]; *толкнуть к этому, уходят от работы*) [18].

Из немногих изобразительно-выразительных средств иногда журналист употребляет метафоры (*защищен иронией от этого пафоса жизни; судьба забросила в Нью-Йорк; подкупить* (расположить в свою пользу) [17]; *донести классическую музыку; стоит на земле, разорвать дистанцию* [18]; редко используется прием повтора в целях усиления (*с таким успехом, с таким уважением* [17]; *этот громкий, громкий спектакль*); прием противопоставления (*Мария Анатольевна Лысенко – Маша Лысенко* [17], *уходят от работы – вернула себя на сцену* [18]). В целом в интервью реализуется установка на совершенно не пафосное общение, разговорный стиль (об этом можно судить по использованию разговорных синтаксических конструкций, разговорной лексики, частиц), что тоже способствует гармоничному диалогу с гостем и вызывает симпатии зрителей.

Заключение

Выявленные в исследовании некоторые общие лингвистические механизмы формирования гармоничного диалога в авторской телевизионной программе Виктора Лошака «Очень личное», которая организуется в формате интервью с интересными для массового адресата публичными персонами, подчинено общей регулятивной стратегии экспли-

цитного усилительно-конвергентного типа, когда все языковые и неязыковые средства общения, музыкальная заставка, обстановка в студии подчинены одной эмоциональной тональности и преследуют одну цель – создать атмосферу приятного доверительного общения, доставляющего комфорт и удовлетворение не только гостям передачи, но и зрителям. Среди регулятивных средств и структур отметим умелое использование ведущим прежде всего синтаксических и лексических средств регулятивности. Доминантой регулятивности являются синтаксические средства.

Среди используемых приемов, важных для гармоничного общения, ведущий применяет *цитирование* слов гостя или иных личностей, значимых для характеристики и понимания личности участника интервью; *прием формулирования вопросов разных типов* (вопросы-подсказки, вопросы-уточнения, вопросы-дополнения, прием каскада вопро-

сов), чередующихся с воспоминанием журналиста и описанием случая из жизни; *прием использования реплик разного типа* (реплики-подхвата, реплики-дополнения, реплики-уточнения); *прием взаимного согласия* на основе повтора реплик в речи ведущего и гостей; *прием выбора потенциальных ответов гостей на основе предлагаемых ведущим вариантов ответов* и др.

Таким образом, теория регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики позволяет судить о некоторых механизмах формирования коммуникативно-прагматического эффекта гармоничного общения журналиста и гостей в процессе интервью в авторской программе «Очень личное» Виктора Лошака. Полученные наблюдения представляют интерес для дальнейшей разработки проблемы эффективности медиакоммуникации и изучения механизмов речевого воздействия в диалоге коммуникантов.

Список источников

1. Болотнова Н. С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Образование, 1992. 56 с.
2. Михальская А. К. Основы риторики. 10–11 кл.: учебник для образоват. учреждений. М., 2001. 496 с.
3. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2004. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 1 (292). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-konfliktologiya-problemy-zadachi-perspektivy> (дата обращения: 01.08.2022).
5. Болотнова Н. С. Гармонизация речевого общения // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2012. С. 98–99.
6. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 252 с.
7. Сковородников А. П. Нормы этико-речевые // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2012. С. 799.
8. Сковородников А. П. Риторический идеал // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2012. С. 777–779.
9. Толерантность и коммуникативная культура педагога: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск, 2005.
10. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 560 с.
11. Шаховский В. И. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.
12. Шаховский В. И. Жизнь языка в медиакоммуникации (Размышления лингвиста как потребителя медиаконтента) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 3 (15). С. 47–63.
13. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
14. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова, А. В. Болотнов, А. А. Васильева и др.; под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
15. Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, Н. В. Камнева, А. А. Каширин, А. В. Курьянович, И. А. Пушкарева; под ред. Н. С. Болотновой. Томск, 2017. 248 с.
16. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
17. «Очень личное» с Виктором Лошаком. 6 ноября 2021. URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/anons-maryana-lysenko-54509.html> (дата обращения: 06.07.2022).
18. «Очень личное» с Виктором Лошаком. 14 мая 2022. URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/anons-sati-spivakova-aktrisa-televedushchaya-59675.html> (дата обращения: 14.07.2022).

19. Болотнова Н. С. Лексическая регулятивность как отражение идиостиля информационно-медийной языковой личности тележурналиста // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: материалы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. П. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. С. 785–789.

References

1. Bolotnova N. S. *Garmonizatsiya obshcheniya i leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta: leksiya* [Harmonization of communication and the lexical structure of a literary text: a lecture]. The Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint Petersburg, Obrazovaniye Publ., 1992. 56 p. (in Russian).
2. Mikhail'skaya A. K. *Osnovy ritoriki. 10–11 klass: uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Fundamentals of rhetoric. 10–11 grade: textbook for educational institutions]. Moscow, 2001. 496 p. (in Russian).
3. Tret'yakova V. S. Rechevoy konflikt i aspekty yego izucheniya [Speech conflict and aspects of its study]. *Yurilingvistika – Legal Linguistics*, 2004, no. 5 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1> (accessed 1 August 2022).
4. Tret'yakova V. S. Rechevaya konfliktologiya: problemy, zadachi, perspektivy [Speech conflictology: problems, tasks, prospects]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of ChelGU*, 2013, no. 1 (292) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-konfliktologiya-problemy-zadachi-perspektivy> (accessed 1 August 2022).
5. Bolotnova N. S. Garmonizatsiya rechevogo obshcheniya [Harmonization of speech communication]. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (basic competencies): dictionary-reference book]. Krasnoyarsk, 2012. Pp. 98–99 (in Russian).
6. Vorontsova T. A. *Rehevaya agressiya: vtorzheniye v kommunikativnoye prostranstvo* [Speech aggression: invasion of the communicative space]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ., 2006. 252 p. (in Russian).
7. Skovorodnikov A. P. Normy etiko-rechevyey [Ethical and speech norms]. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (basic competencies): a dictionary-reference book]. Krasnoyarsk, 2012. Pp. 799 (in Russian).
8. Skovorodnikov A. P. Ritoricheskiy ideal [Rhetorical ideal]. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (basic competencies): a dictionary-reference book]. Krasnoyarsk, 2012. Pp. 777–779 (in Russian).
9. *Tolerantnost' i kommunikativnaya kul'tura pedagoga: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tolerance and communicative culture of the teacher: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Krasnoyarsk, 2005 (in Russian).
10. *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* [The language of enmity and the language of agreement in the socio-cultural context of modernity]. Eds. I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Ekaterinburg, Ural university Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
11. Shakhovskiy V. I. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremenном kommunikativном prostranstve* [Emotive linguoecology in modern communicative space]. Scientific ed. prof. V. I. Shakhovskiy; resp. ed. prof. N. N. Panchenko, editorial board: Ya. A. Volkova, A. A. Shteba, N. I. Korobkin. Volgograd, Peremena Publ., 2013. 450 p. (in Russian).
12. Shakhovskiy V. I. Zhizn' yazyka v media-kommunikatsii (Razmyshleniya lingvista kak potrebitelya media-kontenta) [Life of language in media communication (Reflections of a linguist as a consumer of media content)]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO – Linguistics and Polyglot Studies*, 2018, no. 3 (15), pp. 47–63 (in Russian).
13. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech system]. Moscow, 1987. 140 p. (in Russian).
14. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A., Bolotnov A. V., Vasiliev A. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative style of the text: lexical regularity in text activity]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian).
15. Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Kamneva N. V., Kashirin A. A., Kur'yanovich A. V. *Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativno-kognitivnyye aspekty vzaimodeystviya* [Linguistic personality and media environment: communicative and cognitive aspects of interaction]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, 2017. 248 p. (in Russian).
16. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: Dictionary-thesaurus]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
17. "Ochen' lichnoye" s Viktorom Loshakom. 6 noyabrya 2021 ["Very personal" with Viktor Loshak. November 6, 2021] (in Russian). URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/anons-maryana-lysenko-54509.html> (accessed 6 July 2022).
18. "Ochen' lichnoye" s Viktorom Loshakom. 14 maya 2022 ["Very personal" with Viktor Loshak. May 14, 2022] (in Russian). URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochen-lichnoe-s-viktorom-loshakom/anons-sati-spivakova-aktrisa-televedushchaya-59675.html> (accessed 14 July 2022).
19. Bolotnova N. S. Leksicheskaya regul'yativnost' kak otrazheniye idiostilya informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti telezhurnalista [Lexical regulativity as a reflection of the idiosyncrasy of the information-media language personality of a TV journalist]. *Medialingvistika. Vypusk 9. Yazyk v koordinatakh massmedia: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-*

Peterbur, 30 iyunya – 2 iyulya 2022 g.) [Medialinguistics. Issue. 9. Language in the coordinates of the mass media: materials of the VI International scientific conference (St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022)]. Scientific ed. L. R. Duskayeva, responsible ed. A. A. Malyshev. Saint Petersburg, Mediapapir Publ., 2022. Pp. 785–789 (in Russian)

Информация об авторе

Болотнова Н. С., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Bolotnova N. S., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 15.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 81'38'42:111.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-95-102>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА М. А. ВОЛОШИНА И СРЕДСТВАХ ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ

Светлана Анатольевна Иванченко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, sveta.ivanchenko@mail.ru

Особый интерес М. Волошина к цветоименованиям вызван как особенностью эпохи (Серебряный век), так и его увлечением не только поэтическим словом, но и в равной степени изобразительным творчеством. Цветовая картина мира стихотворений М. Волошина отличается многообразием колором, передающих оттенки того или иного цвета, и необычностью создаваемых цветообразов, в которых обнаруживаются особенности восприятия автором мира.

В статье приводятся результаты исследования семантики и символического значения частотных колором, встречающихся в лирических текстах М. Волошина, данные анализа отдельных стихотворений, содержащих цветовую символику, для определения роли цветописи в понимании мировосприятия поэта и особенностей его творческой манеры.

В ходе исследования использованы методы семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа, позволяющие раскрыть особенности воплощения и значение цветовой картины мира М. Волошина.

Многообразие цветового воплощения в лирике М. А. Волошина связано с особенностью мироощущения Волошина-художника, давшего себе установку «все формы, все цвета вобрать в себя глазами». Кроме того, на многоцветье его поэзии оказала влияние увлеченность поэта символистскими и импрессионистскими учениями. Цветопись, являясь одним из основных средств выражения авторских интенций, помогает передать тончайшие цветовые оттенки и символику в отражении чувств лирического героя. Наиболее частотные цвета, используемые М. Волошиным: красный в его многочисленных вариациях, золотой, серый, лиловый – часто содержат метафизическую символику. Для передачи цвета М. Волошин использует и лексемы, обозначающие растения (цветы), а также минералогические обозначения.

Исследование лирических текстов М. Волошина с точки зрения использования в них колором позволило сделать вывод о том, что цветовая картина мира поэта отличается богатством и разнообразием воплощений: красочные эпитеты, необычные метафоры, сравнения, синестетические образы, минералогические обозначения – это неполный список используемых автором средств и приемов. Значимость проведенного исследования заключается в отражении авторского мировосприятия через постижение заложенных в цветоименованиях символических значений изображаемого.

Ключевые слова: М. А. Волошин, цветовая картина мира, цветоименования, цветопись, цветообраз, символизм, импрессионизм, Серебряный век

Для цитирования: Иванченко С. А. О некоторых особенностях цветовой картины мира М. А. Волошина и средствах ее вербализации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 95–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-95-102>

ON SOME FEATURES OF M. A. VOLOSHIN'S COLOR PICTURE OF THE WORLD AND THE MEANS OF ITS VERBALIZATION

Svetlana A. Ivanchenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, sveta.ivanchenko@mail.ru

M. Voloshin's special interest in color naming is caused both by the peculiarity of the era (Silver Age), and his passion not only for the poetic word, but also, equally, for fine art. The color picture of the world of M. Voloshin's poems is distinguished by a variety of colors that convey shades of one color or another, and the unusualness of the created color images, in which the features of the author's perception of the world are revealed.

The article presents data on the study of the semantics and symbolic meaning of frequency colors found in the lyrical texts of M. Voloshin, data on the analysis of individual poems containing color symbolism in order to determine the meaning of color painting for understanding the poet's worldview and the features of his creative manner.

In the course of the study, methods of semantic-stylistic, contextological, and motive analysis were used, which make it possible to reveal the features of the embodiment and the meaning of M. Voloshin's color picture of the world.

The variety of color embodiment of the lyrics of M. A. Voloshin is associated with the peculiarity of the worldview of Voloshin the artist, who gave himself the attitude "to absorb all forms, all colors into oneself with the eyes". In addition, the poet's passion for Symbolist and Impressionist teachings influenced the multicoloredness of his poetry. Color painting, being one of the main means of expressing the author's intentions, helps to convey the subtlest color shades and the symbolism of the feelings of the lyrical hero. The most frequent colors used by M. Voloshin: red in its many variations, gold, gray, purple – often contain metaphysical symbolism. To convey color, M. Voloshin also uses lexemes denoting plants (flowers), as well as mineralogical designations.

The study of M. Voloshin's lyrical texts for the use of color in them led to the conclusion that the color picture of the poet's world is rich and diverse incarnations: colorful epithets, unusual metaphors, comparisons, synesthetic images, mineralogical designations – an incomplete list of the means and techniques used by the author. The significance of the conducted research lies in the reflection of the author's worldview through the comprehension of the symbolic meanings of the image embedded in the color names.

Keywords: M. A. Voloshin, color picture of the world, color names, color painting, color image, symbolism, impressionism, Silver Age

For citation: Ivanchenko S. A. O nekotorykh osobennostyakh tsvetovoy kartiny mira M. A. Voloshina [On Some Features of M. A. Voloshin's Color Picture of the World and the Means of its Verbalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 95–102 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-95-102>

Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности...

М. Волошин «Подмастерье», 1917

Введение

Говоря о предмете изучения функциональной лексикологии, В. В. Степанова обращала внимание на «коммуникативные качества слова, их „оттекстовую“ интерпретацию», «обобщение явлений, присущих слову в той линейной протяженности, которую составляет текст» [1, с. 188–189]. Слова со значением цвета способны передавать особые эмоции и смыслы. Наше внимание к проблеме цветоименований в лирике М. Волошина обусловлено, во-первых, тем, что цветообозначения в поэзии Серебряного века – периода, отличавшегося пристальным вниманием к слову, – выступали одним из основных средств выражения авторских интенций, позволяющих выявить особенности картины мира в восприятии творца; во-вторых, тем, что цветовая картина мира М. Волошина – поэта и художника – крайне важна для понимания в целом его поэтической картины мира, для анализа того, как реализовалась его целеустановка: «Все формы, все цвета вобрать в себя глазами... Все воспринять и снова воплотить» («Париж», 1904) (здесь и далее в статье цитируются стихи М. А. Волошина по изданию [2]). У «упорных слов» М. Волошина есть и «вкус», и «запах», и «мера». Мы же остановимся на главной, на наш взгляд, их составляющей – цветовом наполнении.

Материал и методы

С целью выявить особенности воплощения цветовой картины мира в поэтических текстах М. Во-

лошина в статье анализируются лексическая и образная структуры стихотворений, содержащих цветопись, рассматриваются наиболее частотные колоремы, их символическое значение и особенности воплощения в лирике автора. Материалом для исследования послужили стихотворения М. А. Волошина из поэтических циклов «Париж» (1904–1915), «Руанский собор» (1907), «Киммерийские сумерки» (1907–1909), а также другие произведения разных лет.

Анализ проводился с помощью методов семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа, что позволило выявить многообразие воплощений цветовой картины мира, раскрыть через нее своеобразие авторского мировосприятия.

Результаты и обсуждение

Цветопись, являясь важным изобразительным средством, позволяет установить индивидуально-авторские коннотации созданного цветообраза, «рассказывающего» читателю многое о личности автора: его убеждениях, предпочтениях. Цветовая картина мира, передавая тонкие оттенки ощущений, переживаний поэта, помогает понять особенности его восприятия жизни. Она же является, по мнению В. С. Соловьева, критерием, определяющим истинность художника слова: «Истинный поэт влагает в свое слово нераздельно с его внутренним смыслом и музыкальные звуки, и краски, и пластичные формы» [3, с. 533].

Колоремы в лирике М. Волошина многочисленны и разнообразны. «Самой живописной по разнообразию красок» [4, с. 81] по праву называют исследователи поэзию М. Волошина. Только в одном стихотворении 1902 г. «Осень... осень... Весь Па-

риж...», состоящем из четырех строф, автор использует 10 колорем-прилагательных: *сизый, дымчатый, жемчужный, огненный, перламутровый, бронзовый, алый, лиловый, красный, серый* и два существительных с семантикой цвета: *мгла, просинь*. И это не только цветовая палитра осеннего Парижа, но и символика чувств, эмоционального состояния лирического героя. Поражающие своим многообразием и необычностью метафоры и сравнения во многом обязаны цветовому наполнению: *Точно цвет лиловых бледных глициний / Расцветает утро* («Облака клубятся в безднах зеленых...», 1910).

Мастерство М. Волошина в изображении цветовой картины мира позволяет исследователям отмечать в его стихах «такие переходы-полутона и тончайших вибраций оттенки, такие мерцания и переливы света, которые можно представить только с помощью „живого опыта“ и изощренных словесных построений» [4]. Под «изощренными словесными построениями» исследователь подразумевает необычные метафоры с цветовым наполнением и символическим подтекстом, который «не подлжит рационалистической трактовке» [4]: *Факел косматый в шафранном тумане; Влажной парчою расплесканный луч; Алым трепетом пали на статую золотистые пятна...*

Не вызывает сомнений, что лирическое многоцветье с «оттенками тончайших вибраций» [4] М. Волошина связано в первую очередь с его пейзажной живописью. Увлеченный творчеством японских пейзажистов Хокусая и Утамаро, убежденный в том, что по-настоящему познать землю, которую воспеваешь, можно, лишь исходив ее вдоль и поперек «горящими ступнями», прочувствовав ее и проникнувшись ею, М. Волошин не писал свои акварели с натуры, а выносил на полотна впечатления от прогулок по холмам дорогой его сердцу Киммерии, писал даже не картины и не стихи, а создавал «поэзию, которая перетекает в живопись» [5, с. 116]. Такая тенденция в творчестве М. Волошина, по мнению исследователей (см. работы [6, 7]), возникла во многом благодаря влиянию на мироощущение поэта импрессионизма и символизма. Неразгаданность, ориентация на впечатление, а не на точность передачи, на создание ситуации угадывания, индивидуального восприятия изображаемого, характерная для импрессионизма, рождает новые смыслы, что и сближает данное направление с символизмом. Об импрессионизме М. Волошин говорил как о типе сознания, способствующем инстинктивному постижению действительности [8, с. 221]. В связи с этим нельзя не согласиться с А. Л. Латухиной, утверждающей, что у М. Волошина «импрессионистическим становится не только стиль, но и миропонимание: устанавливается связь между непосредственным

миросостоянием и самочувствием личности» [9, с. 183]. Показательны в этом отношении и слова самого М. Волошина: «Я изображаю не явления мира, а свое впечатление, получаемое от них. Но чем субъективнее будет передано это впечатление, тем полнее выразится не только мое „Я“, но и мировая первооснова человеческого самосознания» [8, с. 62].

Цветопись – одно из самых значимых средств в изображении картины мира импрессионистами. В выборе цвета М. Волошин также руководствуется не реальностью изображаемого, а производимыми изображаемым объектом впечатлениями, отражающими его сущность, отсюда и неожиданные оттенки, и цветовые сочетания – во многом дань творчеству французских импрессионистов. Известно признание М. Волошина о том, что он учился «чувству красок... у Парижа» [10, с. 223].

Из всего многообразия цвета в стихотворениях М. Волошина как один из наиболее частотных отметим красный в его многочисленных оттенках: *пурпурный, багровый, рдяный, алый, розовый, рубиновый, червлёный, бурый, кровавый, киноварь*, промежуточные между красным и желтым *рыжий, ржавый* и цвет *старинного золота*.

По мнению Е. Г. Мещериной, в выражении мироощущений лирического героя М. Волошин следует цветовой символике А. Белого: красный – «ужас огня и тернии страданий» (по [4, с. 81]). Действительно, во многих стихотворениях встречаем красный в многочисленных интерпретациях, символизирующий именно страдание. Так, стихотворение «Вещий крик осеннего ветра в поле...» (1904) пронизано болью, стоном и тоской. Образ мученика Вечера автор рисует при помощи различных приемов, среди которых цветопись является важнейшим: *алые руки, рдяные раны* символизируют непомерность страдания. В стихотворениях о России и войне красный цвет – цвет крови, убийства: *И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость* (Ангел мщенья, 1905). В стихотворении «Москва» (1917) красный цвет показан в соседстве с черным: **Красная** площадь; *Все груди красным мечены; ...плещет красный плат* – **Толпа черным-черна; По грязи ноги хлюпают**. Черный с красным здесь не противопоставлены, красный цвет будто вбирает в себя черный, являясь средством передачи происходящего. Детали реальности, отраженные в эпитетах *неподобные, нерусские слова*, в сочетании со стилистически высоким глаголом возносят (*Возносят неподобные / нерусские слова*) благодаря сильному цветовому воздействию оставляют ощущение наполненности красно-черным цветом.

Однако в пейзажных поэтических зарисовках красный – это прежде всего цвет всего, что связано

с природой Крыма: киммерийской земли, солнца, травы, заката. Здесь уже иные коннотации у лексем с оттенками красного, которые «репрезентируют образы наступившего времени года – осени (*охряные холмы, пурпурные рощи*), времени суток (*багровые сумерки, рдяные вечера, розовая жемчужина дня, рыжий закат*)» [11, с. 150] и не создают ощущения тревожности. В многообразии красных тонов при изображении природы едва ли не первое место отдается алому: *алый свет* разливается в лиловой дали, *алый день, алая улыбка заката, алым трепетом* падают на статую золотистые пятна, *алая пряжа* облаков – так рисует поэт образ Парижа (книга «Годы странствий», цикл «Париж», 1904–1915). В стихотворениях из цикла «Руанский собор» (1907) алый связан с христианскими символами: *Алость роз, расцветивших у креста* («Вечерние стекла», 1907) – и символизирует страдание в христианском восприятии: *Свет страданья, алый свет вечерний* («Стигматы», 1907), где сама Смерть есть Жизнь: *Факел жизни – огненная Смерть* («Смерть», 1907).

Часто для передачи оттенков красного цвета поэт использует образ огня: *Разлит закат озерами огня* («Священных стран вечерние экстазы...», 1907), *яркие полымя полудней* («Таиах», 1905). Отметим, что стихия огня характерна в целом для поэтических созданий мастеров слова Серебряного века, в полной мере она отразилась и в творчестве М. Волошина: *В растение и в камне – везде, / В горах, в облаках, над горами / И в звере, и в синей звезде / Я слышу поющее пламя*, – пишет он в стихотворении 1912 г. «Так странно, свободно и просто...», определяя таким образом для себя «смысл бытия».

Повторимся, что огонь у М. Волошина – «сын старший Хаоса» («Над горестной землей...», 1909), бессмертный, всезрящий – используется не только в качестве символа очищения, но и для обозначения цвета. По мнению Е. Г. Мещериной, «в поэзии Серебряного века сохраняется понимание стихии огня в ее мироустроительном, Божественном, созидающем значении» [4, с. 68], а «сами краски, цветность – символы жизни» [4, с. 68], что, на наш взгляд, вполне применимо к лирике М. Волошина. В стихотворении «Пустыня» (1901) рисуется образ пустыни, спящей мертвым сном под палящими лучами солнца. Пробуждение же, как волшебство, свершается в миг, когда «брызнет кровь лучей с заката». Огонь становится с этого момента центральным образом, символизирующим жизнь: *Вся степь горит – и здесь, и там, полна огня, полна движений*.

Сама природа человеческая у Волошина схожа с огнем: *И с огнем наша схожа природа* («Дети солнечно-рыжего меда...», 1910), а жажда жизни

«переполненного светом» лирического героя передается метафорами: *И гудит в душе певучий пламень* («Ветер с неба хлопья облак вытер...», 1917), *Струйный столб огня на мне сверкает сизо* (Mare internum, 1907). Ощущение полноты жизни уподобляется взмыванию вверх, к огню (*Подымаясь к огню на высоты*), состояние же бессилия, душевной надломленности сопоставляется с догорающим костром («Полынь», 1907). Стихия огня связана с образом Неопалимой купины, довольно часто встречающимся в стихотворениях М. Волошина, как символом нетленности: *И хоры горних сил хвалили Творца миров из глубины Ветвистых пламеней и лилий Неопалимой купины* («И я был послан в глубь степей...», 1919).

В статье «Се красота из синего эфира... (к проблеме эстетики цвета в поэзии Серебряного века)» Е. Г. Мещерина, делая акцент на мысли о том, что поэты-символисты использовали краски «почти всегда в метафизическом их значении» [4, с. 81], отмечает особый интерес символистов к сочетанию красного с серым как знаку глубокой душевной драмы, внутреннего неблагополучия (у Волошина читаем: *Красный в сером – это цвет / Надрывающей печали*).

Для символиста А. Белого «впечатление красного создается отношением белого светоча к серой среде» [4, с. 81]. По заключению Е. Г. Мещериной, «серый цвет как воплощение небытия в бытии, придающее последнему призрачность, связан с возможным определением зла как относительной срединности, двусмысленности» [4, с. 81]. Что касается совмещения и соседства красного и серого в лирике М. Волошина, то здесь можно говорить о многообразии выражений данного сочетания. Рассмотрим некоторые из них.

Пейзажная зарисовка в первой строфе стихотворения «Полынь» из цикла «Киммерийские сумерки» содержит образ догорающего *костра* на фоне *истомной мглы* и подготавливает встречу с лирическим героем, придавленным к земле тяжестью любовных переживаний, бескрылость которого роднит его с надломленными крыльями скал и в целом с отверженной Праматерью-Землей.

В стихотворении «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель» сочетание розового с дымным (*Тонким дымом розовеет внизу миндаля*) удачно передает картину цветущего миндаля и вместе с тем – непростые чувства лирического героя, переполненного бесконечной любовью к киммерийской земле, приютившей своего сына в годину бесприютности, и горечью от утраченной любви.

В стихотворении «Зеленый вал отпрянул и пугово...» (1904) *серый парус* трепещет в стеклянной мгле на фоне разлившейся *певучей зари*. Чувство

тревоги, рождаемое сочетанием серого с красным, усиливается метафорическими образами ветра, повисшего в снастях (*И ветер в снастях повис*), и пустыни вод, и еще более – завершающим стихотворением образом зловещей луны, распускающейся, как папоротник красный. Другое настроение выражено в стихотворении «Священных стран вечерние экстазы...» (1907): здесь паруса... над морем пламенеют. Красный без соседства серого, замененного сверкающим многоцветьем синего, лилового, золотистого, содержащегося в том числе в шафранах, топазах, аметистах, дополненный присутствием огня, участвует в создании совсем другого образа. Соответственно, и состояние лирического героя прямо противоположно переданному в предыдущем стихотворении – это состояние всеобъемлющей восторженности: *О, эти сны о небе золотистом! О, пристани крылатых кораблей!*

Семантика серого у М. Волошина в метафизическом осмыслении отсылает читателя к размышлению о мудрой старости: *седое безразличье, стальная дрема, серое бремя* («Быть черною землей», 1906) как следствия прожитых лет и переживаний. Лирический герой – *Угасший метеор в пустынях мирозданья, / Седой кристалл в сверкающей пыли* («Я шел сквозь ночь...», 1904), отреченно взирающий с высоты своей мудрости, пришедший к пониманию тщетности бытия.

В описании природных явлений серый цвет у Волошина – это цвет облаков (*громады дымных облаков, седые груды облаков*), водной поверхности (*стальная чешуя заливов, стальной клинок воды*), туманов (*серебристые туманы*), дождя (*дымчатое стекло дождя*), камня, гор (*дымный камень стен; серые срывы гор*), растений (*кустарники в серебре; седая полынь; седые крылья пиний*), уходящего в даль пространства (*сизо-дождливая даль, лилово-дымчатые планы*) [11, с. 150].

Особый акцент на сером сделан в цикле «Париж» (1904–1915), где образ дождя центральный. Париж в дождь *расцветает, словно серая роза, серые феи дождя тянут нити серого шелка*. Сквозь городские зарисовки читатель отчетливо улавливает создаваемое автором настроение элегичности, легкой и чарующей опьяненности. А в сочетании серого с оттенками фиолетового обнаруживаем мажорное настроение: *В серо-сиреневом вечере / Радостны сны мои нынче*.

Среди оттенков, содержащих серый цвет, сизому отдано предпочтение: *сизые ветки маслин, сизый туман, сизое крыло вечера, покров из сизых туч, очертанья сизых крыш, сизое крыло вечера* и пр.

Лиловый цвет является доминирующим в лирике Волошина: ему отводится главенствующее место независимо от тематической и жанровой спе-

цифики стихотворений, будь то пейзажные лирические зарисовки или поэтический цикл «Руанский собор». С колоремой лиловый связаны многочисленные природные образы: *лиловый залив, лиловые вершины Карадага, лиловая мгла, лилово-палевые дали, фиолетовые дали, лиловые молитвы гор, лилово-розовые поросли кустов, осенних сумерек лиловые миражи, лилово-серые леса, лиловых туч карниз, лилово-дымная фата ночи* и т. п.

В стихотворениях из цикла «Руанский собор» (1907) цветопись – дань исканиям импрессионистов. Здесь доминирующий фиолетовый цвет предстает перед читателем в многообразных оттенках: фиолетовый (*фиолетовые грозы*), аметистовый (*аметистовые Розы; как аметист, глаза; аметист – молитвенный алтарь*), лиловый (*лиловые лучи; лиловые пятна плит; лиловый день; камень лиловат*), фиалковый, сиреневый (*фиалковый огонь, дождь фиалок и сирени*), цвет сапфира (*сапфир, испуганный и зрящий*) – и выражает особое состояние причастности лирического героя к тайне и святости места, основанной на созвучии его душевного состояния этому месту.

Синий цвет в восприятии Волошина неоднозначен. С одной стороны, это «свет дня, цвет грозового неба, реки, ручьев, озера, камня, „горной страны“» [11, с. 150]. Вместе с тем синий содержит и отрицательные коннотации: боль, смерть (*Боль пришла, как тихий синий свет; Смерть сурово придет, как синяя гроза*). В стихотворении «Таи-ах» (1905) *подводная синь* предрассветной глубины и ее синонимы – *стекло, кристалл* – место обитания Царевны, холодное, лишенное жизни, замененной на сон. Жаждущему же живого чувства лирическому герою нужно *пламя алого огня* – эквивалент земных ласк. При этом *сияюще-синий* везде отмечен положительными коннотациями: *Монмартр и синий, и лучистый* («Письмо», 1904); *к тверди сияюще-синей* («Руанский собор», 1907) вознесены дуги собора.

Зеленый цвет – цвет лугов, заливов, туманов, мглы и даже воздуха: *зеленый воздух дня*. Желтый часто представлен такими цветовыми обозначениями, как «золотой» и «янтарный», и отражает не только зрительное, но и чувственное восприятие окружающего как символа величия, царственности, тепла – всего того, что связано с образом солнца: *желтые смолы полудней, желтые закаты, желтая тишина, золото земли* [11, с. 150], *золотом смол медленно плавится зной*.

Говоря о цветовой картине мира М. Волошина, нельзя обойти вниманием стихотворения, посвященные Киммерии. Цикл стихотворений «Киммерийские сумерки» (1907–1909), основная часть которых создана в 1907 г., мастер кисти и слова посвятил своему другу и в определенной степени

учителю – художнику К. Ф. Богаевскому, с которым его роднила любовь к крымским пейзажам.

Очень точно подметила С. Бунина: «„Киммерийские сумерки“ в буквальном смысле являют собой поэтический пейзаж – цикл похож на серию акварелей, объединенных темой Киммерии» [12]. В этой связи исследователь обращает внимание на «некоторые приемы» [11, с. 150], главными из которых выступают «сочетания цветов и линий ландшафта» [11, с. 150].

Рассмотрим, как в стихотворении «Облака» (1909) из цикла «Киммерийские сумерки» цветовая палитра помогает выразить видение художника.

Эпитет *марный иней* передает не только тусклость, непрозрачность воздуха, но и создает впечатление наваждения, призрачности происходящего.

Его дополняют холодные *синий, свинцовый* (метафора *клубы свинца*), *седой, снежный* и *лиловый* (метафора *гроздьями глициний*) в живописном изображении надвинувшихся туч. Цветовая символика здесь также указывает на сверхъестественность происходящего, что подтверждается дальнейшим развитием событий – появлением мифологических образов. «Зримый мир обретает двойной ракурс: в «реальном» прозревается «мифическое»» [13, с. 75].

Динамика происходящего в природе показана сменой цвета: холодные цвета уходят в переходный лиловый и после сменяются оттенками красного: *медно-бурым, кровавым* (метафора *кровь богов*) в изображении заката, сменившего отошедшую грозу.

Все стихотворение – развернутая метафора, наполненная цветовыми и мифологическими образами, – оставляет ощущение ирреальности происходящего в природе, осознание величия природы, по отношению к которой человек лишь частица мироздания, настолько ничтожно малая, что никак не обнаруживает своего присутствия. Атмосфера стихотворения, навеянная образами, из которых цветовым отводится далеко не последнее место, может быть выражена словами М. Волошина о полотнах французского художника Одилона Редона: «...Вечность шепчет свои воспоминания» [14].

Импрессионистическое внимание М. Волошина к цветописю в полной мере способствовало многообразию цветовых оттенков, включая полутона. Этим объясняется разнообразие поисков цветовых соответствий, которые бы наиболее полно отобразили восприятие окружающего художником слова. М. Волошин прибегает к использованию лексем, в основе которых – двойной оттенок цвета. В его стихотворениях мы встречаем *зелено-розовые просторы; зелено-палевые туманы; зелено-фосфорическую ночь; серо-голубые горы; бледно-розовые дороги; розово-призрачный свет; дымно-розовый*

янтарь; сизо-дождливую даль; сизо-сиреневый вечер; бледно-лиловую ночь; дымно-лиловые кручи; лилово-серый день; серо-сиреневый вечер; лилово-розовые, розово-пунцовые поросли; лилово-палевые дали; лилово-серые леса; лилово-дымную, дымно-синюю фату ночи; чернильно-синие... веток переплеты; чернильно-синие... кручи лиловых гор; лилово-дымчатые скалы и т. п.

Не менее часты в стихотворениях названия камней и растений с семантикой цвета и производные от них прилагательные. *Серебро, золото, бирюза, олово, бронза, хрусталь, опал, жемчужина, янтарь, мрамор, топаз, алмаз, смолы, лилии, сирень, гиацинт, фиалки, глицинии, лен, тамариск, шафран, эвкалипт, хризантемы* – наиболее частотные существительные, связанные с семантикой цвета.

Названия цветов (растений), встречающиеся в лирических текстах, удивительно «оживляют» пространство стихотворения. Собранные вместе, они создают ощущение присутствия в многоцветной оранжерее: *И хоры горных сил хвалили / Творца миров из глубины / Ветвистых пламеней и лилий / Неопалимой купины; Как папоротник красный зловещая луна; факел косматый в шафранном тумане; в волнах шафран; Фиалки и бледное золото / Скованы в зори; дождь фиалок и сирени; фиалки волн и гиацинты пены; Стих расцветает цветком гиацинта, / Холодный, душистый и белый; гроздьями глициний свисают тучи; небо – волокна льна; Косматые цветут огни, / Как пламенные хризантемы; платье цвета эвкалипта; тамарисковые тучи* и др.

Используемые автором минералогические обозначения в составе ярких метафор и сравнений позволяют читателю окунуться в мир сверкающий, искрящийся: *мерцает золото, как желтый огонь в опалах; в волнах... колышется топазы; сапфирами лучей сияет день; заливы черные сияют, как оникс; сапфирами увлажненные ночи; хрусталь земли сквозь утренний топаз; пласты размытой глины / искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой; бриллианты в зубчатом кружеве ветвей; Луна – изгнанница в опаловой короне, отливающая пепельно-неярко; радугами бриллиантов переливается свод; свет луны дает камням оттенок бирюзы; озер агатовых колдующие очи; сети алмазной паутины; облаков громады / точно глыбы светлых янтарей. Мы видим и хрусталь предгорий, и серебро тумана, и бронзу холмов, и слюду морей, и янтарные солнца, и жемчуг дня.*

Основная функция подобных цветообозначений – передача тончайших оттенков цвета. Однако нередко они «догружаются» метафорически и символически, рождая определенные ощущения. Так, строки: *В глубине печальных глаз – Осенний цвет листвы – топаз* – рисуют образ женщины, глаза

которой полны глубокой печали и спокойствия, присущих осени, покорно и царственно принимающей неизбежность увядания, а сравнение: *Как аметист, глаза бессонны* – холодную отстраненность, отрешенность от всего мирского ликов святы. *Рубин вина, возникший в Кане*, отсылает нас к образу Христа и истинности веры, *алмазная белизна* символизирует божественную чистоту.

Необычная синтагматика: *пурпур полей, зелень закатов* – также одна из особенностей цветописы М. Волошина – создает ощущение растворимости земного в небесном и небесного в земном и воплощает авторскую мысль о единстве всего сущего.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование поэтических текстов М. Волошина позволяет сделать

вывод о несомненной значимости цветовой картины мира для постижения идейно-смысловой направленности стихотворений и в целом мировосприятия М. Волошина. Наполненность цветом у М. Волошина даже тех реалий, определить цвет которых невозможно, не обладая творческим воображением, в том числе и отвлеченных понятий: *Плещет в синем ветре дымчатый парус; Вечер сизой тоской повит; В скорбном золоте листов / Гор лиловые молитвы; желтая и голубая тишина; Празлень вечерней тишины; Желтые смолы полудней* и т. п., свидетельствует о синестезии авторского восприятия и еще раз подтверждает влияние импрессионистических и символистских идей на творчество М. Волошина, а «скрытая сущность» «упорных слов» поэта многое говорит читателю о его мировидении.

Список источников

1. Степанова В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб.: Наука: САГА, 2006. 272 с.
2. Волошин М. А. Жизнь – бесконечное познание: стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подготовка текстов, вступ. ст., краткая биохроника, коммент. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 576 с.
3. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 702 с.
4. Мещерина Е. Г. «Се красота из синего эфира...» (к проблеме эстетики цвета в поэзии Серебряного века) // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия, 2009. № 1. С. 64–90.
5. Баруткина М. О. Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия // Крым в культурных и исторических контекстах. Известия Уральского федерального университета, 2014. № 3 (130). С. 114–121. URL: https://studylib.ru/doc/2228665/%C3%A8%C3%A7%C3%A2%C3%A5%C3%B1%C3%B2%C3%A8%C3%9F---ural_skiy-federal_nyj-universitet (дата обращения: 08.03.2022).
6. Пинаев С. М. «Близкий всем, всему чужой...». Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте Серебряного века. М.: РУДН, 2009. 343 с.
7. Озеров Л. М. Волошин, увиденный его современниками // Воспоминания о М. Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 1–6.
8. Волошин М. А. Лики творчества. Л.: Наука, 1989. 848 с.
9. Латухина А. Л., Маринина Ю. А. Поэтика импрессионизма во французской и русской лирике конца XIX – начала XX веков (на материале творчества П. Верлена и М. Волошина) // Научный диалог. 2018. № 7. С. 177–190. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/855> (дата обращения: 08.11.2022).
10. Волошин М. А. Собрание сочинений: в 13 т. (17 кн.) / сост. В. П. Купченко, А. В. Лавров. М.: Эллис Лак, 2003. 2015. Т. 7. 768 с.
11. Иванченко С. А. Лексическая и образная структура надписей к акварелям М. А. Волошина как отражение его поэтической картины мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 2. С. 144–153. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-2-144-153
12. Бунина С. Миф о Петербурге и миф о Коктебеле в творческой судьбе М. Волошина. URL: http://ctuxu.ru/article/art/mif_o_peterburge.htm (дата обращения: 09.09.2022).
13. Козубовская Г. П. Мифопоэтика цикла М. Волошина «Киммерийские сумерки» // Высшая школа: научные исследования: материалы межвузовского международного конгресса. Москва, 9 декабря 2021 года. М.: Инфинити, 2021. С. 73–81.
14. Волошин М. А. Одилон Рэдон / Искусство и искус. URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_odilon_renon.html (дата обращения: 08.11.2022).

References

1. Stepanova V. V. *Slovo v tekste. Iz lektsiy po funktsional'noy leksikologii* [Word in text. From lectures on functional lexicology]. Saint Petersburg, Nauka, SAGA Publ., 2006. 272 p. (in Russian).
2. Voloshin M. A. *Zhizn' – beskonechnoye poznan'ye: stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya* [Life is endless knowledge: poems and poems. Prose. Memoirs of contemporaries. Dedications]. Compiled, preparation of texts, introductory article, brief biochronicle, comments by V. P. Kupchenko. Moscow, Pedagogy-Press Publ., 1995. 576 p. (in Russian).

3. Solov'yov V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 702 p. (in Russian).
4. Meshcherina E. G. "Se krasota iz sinego efira..." (k probleme estetiki tsveta v poezii Serebryanogo veka) ["Behold the beauty from the blue ether..." (on the problem of the aesthetics of color in the poetry of the Silver Age)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya – Bulletin of the Moscow University. Ser. 7. Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 64–90 (in Russian).
5. Barutkina M. O. Geniy mesta: Maksimilian Voloshin i Kimmeriya [The genius of the place: Maximilian Voloshin and Cimmeria]. In: *Krym v kul'turnykh i istoricheskikh kontekstakh. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta – Crimea in cultural and historical contexts. Bulletin of the Ural Federal University*, 2014, no. 3 (130), pp. 114–121 (in Russian). URL: https://studylib.ru/doc/2228665/%C3%A8%C3%A7%C3%A2%C3%A5%C3%B1%C3%B2%C3%A8%C3%9F---ural._skij-federal._nyj-university (accessed 8 March 2022).
6. Pinayev S. M. "Blizkiy vsem, vsemu chuzhoy...". *Maksimilian Voloshin v istoriko-kul'turnom kontekste Serebryanogo veka* ["Close to everyone, alien to everything...". Maximilian Voloshin in the historical and cultural context of the Silver Age]. Moscow, RUDN Publ., 2009. 343 p. (in Russian).
7. Ozerov L. M. Voloshin, uvidenny yego sovremennikami [Voloshin, seen by his contemporaries]. In: *Vospominaniya o M. Voloshine* [Memories of M. Voloshin]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. Pp. 1–6 (in Russian).
8. Voloshin M. A. *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 848 p. (in Russian).
9. Latukhina A. L., Marinina Yu. A. Poetika impressionizma vo frantsuzskoy i russkoy lirike kontsa XIX – nachala XX vekov (na materiale tvorchestva P. Verlana i M. Voloshina) [Poetics of impressionism in French and Russian lyrics of the late XIX – early XX centuries (based on the work of P. Verlaine and M. Voloshin)]. *Nauchnyy Dialog – Scientific Dialogue*, 2018, no. 7, pp. 177–190 (in Russian). URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/855> (accessed 8 November 2022).
10. Voloshin M. A. *Sobraniye sochineniy: v 13 tomakh (17 kn.)* [Collected works. In 13 volumes (17 books)]. Comp. V. P. Kupchenko, A. V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak Publ., 2003. 2015. Vol. 7. 768 p. (in Russian).
11. Ivanchenko S. A. Leksicheskaya i obraznaya struktura nadpisey k akvarelyam M. A. Voloshina kak otrazheniye yego poeticheskoy kartiny mira [Lexical and figurative structure of inscriptions to watercolors by M. A. Voloshin as a reflection of his poetic picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 2, pp. 144–153 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2022-2-144-153
12. Bunina S. *Mif o Peterburge i mif o Koktebele v tvorcheskoy sud'be M. Voloshina* [The myth of St. Petersburg and the myth of Koktebel in the creative life of M. Voloshin] (in Russian). URL: http://ctuxu.ru/article/art/mif_o_peterburge.htm (accessed 9 September 2022).
13. Kozubovskaya G. P. Mifopoetika tsikla M. Voloshina "Kimmeriyskiye sumerki" [Mythopoetics of the cycle of M. Voloshin "Cimmerian Twilight"]. In: *Vysshaya shkola: nauchnyye issledovaniya: materialy mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa. Moskva, 9 dekabrya 2021 g.* [Higher School: scientific research: materials of the Interuniversity International Congress. Moscow, December 9, 2021]. Moscow, Infiniti Publ., 2021. Pp. 73–81 (in Russian).
14. Voloshin M. A. Odilon Redon. In: *Iskusstvo i iskus* [Art and Skill] (in Russian). URL: http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_odilon_renon.html (accessed 8 November 2022).

Информация об авторе

Иванченко С. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Ivanchenko S. A., post-graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 27.10.2022; accepted for publication 07.12.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-103-112>

РАССКАЗ «БОБОК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДЕ Б. Л. БРАЗОЛЯ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

Татьяна Валериевна Коротченко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
tatyana1003@mail.ru

Аннотация

Рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок» считается одним из наиболее сложных произведений писателя не только с точки зрения многообразия явленных в нем тем, но и в аспекте жанрового определения. Исследователи указывают на возможность рассматривать «Бобок» как пример синтеза различных жанровых структур.

Цель – выявление особенности прочтения рассказа «Бобок» в Америке на основе фиксации «жанровых смещений», которые происходят в процессе перевода рассказа «Бобок» на английский язык.

Материал исследования – рассказ «Бобок» и его англоязычный перевод, выполненный в середине XX столетия (1949) Борисом Львовичем Бразолем. Оригинал и перевод рассматриваются в рамках филологического подхода с привлечением метода сравнительно-сопоставительного анализа. Методологическую основу исследования составляют научные труды российских и зарубежных достоевсковедов; работы по жанрологии; рецептивной эстетике и теории художественного перевода.

В процессе перевода рассказ «Бобок» претерпевает формальные, следовательно, и тематические трансформации, обусловленные во многом спецификой американского литературного процесса середины XX в.: становления поэтики черного юмора как одной из наиболее адекватных форм словесного творчества в ситуации культурного кризиса. Фокус внимания переводчика находится в области сохранения тех особенностей оригинального текста, которые в большей степени совпадали с ключевыми характеристиками произведений черного юмора, а именно передача сатирико-юмористической линии произведения, пограничного состояния героя, смешения реальности и ирреальности. Сложная нарративная структура оригинала при этом не сохраняется, отсутствует единообразие в передаче ключевых лексем, являющихся структурными элементами смысловой градации и связанных с идейно-тематическим содержанием рассказа.

Отсутствие в переводе эксплицитно обозначенной сложной структуры рассказа в совокупности с игнорированием принципа единообразия в выборе эквивалентов для передачи ключевых лексем нивелирует жанровую синтетичность рассказа «Бобок», следовательно, можно говорить о смещении тематических акцентов. В англоязычном переводе Бразоля многоплановый рассказ «Бобок» предстает в виде произведения черного юмора. Переводческая интерпретация рассказа «Бобок» в русле произведения черного юмора, таким образом, является маркером этапа «пассивного насыщения» американской культуры подобными текстами, за которым последовал закономерный этап расцвета поэтики и эстетики черного юмора в период 1950–70-х гг.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, рассказ «Бобок», переводческая интерпретация, жанровые трансформации

Для цитирования: Коротченко Т. В. Рассказ «Бобок» Ф. М. Достоевского в переводе Б. Л. Бразоля: к вопросу о жанровых трансформациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 103–112. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-103-112>

LITERARY STUDIES

A SHORT STORY “BOBOK” BY F. M. DOSTOEVSKY TRANSLATED BY B. L. BRAZOL: GENRE TRANSFORMATIONS

Tat'yana V. Korotchenko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tatyana1003@mail.ru

© Т. В. Коротченко, 2023

Abstract

A short story “Bobok” by F.M. Dostoevsky is regarded to be one of the most complicated works of the writer not only from the point of the number of issues being discussed, but also in terms of genre identification. The scholars believe that it is possible to consider the story as an example of the synthesis of genres.

The purpose of the article is to reveal the peculiarities of the reception of “Bobok” in the USA by identifying the genre shifts in the English translation of the story.

The material of the study is a short story “Bobok” and its English translation made by Boris L. Brazol in 1949. The original and translated texts are analyzed within the philological approach including the bases of comparative analysis. Additionally, the study uses the findings of Russian and foreign Dostoevsky scholars, as well as the works on genre theory, reception theory, and fiction translation.

Compared to the original text, the English version of “Bobok” demonstrates formal and issue-related transformations that are primarily induced by the peculiarities of the literature in the USA in the middle of the 20th century: emergence of black humor as one of the most adequate forms of creative writings in the context of cultural crisis. The translator focuses on conveying those story’s features that coincide with the key characteristics of black humor genre, i.e. satirico-humorous effect, borderline condition of character, overlapping of reality and unreality. The complex narrative structure is not preserved; there is no iconic linkage in conveying the words that constitute the logical gradation and are directly connected with the main issues of the story.

The absence of the complex structure of the story in the translation, including the ignorance of iconic linkage in conveying the key concepts of the original, blurs out the genre diversity of “Bobok” and results in issue-related transformations. The complicated story “Bobok” is perceived in English version as a black humor writing, which in its turn identifies the stage of “passive saturation” of American culture with such texts followed by the stage of blossom (“active transmission”) of black humor poetics in 1950–70th.

Keywords: F. M. Dostoevsky, short story “Bobok”, translation interpretation, genre shifts

For citation: Korotchenko T. V. Rasskaz “Bobok” F. M. Dostoyevskogo v perevode B. L. Brazolya: k voprosu o zhanrovyykh transformatsiyakh [A short story “Bobok” by F. M. Dostoevsky translated by B. L. Brazol: genre transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 103–112 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-103-112>

Введение

Рассказ «Бобок» Ф. М. Достоевского был опубликован в феврале 1873 г. в № 6 журнала «Гражданин» и стал шестой главой «Дневника писателя». Небольшое по объему произведение, при этом, безусловно, композиционно и содержательно завершённое, отражавшее основные тенденции литературного процесса XIX в., оно тем не менее вызвало неоднозначные отклики (рецензия в журнале «Дело» [1, с. 101], комментарии К. В. Мочульского [2, с. 391], А. Белого [3, с. 407]). В представленной писателем фантастической, inferнальной истории современники увидели бессмысленную и даже патологическую литературную шутку. Лишь в середине XX в. рассказ был оценен литературоведами как один из наиболее сложных, многогранных и глубоких произведений писателя.

Особый вклад в понимание литературных истоков и жанрового своеобразия «Бобка» внесли исследования В. А. Туниманова [4, с. 402–411] и М. М. Бахтина [5]. Туниманов подробно останавливается на описании злободневной полемики, представленной в рассказе, а также на присутствующих в тексте реминисценциях из собственных произведений Достоевского и перекличке с образцами эротической и кладбищенской литературы, получившей популярность в середине девятнадцатого столетия. Внимание Бахтина сосредоточено на выявлении жанровых истоков рассказа. В част-

ности, исследователь фиксирует новаторское переосмысление писателем древнегреческого жанра мениппей, определяя рассказ как один «из величайших мениппей во всей мировой литературе» [5, с. 207].

Оба исследователя определяют жанр произведения «Бобок» как «фантастический рассказ», отмечают его многослойность и сложность организации, фиксируют как факты литературного процесса в России девятнадцатого столетия, так и особенности текста, которые позволяют им в определении жанра выйти за рамки простой «литературной шутки» [2, с. 391].

В аспекте изучения генезиса рассказа «Бобок» стоит отметить работу Б. Н. Тихомирова «Достоевский и трактат Э. Сведенборга “О небесах, о мире духов и об аде”» [6], где автор фиксирует сходства и различия между художественной концепцией Достоевского и доктриной шведского теософа.

Напомним, что литературная жизнь России на протяжении XIX в. характеризуется многообразием направлений, существовавших параллельно друг другу, а также обновлением художественных форм. Наряду с типичными жанрами романтизма (новелла, элегия, баллада и т. д.) и реализма (рассказ, повесть, роман и т. д.) как доминирующих направлений литературы данного столетия в литературной жизни России получает распространение фельетон, пик популярности которого приходится

на 1840–60-е гг. Феномен проникновения жанра фельетона в художественный мир Достоевского исследовали Н. Н. Луцкая [7], Е. К. Рева [8]. В работе «Система жанров Достоевского: типология и поэтика» В. Н. Захаров определяет фельетон «ключевым жанром художественной публицистики Достоевского» [9, с. 174]

Еще одной особенностью литературного процесса девятнадцатого столетия исследователи называют распространение готической литературы. Несмотря на смену направлений, готические рассказы и повести, описывающие мир фантастического, мир ужасов и ирреального, остаются в русской словесности на протяжении всего XIX в. Исследователи [10; 11, с. 277] фиксируют элементы готической литературы, в том числе и в творчестве Достоевского, упоминая в качестве яркого примера рассказ «Бобок».

В ряде работ «Бобок» рассматривается как философская притча [12; 13, с. 311; 14]. На основе обнаруженных философско-культурных ассоциаций в тексте рассказа литературоведы рассматривают основную проблематику произведения относительно философии Платона, связывают представленные идеи с такими концептами, как «душа» и «плоть», «свобода» и «принуждение».

Разнообразие интерпретаций и подходов к определению жанра рассказа «Бобок», безусловно, указывает на сложность и неоднозначность произведения, а также синкретизм жанров как одну из отличительных черт художественного мира Достоевского.

Цель данной статьи – выявление особенности прочтения рассказа «Бобок» в Америке на основе фиксации «жанровых смещений», которые происходят в процессе перевода рассказа «Бобок» на английский язык.

Актуальность предлагаемой работы обусловлена значимостью исследования рецепции творчества Достоевского в англоязычном мире в целом и специфики прочтения рассказа «Бобок» в частности как яркого примера синтеза элементов различных жанровых форм.

Материал и методы

Материал исследования – рассказ «Бобок» и его англоязычный перевод, выполненный в середине XX в. (1949 г.) Борисом Львовичем Бразо-лем. Методологическую основу исследования составляют научные труды российских и зарубежных достоевсковедов (В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, В. К. Кантор, Р. Милнер-Галанд и др.), работы по жанрологии Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, М. Ю. Лотмана; рецептивной эстетике и теории художественного перевода В. Изера, Х. Яусса, У. Эко, А. Поповича и П. М. Топера.

Результаты и обсуждение

Как уже отмечалось ранее, «Бобок» был опубликован в шестой главе «Дневника писателя». На сегодняшний момент существует два перевода «Дневника...» на английский язык, а также сокращенная версия второго перевода. Публикуемый в России в 1873, 1876–1877, 1880–1881 гг., впервые «Дневник писателя» был переведен на английский язык только в середине XX в. (1949 г.) Б. Л. Бразо-лем. Издание представляет собой одну книгу, в которой опубликованы все главы «Дневника...» за все годы. Второй перевод «Дневника...» появился лишь в конце XX в.

Таким образом, первый англоязычный перевод рассказа «Бобок» как главы «Дневника писателя» входит в американскую литературу в период, который исследователи [15–16] определяют как время культурного кризиса, выразившегося в поиске новой философско-эстетической формы осмысления действительности. Социально-политическая ситуация, сформировавшееся «общество потребления» и постоянная угроза атомной войны приводят к отказу от реалистического изображения окружающего мира. Результатом такого кризиса становится появление произведений в стиле черного юмора как возможный вариант творчества в условиях абсурдности происходящих событий. Расцвет этого вида литературы в Америке приходится на период 1950–70-х гг.

Феномен американского черного юмора, безусловно, крайне сложен, однако исследователи выделяют несколько его наиболее характерных черт. Так, анализируя высказывания Джона Барта и Томаса Пинчона¹ относительно сути литературного творчества, А. И. Лаврентьев приходит к выводу о том, что «основополагающим принципом поэтики американского „черного юмора“ является комедия как наиболее адекватная форма выражения трагического мироощущения» [17, с. 84]. Комическая форма выражения черного юмора становится для американских писателей неким способом преодоления апокалиптического мироощущения. Д. Бир определяет американский черный юмор как крайнюю форму проявления национального юмора, основной характеристикой которой является анти-теичность [18, с. 3]. Пространственно-временные особенности произведений черного юмора заключаются в изображении пограничного, промежуточного состояния: персонажи часто не имеют четкого представления о времени и границах в пространстве, испытывают трудность в идентификации самих себя, но при этом пытаются конструировать новую

¹ Американские писатели «структурированного черного юмора»; термин американского литературоведа Морриса Дикштейна, который выделил новую разновидность черного юмора, выражающую особый тип мировоззрения, создающую иную реальность.

реальность в рамках собственной системы ценностей.

Возвращаясь к рассказу «Бобок», стоит отметить, что все перечисленные черты американского черного юмора могут быть обнаружены в этом произведении: пограничное состояние героя, отсутствие четкого понимания границы реального и ирреального, сатирическое изображение бессмысленности современного общества, наличие стилистических приемов в речи повествователя (игра слов, оксюмороны, антитезы, ирония), отражающих разные оттенки комического в рассказе.

В целом исследователи не раз справедливо отмечали семантическую неоднозначность, многослойную смысловую иерархию рассказа. Несмотря на четко выстроенную структуру непосредственно главы «Бобок», читатель, погружаясь в прерывистый, шаткий мир повествователя «Записок одного лица», обнаруживает себя в ситуации выбора той или иной интерпретации. Рассказ может быть прочитан как фельетон, затрагивающий злободневные проблемы современного Достоевскому общества и использующий сатирические приемы изложения; как религиозно-философская притча; как мистическая история, изобилующая элементами готической литературы; или как пример произведения черного юмора. Так, неожиданное чихание Ивана Ивановича может быть воспринято и как некий ритуальный символ, «спонтанная жизненная реакция, пробуждающая в сознании свидетельство человеческого повествования» [13, с. 309] в рамках «мистического рассказа», и как стилистический прием обманутого ожидания в рамках рассказа-фельетона.

С точки зрения фабульной ситуации рассказ «Бобок» достаточно прост: литератор-неудачник приходит на кладбище и подслушивает разговор мертвых. Незамысловатость содержательной канвы произведения не исключает сложности в его организации и нарративной структуре. Прежде всего стоит отметить антитетичность как основополагающий организующий принцип рассказа. В фокусе рассказа контраст, который фиксирует повествователь, между «таинством смерти» и пошлыми, бытовыми разговорами мертвецов [19, с. 45], контраст между общечеловеческими ценностями и реальным поведением людей, между жизнью и смертью, духовным и телесным. При этом в тексте рассказа границы между противопоставленными понятиями часто размыты: в пограничном мире повествователя не всегда ясно, где реальность, кто живой, а кто мертвый, противопоставленные явления объединяются и сливаются в одно целое. Принцип совмещения противоположностей прослеживается и на уровне языка рассказчика, который изобилует такими стилистическими приемами, как антитеза и оксюморон:

«Ходил развлекаться, попал на похороны» [4, с. 43] / *I went out to divert myself, and ran into a funeral* [20, с. 42] (Я вышел развлечься и попал на похороны).

«Я вас, милый старец, просто расцеловать хочу, да, слава богу, не могу» [4, с. 50] / *Dear old man, I'd like to kiss you but, praised be the Lord, I can't* [20, с. 52]. (Дорогой старец, я бы хотел вас расцеловать, но, слава богу, я не могу).

Из приведенных примеров видно, что переводчик максимально близок к оригинальному тексту, сохраняя тем самым в переводе стилистические приемы оригинального текста, его экспрессивную характеристику. Такой вариант перевода, передающий ироническую форму повествования, способствует более легкому включению англоязычного читателя в атмосферу пограничного мира повествователя, в котором по факту обсуждаются серьезные проблемы.

Еще одной особенностью рассказа является сложная нарративная структура. Во-первых, Достоевский размещает рассказ в главе под названием «Бобок», сопровождая комментарием о том, что не он является автором данного текста, а «совсем другое лицо» [4, с. 41]. Повествователь «Дневника...» как бы самоустраняется, тем самым фиксируя переключение с публицистического на художественный модус повествования.

Во-вторых, помимо вступительного слова повествователя «Дневника...», формально «Записки одного лица» разделены на несколько частей. Первая часть выполняет функцию пролога и посвящена описанию жизни главного героя – Ивана Ивановича. Это некий реалистический план рассказа. В данном фрагменте текста наиболее очевидно представлены отсылки к внетекстовой реальности и культурно-литературному контексту, о которых подробно написал Туниманов: полемика с Л. К. Пянутиным, А. И. Строниным, Н. К. Михайловским, П. Л. Лавровым [4, с. 402]. Связь с текущими фактами действительности является отличительной особенностью жанра фельетона. Неслучаен тот факт, что в письме В. С. Соловьеву от 11 января 1876 г. Достоевский отметит: «Без сомнения, „Дневник писателя“ будет похож на фельетон, но с тою разницею, что фельетон за месяц, естественно, не может быть похож на фельетон за неделю» [21, с. 73]

В следующих частях Иван Иванович рассказывает историю, произошедшую с ним на кладбище, а именно передает подслушанный им разговор мертвых. Это уже фантастический план рассказа, насыщенный элементами готической литературы. Двигаясь от одной части рассказа к другой, читатель будто погружается вместе с рассказчиком под землю на уровень захоронений, а затем, учитывая силу страстей, – в преисподнюю.

Концовка рассказа выполнена в соответствии с канонами «открытого произведения»: рассказ резко обрывается в том месте, когда читатель уже готов услышать все допустимые и недопустимые откровения мертвецов: «И тут я вдруг чихнул. Произошло внезапно и ненамеренно, но эффект вышел поразительный: всё смолкло, точно на кладбище, исчезло, как сон» [4, с. 53]. В этом месте повествователь, несмотря на его явную интенцию прийти еще раз, предоставляет читателю домыслить продолжение истории.

Заключительная часть рассказа, выполняющая функцию эпилога, начинается с упоминания слова «бобок», отсылая тем самым читателя к названию главы в «Дневнике писателя», к идейной линии повествователя «Дневника...». Действительно, языковая презентация мыслей повествователя в данном фрагменте характеризуется большей логичностью и связанностью. Яркая эмоциональная оценка услышанного реализуется в стилистических повторях и восклицательных предложениях. Здесь будто прорывается голос повествователя «Дневника...», его оценка современного ему общества, в котором люди отказываются от последнего милосердия.

Таким образом, архитектура «Бобка» и рассказа «Записки одного лица» имеют принципиальное значение, во-первых, с точки зрения переключения повествовательных модусов с публицистического на художественный, фиксации реалистического и фантастического планов рассказа, олицетворения пути читателя от реального мира живых в преисподнюю. Во-вторых, такая организация позволяет увидеть смысловые переключки и некую смысловую градацию, которая актуализирует в рассказе разные ракурсы прочтения.

Глава «Бобок» в переводе называется *Bobok: notes of a certain man* («Бобок: записки одного/некоего лица»). Комментарии от повествователя «Дневника...» в переводе сохраняются, несмотря на объединение названия главы и непосредственно рассказа. Стоит отметить формальный нюанс оригинала, утраченный в переводе, — переводчик не сохраняет разделение рассказа на части. В переводе многоплановая структура рассказа, отражающая символическое погружение в мир мертвых, ускользает от читателя перевода.

Для иллюстрации нашего предположения о наличии смысловых переключек в разных частях рассказа, которые связаны с идейно-тематическим содержанием произведения, обратимся к анализу таких лексем, как «бобок», «дух» и «мытарства».

Слово «бобок» непосредственно в тексте рассказа появляется в конце пролога, когда главный герой, описывая свое странное состояние, говорит, что иногда слышит странные вещи, голоса: «Бо-

бок, бобок, бобок!» Здесь герой еще не понимает, что означает «бобок», он будто недоумевает и спрашивает сам себя: «Какой такой бобок?» [4, с. 43]. Второе упоминание слова встречается в заключительной части рассказа, которая, как отмечают исследователи [13], является поворотным моментом (перипетией), наиболее напряженной точкой в развитии действия. Один из покойников, Клиневич, расспрашивает, почему они могут говорить, будучи мертвыми. В ответ ему пересказывают предположения «труса-философа» о том, что сознание человека после смерти некоторое время продолжает жить и только лишь потом умирает. «Бобок», таким образом, является последним словом, которое произносят мертвецы, и означает окончательную смерть. Неприятный запах, который ощущают покойники, свидетельствует об их нравственном разложении, однако большинство из них этого не замечают и вместо раскаяния с радостью поддерживают призыв Клиневича «заголиться» и «обнажиться». В этом фрагменте актуализируются темы соотношения в человеке телесного и духовного, нравственного и аморального, вечного и преходящего. «Бобок» как для Ивана Ивановича, так и для читателя одновременно становится и символом смерти, бесплодного зерна, и символом еще теплящейся жизни. Эпилог рассказа открывается следующей фразой: «Нет, этого я не могу допустить; нет, воистину нет! Бобок меня не смущает (вот он, бобок-то, и оказался!)» [4, с. 54]. Здесь Иван Иванович постигает некую тайну, тайну «мертвых», и «бобок» более не вызывает ни страха, ни недоумения.

Для передачи слова «бобок», которое в переводе сохраняется во всех частях рассказа, переводчик использует прием транслитерации. Безусловно, транслитерация затрудняет актуализацию англоязычным читателем заложенных в оригинальном слове значений (небольшое бобовое зернышко), однако такой вариант перевода дает возможность читателю обратиться к оригинальному слову, что является единственно правильным решением ввиду возможной его интерпретации по звуковой форме: отсылка к фамилии писателя Петра Боборыкина, а также к словам «бог», «боб»). На сегодняшний день не существует окончательной расшифровки значения слова «бобок». Следуя логике рассказа, становится очевидным, что герой разгадал некую тайну мертвых, и теперь «бобок» у него не вызывает недоумения. В этом отношении интересным представляется уточнение автора в одном из заключительных фрагментов рассказа, где встречается слово «бобок»:

«Нет, этого я не могу допустить; нет, воистину нет! Бобок меня не смущает (вот он, бобок-то, и оказался!)» [4, с. 54] / «No, I can't

concede it: verily, I can't. Bobok does not confuse me. Here, then, he did prove a bobok!» [20, с. 56] (Нет, я не могу допустить этого: воистину, я не могу. Бобок меня не смущает. Здесь он, действительно, доказал бобок!)

В этой части рассказа (первое предложение пролога) читателю предоставляется возможность домыслить, о какой тайне идет речь и что все-таки подразумевается под словом «бобок». В переводе уточняющая фраза, данная в оригинале в скобках, оформляется отдельным предложением, в котором вводится субъект действия: некий кто-то подтвердил, доказал наличие бобка. В связи с тем, что нет четкого понимания, кто является субъектом действия, подобный перевод приводит к нагнетанию страха, ощущению присутствия необъяснимого и ирреального.

В отличие от слова «бобок» вариант перевода лексем «мытарство» и «дух» во многом зависит от интерпретации переводчика их смыслового содержания. Лексема «мытарство», актуализирующая в сознании русского читателя религиозный ракурс прочтения, также встречается в разных частях рассказа. Впервые данное слово произносит мертвец-лавочник, который пытается узнать у своей соседки, начались ли уже мытарства: *«Матушка, Авдотья Игнатъевна, – возопил вдруг опять лавочник, – барынька ты моя, скажи ты мне, зла не помня, что ж я по мытарствам это хожу, али что иное деется?..»* [4, с. 46] / *Avdotia Ignatievna, dear” – again suddenly shouted the shopkeeper – dear little lady, tell me, forgetting your grudge, why do I have to pass through all sorts of trials, nor is something else?..* [20, с. 48] (Авдотья Игнатъевна, дорогая, – вдруг неожиданно опять закричал лавочник, – дорогая барынька, скажи мне, не помня обид, почему я вынужден пройти через все эти испытания / мучения или это что-то другое?..).

Судя по ответу барыни, лавочник уже не раз обращается к ней с этим вопросом. Он ждет сороковин, чтобы уже быстрее пройти мытарства и предстать перед Судом. В этом отношении использование переводчиком модального глагола *have to* отчасти искажает православное представление о состоянии души после смерти. Лавочник не сомневается в необходимости испытаний, он выражает непонимание абсурда, участником которого он становится. И если в данном фрагменте голос его звучит еще неуверенно, то в заключительной части рассказа, когда Клиневич призывает всех «заголиться и обнажиться», лавочник уже не сомневается, что вокруг него не просто покойники, а падшие духи, препятствующие его восхождению к Богу: *«Ох-хо-хо! воистину душа по мытарствам ходит!»* [4, с. 53] / *Oh, verily, the soul is being dragged*

through sufferings! [20, с. 56] (Ох, воистину душу через страдания проводят).

Так, слово «мытарство» в переводе всегда представлено разными словами: *trials* (тяжелое испытание), *sufferings* (страдания). Оба слова подходят по значению, но при этом ни одно из них не открывает для англоязычного читателя возможности интерпретации текста в религиозном ключе. Несмотря на существующие различия между православием и католичеством в вопросе о загробной жизни, слово «мытарство» нельзя абсолютно точно отнести к категории безэквивалентной лексики. В соответствии с представлениями католической церкви душа после смерти попадает в чистилище, где очищается посредством различных испытаний. В православии нет догмата о чистилище, а есть представление о воздушных мытарствах, которые должна пройти душа на пути к Богу. Безусловно, есть определенная разница между двумя понятиями, но и в православии и в католичестве есть «молитвы за умерших». Именно в этом контексте в православном молитвослове встречается слово «мытарства». В англоязычных католических «молитвах за умерших» в аналогичном значении (посмертное испытание) используется слово *affliction*.

Исследователи не раз обращались к анализу лексемы «душа» в рассказе «Бобок», отмечая ее важность в идейно-тематическом содержании произведения [14]. В рассказе показан уровень нравственного разложения не только мертвых, но и живых. На земле – это живые люди с мертвыми душами, неспособные на искреннее сострадание или чувство светлой грусти («много заметил веселости и одушевления искреннего» [4, с. 43]), среди покойников – души, которые отказываются от последнего милосердия, от последней возможности на спасение и вечную жизнь. Однако наше внимание сосредоточено на лексеме «дух», которое, с одной стороны, входит в семантическое поле слова «душа», а с другой стороны, в отличие от слова «душа», встречается практически в каждой части рассказа и, таким образом, является ключевым элементом смысловой градации.

Впервые данное слово появляется при описании Иваном Ивановичем кладбища: «Во-первых, дух. Мертвецов пятнадцать наехало. <...> Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом» [4, с. 43] / *To begin with – the atmosphere. Some fifteen corpses arrived together. <...> But the atmosphere! The atmosphere! – I wouldn't like to be a clergyman there* [20, с. 45] (В первую очередь – атмосфера. Около пятнадцати покойников приехало. <...> Но атмосфера! Атмосфера! – Я бы не хотел быть здесь священником).

В данном фрагменте за счет каламбура обыгрывается несколько значений слова «дух»: 1) духов-

ные и религиозные знания, переживания, внутренняя сила; 2) воздух, дыхание, запах; 3) бесплотное существо. Очевидно, что с самого начала рассказа повествователь актуализирует в сознании читателя оппозицию «телесное – духовное», которая усложняется в ходе развития художественного действия оппозициями «нравственное – безнравственное», «вечное – преходящее». При этом контекст, в котором используется лексема «дух», актуализирует в его семантическом поле два противоположных значения: дух как дыхание, дыхание Бога – символ жизни и дух как тлетворный запах. Вводя в самом начале истории такой каламбур, рассчитанный на юмористический эффект, повествователь в то же время задает два направления развития событий как для героев рассказа, так и для читателя вообще: выбор в сторону Бога или нравственного разложения. В качестве эквивалента к слову «дух» переводчик использует слово *atmosphere*, в семантическое поле которого входят значения обстановки и запаха. Таким образом, в переводе исключается возможность интерпретации фрагмента в духовно-религиозном ключе. Не удастся переводчику передать и созданный на основе многозначности слова «дух» каламбур. В переводческой практике передача игры слов считается наиболее сложной задачей. При невозможности найти подходящее слово для перевода, обладающее таким же семантическим потенциалом, можно прибегнуть к приему компенсации – применить стилистический прием в другом фрагменте произведения, когда появится возможность с целью сохранения стилистического своеобразия оригинального текста, что и удастся переводчику в следующем фрагменте.

Концентрированно лексема «дух» появляется во второй части рассказа, в том месте, где лавочник расспрашивает барыню про мытарства: «– *Ах, он опять за то же, так я и предчувствовала, потому слышу дух от него, дух, а это он ворочается! <...> – а вот вы, барынька, так уж тронулись, – потому дух действительно нестерпимый <...>*» [4, с. 46] / *Ah, he's at it again. I had a presentiment, because I scented his spirit – yes his spirit; it is he who tosses around! <...> but you, little lady, you are beginning to taint – since your odor is unbearable <...>* [20, с. 48] (Ах, он опять за свое. Я так и предчувствовала, потому что я ощущала запах его / запах спирта. Это именно он, кто здесь ворочается! <...> а вы, барыня, начинаете разлагаться, так как вонь от вас невыносимая). Здесь актуализируется значение неприятного и нестерпимого запаха. При этом за счет упоминания лавочником мытарств религиозная (духовная) линия прочтения фрагмента (путь в сторону Бога) по-прежнему сохраняется. Далее в соответствии с развитием событий слово «дух», несмотря на то что контекст остается прежним

(мертвецы выясняют, почему они могут чувствовать этот неприятный запах), заменяется эмоциональным, стилистически окрашенным словом «вонь», в семантическом поле которого уже нет «духовной составляющей». В итоге в той точке, которую исследователи называют перипетией рассказа, достигается кульминация, когда герои находятся в последнем моменте противостояния с самими собой, в ситуации последнего выбора, о чем свидетельствует и структура рассказа, и включение в текст значимых идиоглоссов в определенной последовательности, отражающей нарастание смысловой значимости.

В семантическом поле слова *spirit*, который использует переводчик в качестве эквивалента к слову «дух», нет значения «запах», вероятно, именно поэтому в непосредственной близости к этому слову используется глагол *scent* – ощущать запах. В таком лексическом окружении есть вероятность утраты аллюзии к библейскому тексту, в котором слово *Spirit* (написание с заглавной буквы) используется в значении «Святой Дух». При этом выбор данного слова для передачи слова «дух» позволяет переводчику создать стилистический прием «игра слов», актуализируя несколько значений *spirit* (спирт, призрак), усилить юмористический эффект фрагмента и передать стилистическое своеобразие рассказа.

Анализ приведенных примеров демонстрирует отсутствие единообразия при передаче ключевых идиоглоссов произведения, что является одним из обязательных условий при сохранении в переводе смысловой градации, которая всегда сопровождается семантическими повторами и четкой структурой.

Помимо выявленных особенностей, в переводе также наблюдается тенденция к исправлению грамматических ошибок героя, неполные предложения (особенно, если в них есть неоднозначные слова), характерные для сказовой формы повествования, чаще передаются как полные: 1) «*Семен Ардальонович третьего дня мне как раз: <...>*» [4, с. 41] / *The day before yesterday Semen Ardalionovich asked me* [20, с. 43] (Позавчера Семен Ардальонович спросил меня); 2) «*Покойник добывал, ну а теперь – пенсионишка. Подождут хвосты*» [20, с. 45] / *The deceased had been earning, but now there is only a miserable pension. They will have to cut down* (Покойник зарабатывал, а сейчас есть только мизерная пенсия/пособие. Им придется сократить расходы).

В переводе, таким образом, частично уходит фрагментарность, обрывистость, ситуативность речи героя. Переводчик домысливает за читателя, лишая тем самым его собственного угадывания намерения текста и погруженности в игру с автором.

Безусловно, в отдельных фрагментах подобная установка Бразоля объясняется стремлением передать оригинальное предложение в соответствии с грамматическими нормами языка перевода, но есть примеры, когда такая позиция искажает оригинальный замысел и, возможно, открывает новый вариант прочтения: «*Вот, ваше превосходительство, сегодня действительного тайного советника Тарасевича схоронили. Я по голосам узнал. Племянник его мне знаком, давеча гроб опускал*» [4, с. 41] / *Today, your excellency, Privy Councilor Tarasevich was buried. I found it out through the voices. I am acquainted with his nephew; recently he helped me to take down the casket* [20, с. 49] (Сегодня, ваше превосходительство, члена тайного совета² Тарасевича похоронили. Я узнал это по голосам. Я знаком с его племянником; недавно он помогал мне опускать гроб).

Эти слова принадлежат чиновнику, надворному советнику, как определил по его голосу повествователь. Он торопится выслужиться, сообщить генералу, что недавно похоронили тайного советника. Узнал он это, так как знает его племянника, который опускал гроб. В переводе наблюдается нарушение смысла: племянник помогал ему, уже мертвому, опускать гроб. Очевидно, что такой перевод окончательно запутывает читателя и способствует усилению сатирико-юмористической линии рассказа.

Заключение

Можно сделать вывод о том, что англоязычный перевод рассказа «Бобок», опубликованный в Америке, отчасти является отражением культурных и литературных процессов США середины XX в.: период глубокого духовного кризиса, который привел к расцвету произведений черного юмора как адекватному способу интерпретации окружающего мира и происходящих в нем событий. Переводческая интерпретация рассказа «Бобок» в русле про-

изведения черного юмора, таким образом, является маркером этапа «пассивного насыщения» [22, с. 269] американской культуры подобными текстами, за которым последовал закономерный этап расцвета поэтики и эстетики черного юмора в период с 1950–70-х гг.

Отсутствие в переводе эксплицитно обозначенной сложной структуры рассказа в совокупности с игнорированием принципа единообразия в выборе эквивалентов для передачи ключевых лексем, а также выявленные стилистические, тематические и семантические сдвиги приводят к изменению конститутивных признаков оригинального текста. Несмотря на отмеченное нами стремление переводчика передать текст оригинала в соответствии с грамматическими нормами языка перевода, рубленая повествовательная манера Ивана Ивановича, отражающая его болезненное состояние, сохраняется. На этом фоне приведенные примеры домысливания переводчиком оригинального текста усиливают линию сумасшествия повествователя, его пограничного состояния, добавляют хаос и алогичность. При этом переводчик максимально старается передать стилистическое своеобразие рассказа, сохранить сатирико-юмористическую линию произведения. В то же время отсутствие в переводе заданных в оригинале рамок для истолкования заложенных в тексте смыслов нивелирует жанровую синтетичность рассказа «Бобок», следовательно, можно говорить о смещении тематических акцентов. В англоязычном переводе Бразоля многоплановый рассказ «Бобок», затрагивающий вопросы религии и веры, изображающий человека на грани, в состоянии экзистенциального выбора, в поиске ответов на онтологические вопросы, предстает в виде произведения черного юмора, с максимальным сохранением стилистического рисунка произведения, с акцентом на ирреальном и мистическом и нивелированием философско-религиозной линии произведения.

Список источников

1. Журнальное обозрение // Дело. 1873. № 12. С. 100–121.
2. Мочульский К. В. Ф. М. Достоевский: жизнь и творчество. Paris: YMGA-Press, 1980. 565 с.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 480 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Т. 21. 1976. 552 с.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, 2019. 415 с.
6. Тихомиров Б. Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // Известный Достоевский. Т. 3, № 3. С. 92–127.
7. Луцкая Н. Н. Фельетон в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 152 с.
8. Рева Е. К. Жанр фельетона в творчестве Ф. М. Достоевского (поэтика внутрижанровых связей): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2009. 167 с.
9. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 208 с.
10. Хмелевский А. С. Готика в русской классической прозе // Москва. 2019. Октябрь. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_2221.html (дата обращения: 30.07.2022).

11. Syskina A. A., Matveenko I. A. The Gothic Tradition in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations, 1849–1860 // *Gothic Studies*. 2021. № 23.3. P. 263–279.
12. Кантор В. К. Какие сны приснятся в смертном сне, или Жизнь в смерти // *Вопросы философии*. 2014. № 5. С. 65–72.
13. Милнер-Галланд Р. Что происходит в рассказе «Бобок»? // *Вопросы литературы*. 2012. № 4. С. 293–312.
14. Серебряков А. А., Сычева Е. О. Рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок» в метатексте литературы // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 4. С. 187–193.
15. *The World of Black Humor*. N. Y.: E. P. Dutton & Co., 1967. 350 p.
16. Weber B. The mode of «black humor» // *The Comic Imagination in American Literature*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1973. P. 36–371.
17. Лаврентьев А. И. «Черный юмор» в американском романе 1950–70-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 169 с.
18. Bier J. *The Rise and Fall of American Humor*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. 506 p.
19. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 606 с.
20. Dostoevsky F. M. *The Diary of a writer*. Translated and annotated by Boris Brasol. Salt Lake City: Peregrine Smith books, 1985. 1097 p.
21. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 2. 376 с.
22. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

References

1. Zhurnal'noye obozreniye [Journal review]. *Delo*, 1873, no. 12, pp. 100–121 (in Russian).
2. Mochul'skiy K. V. F. M. *Dostoyevskiy: zhizn' i tvorchestvo* [F. M. Dostoevsky: his life and work]. Paris, YMGA-Press Publ., 1980. 565 p. (in Russian).
3. Belyy A. *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma: v 2 tomakh. Tom 1* [Critics. Esthetics. Theory of Symbolism: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Iskustvo Publ., 1994. 480 p. (in Russian).
4. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh* [Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., Vol. 21. 1976. 552 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2019. 415 p. (in Russian).
6. Tikhomirov B. N. *Dostoyevskiy i traktat E. Svedenborga "O nebesakh, o mire dukhov i ob ade"* [Dostoevsky and Svedenborg's book "Heaven and Hell"]. *Neizvestnyy Dostoyevskiy. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 92–127 (in Russian). DOI 10.15393/j10.art.2016.2801
7. Lutskeya N. N. *Fel'yeton v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo. Dis. kand. filol. nauk* [Feuilleton in Dostoevsky's writings. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1982. 152 p. (in Russian).
8. Reva E. K. *Zhanr fel'yetona v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo (poetika vnutrizhanrovykh svyazey). Dis. kand. filol. nauk* [Genre of feuilleton in F. M. Dostoevsky's creative writing. Diss. cand. philol. sci.]. Penza, 2009. 167 p. (in Russian).
9. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoyevskogo: tipologiya i poetika* [Dostoevsky's system of genres: typology and poetics]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1985. 208 p. (in Russian).
10. Khmelevskiy A. S. *Gotika v russkoy klassicheskoy proze* [Gothic style in Russian classical prose]. Moscow, 2019. October (in Russian). URL: https://moskvam.ru/publications/publication_2221.html (accessed 30 July 2022).
11. Syskina A. A., Matveenko I. A. The Gothic Tradition in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations, 1849–1860. *Gothic Studies*, 2021, no. 23.3, pp. 263–279.
12. Kantor B. K. Kakiye sny prisnyatsya v smertnom sne, ili Zhizn' v smerti [What death dreams can be seen, or life in death]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 5, pp. 65–72 (in Russian).
13. Milner-Gulland R. Chto proiskhodit v rasskaze "Bobok"? [What happens in a short story "Bobok"?]. *Voprosy literatury*, 2012, no. 4, pp. 293–312 (in Russian).
14. Serebryakov A. A., Sycheva E. O. Rasskaz F. M. Dostoyevskogo "Bobok" v metatekste literatury [F. M. Dostoevsky's story "Bobok" in metatext of literature]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 187–193 (in Russian).
15. *The World of Black Humor*. N. Y., E. P. Dutton & Co., 1967. 350 p.
16. Weber B. *The mode of "black humor"*. *The Comic Imagination in American Literature*. New Brunswick, Rutgers Univ. Press, 1973. P. 36–371.
17. Lavrent'yev A. I. *"Chernyy yumor" v amerikanskom romane 1950–70-kh gg. Dis. kand. filol. nauk* ["Black humor" in American novel of 1950–70th. Diss. cand. philol. sci.]. Izhevsk, 2004. 169 p. (in Russian).
18. Bier J. *The Rise and Fall of American Humor*. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1968. 506 p.
19. Mochul'skiy K. V. *Gogol'. Solov'yov. Dostoyevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 606 p. (in Russian).

20. Dostoevsky F. M. *The Diary of a writer*. Translated and annotated by Boris Brasol. Salt Lake City, Peregrine Smith books, 1985. 1097 p.
21. Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh* [Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 198. Vol. 29. Book 2. 376 p. (in Russian).
22. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2004. 704 p. (in Russian).

Информация об авторе

Коротченко Т. В., кандидат филологических наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Korotchenko T. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 01.08.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА-РЕБЕНКА В КНИГЕ В. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

Анна Владимировна Насонова¹, Елена Александровна Полева²

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ sturova@tspu.edu.ru

² poleva@tspu.edu.ru

Аннотация

В. Астафьев в автобиографической книге «Последний поклон» художественно осмысляет тему детства, что уже было отмечено исследователями. Однако литературоведы, как правило, концентрируются на анализе образа центрального персонажа. На наш взгляд, представления писателя о детстве проявляются и через образы второстепенных персонажей-детей, отношения с которыми раскрывают своеобразие автобиографического героя.

Цель исследования – проанализировать приемы создания образов детей в книге «Последний поклон».

Материал исследования – рассказы из книги «Последний поклон», повествующие о взаимоотношениях двух персонажей – Вити и Саньки. Методологической базой исследования являются работы по поэтике психологизма, автобиографической прозе М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, А. П. Скафтымова, А. Б. Есина. Используется структурно-семиотический подход к анализу образа персонажа.

В основе создания образов Вити и Саньки – приемы психологизма (портретирование, поведенческие реакции в конфликтных или кризисных ситуациях, передача внутреннего состояния через диалогическую речь и внутренние монологи). Вместе с тем В. Астафьев использует элементы интертекстуальности, позволяющие соединить в поэтике персонажей социально-бытовую конкретику автобиографического повествования с условно-символическим обобщением (в рассказе «Конь с розовой гривой» используется библейский мотив искушения, в рассказе «Ночь темная-темная» – сюжет инициации).

В книге «Последний поклон» рассказы о Вите и Саньке представляют определенный метасюжет, в котором динамика образов мальчиков обусловлена процессом их взросления, становления личности. Особенно ярко изменения проявляются в образе Саньки. Если в «Коне с розовой гривой» он выступает в роли трикстера-искусителя по отношению к автобиографическому герою, то в «Фотографии, на которой меня нет» способен отказаться от своих интересов ради поддержки школьного товарища.

Ключевые слова: В. Астафьев, образ ребенка, художественный прием, автобиография, русская литература XX в.

Для цитирования: Насонова А. В., Полева Е. А. Приемы создания образа персонажа-ребенка в книге В. Астафьева «Последний поклон» // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2023. Вып. 1 (225). С. 113–122. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

TECHNIQUES FOR CREATING THE IMAGE OF A CHILD CHARACTER IN THE STORIES OF V. ASTAFYEV'S BOOK "THE LAST BOW"

Anna V. Nasonova¹, Elena A. Poleva²

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ sturova@tspu.edu.ru

² poleva@tspu.edu.ru

Abstract

In the autobiographical book "The Last Bow" V. Astafiev artistically comprehends the theme of childhood, which has already been noted by researchers. However, literary scholars, as a rule, concentrate on the analysis of the image of the central character and his grandmother. In our opinion, the writer's ideas about childhood are also manifested through the images of secondary characters-children, relations with which reveal the originality of the autobiographical hero.

The purpose of the study is to analyze the techniques for creating images of children (Vitya and Sanka) in the book "The Last Bow".

Material and methodology of the study. The material of the study is the stories of the book "The Last Bow", which tell us about the relationship between two characters – Vitya and Sanka. The methodological basis of the study is the works on psychologism poetics, autobiographical prose by M. M. Bakhtin, L. Ya. Ginzburg, A. P. Skaftymov, A. B. Esin. A structural-semiotic approach is used to analyze the image of a character.

The creation of images of Vitya and Sanka is based on psychologism techniques (portraiting, behavioral reactions in conflict or crisis situations, the transfer of an internal state through dialogic speech and internal monologues). At the same time, V. Astafiev uses elements of intertextuality, which make it possible to combine the social and everyday specifics of an autobiographical narrative with a conditionally symbolic generalization in the characters' poetics (in the story "The Horse with a Pink Mane" the biblical motif of temptation is used, in the story "Dark Dark Night" – robinsonade plot, which implies self-determination in the conditions of being on an island).

In the book "The Last Bow", the stories about Vitya and Sanka represent a certain meta-plot in which the dynamics of the images of boys is determined by the process of their growing up, of formation of their personalities. The changes are especially showed in the image of Sanka. If in "The Pink-Maned Horse" he acts as a trickster-tempter in relation to the autobiographical hero; then in "The Photo I'm Not In" he is able to give up his interests in order to support a school friend.

Keywords: V. Astafiev, image of a child, artistic technique, autobiography, Russian literature of the 20th century

For citation: Nasonova A. V., Poleva E. A. Priomy sozdaniya obraza personazha-rebenka v knige V. Astaf'yeva "Posledniy poklon" [Techniques for Creating the Image of a Child Character in the Stories of V. Astafyev's Book "The Last Bow"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 113–122 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-113-122>

Введение

Писатели онтологической прозы, к которым причисляют и В. П. Астафьева [1, с. 72], во второй половине XX в. обратились к осмыслению основ формирования личности человека, тех ресурсов, которые дает крестьянскому ребенку природная и социокультурная среда. «Последний поклон» – книга, над которой В. П. Астафьев работал, дополняя, совершенствуя, перестраивая композицию расположения рассказов, с 1957 по 1991 г. [2], что свидетельствует о ее значимости для писателя.

«Последний поклон» в критике и литературоведении однозначно рассматривается как художественная автобиография о детстве писателя и памятных для него событиях жизни [3]. Центральный персонаж книги – Витя Потылицын, оставшийся после смерти матери на попечении бабушки Катерины Петровны. Сквозным персонажем в рассказах, связанных с периодом детства, является Санька – сын дяди Левонтия и тетки Васени, живущих в деревне Овсянка по соседству с бабушкой. Образ Саньки интересен в контексте темы статьи, так как в систему персонажей книги он вводится как антагонист Вити.

Цель исследования – проанализировать приемы создания образов детей в книге «Последний поклон».

Материал и методы

Материалом анализа являются рассказы книги «Последний поклон», в центре сюжета которых – персонажи Витя и Санька: «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Ночь темная-темная», «Фотография, на которой меня нет» и др. [4].

Предполагается изучение рассказов в порядке их расположения в книге, что позволит проследить динамику образов.

Методологическая основа исследования – работы по поэтике автобиографической прозы и психологизма М. М. Бахтина, А. П. Скафтымова, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есина [5–8]. Статья является продолжением изучения темы детства в прозе писателей онтологического реализма (В. Астафьева, В. Распутина), представленного в работах Е. А. Полевой [9–12].

М. М. Бахтин, объясняя механизмы эстетического завершения образа другого, замечает, что оно возможно в автобиографии за счет большой временной дистанции между воссоздаваемым прошлым и временем повествования о нем. Однако образ автобиографического героя имеет свою специфику: «...его активность уходит в наблюдение и рассказ» [5, с. 142], он дан в переживании опыта, тогда как другие персонажи, по сравнению с ним, более четко портретно и событийно-действенно оформлены. В. Астафьев использует в «Последнем поклоне» перволичное повествование, однако я рассказчика проявляется в двух разных позициях: автобиографического героя-ребенка и взрослого, который вспоминает о детстве соотносит с полученным позднее жизненным опытом. Точки зрения и ребенка и взрослого могут сливаться в одном фрагменте или быть разведены. Я-повествование, передающее точку зрения автобиографического героя-ребенка, выражает непосредственное психоэмоциональное восприятие событий; я-повествование, фиксирующее точку зрения автобиографического героя-взрослого, вносит рефлек-

сию, выводящую к художественному обобщению конкретного опыта.

Исследователи многократно доказывали, что В. Астафьев использует приемы психологизма для создания образов персонажей [13, 14]. В общем виде под психологизмом понимается «изображение психики персонажа» во взаимосвязи «с данным моментом, социальной и бытовой обстановкой» (А. П. Скафтымов) [6, с. 165], создается «с помощью специфических средств художественной литературы» (А. Б. Есин) [8]. М. Л. Бердикова констатирует проявление «психологического мастерства» писателя в «Последнем поклоне» во введении «психологического жеста, психологизированного описания, психологической характеристики, подтекста» [14].

Л. Гинзбург, анализируя случаи, когда художественный текст вырастает из документального или автобиографического материала, пишет: если события автору даны, «он должен раскрыть в них латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений, тем самым превращая их в знаки этих обобщений. <...> И в факте тогда пробуждается эстетическая жизнь...» [7, с. 11]. Поэтому при изучении художественной автобиографии важно выделять два уровня семантизации событий и образов: конкретный психологический, социально-бытовой и философский, условно-метафорический. Верно подметил Им Ен Им, что герой-рассказчик в «Последнем поклоне» не только описывает «самого себя, чужие характеры, ситуации, конфликты... но и, пропустив всю сложность бытия сквозь свое сердце, вносит лирический и философский тон...» в повествование [13].

Теме детства в творчестве В. Астафьева посвящены несколько локальных работ (А. Н. Мешалкина, Н. Д. Жуковой и Ю. И. Витык, Н. В. Уминовой [15–18]), в которых отмечается значимость мотивов сиротства, духовно-нравственного воспитания, анализируется наследование писателем традиций философско-психологической художественной прозы второй половины XIX в. Основное внимание литературоведы уделяют образу Вити и его бабушки. Нам представляется, что исследование художественной концепции детства в книге В. Астафьева должно быть дополнено анализом образа детей, окружающих автобиографического героя. Предмет исследования в этой статье – образ Саньки и его роль в раскрытии своеобразия центрального персонажа.

Результаты и обсуждение

Впервые образ Саньки вводится в рассказ «Конь с розовой гривой» через описание общих поведенческих черт всех левонтьевских ребятшек с двух точек зрения: мальчика Вити, непосред-

венно переживающего отношения с ними, и рассказчика-взрослого, с позиции «внеаходимости» описывающего семейный уклад и обстоятельства, обусловившие поведение детей. Эти точки зрения часто сливаются, так как представляют сознание одного субъекта. В описании соседского дома подчеркивается отсутствие границ, отделяющих дом от остального мира: «Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами – ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни» [4, с. 47]. Отмечается социально-бытовая необустроенность их жизни, подчиненность изменчивому настроению отца. Левонтий, работающий на заготовке, два раза в месяц получал расчет и устраивал «пир горой», остальное же время жена и дети жили впроголодь. Эти обстоятельства определяют поведение и мироощущение левонтьевских детей. У них размыты представления о границах дозволенного/недозволенного, с одной стороны, они интегрированы в уличную жизнь, свободны, но, с другой стороны, не защищены, вынуждены сами выживать: «Танька Левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всем ихнем заведении: „Зато как папа шурунет нас – бегишь и не запнешша!“» [4, с. 49].

Витя, с тоской глядя на соседский дом, завидуя вольности жизни, не понимает тяготы ребят. Он оценивает их хитрость и уверенность в себе, но не осознает, что такие качества необходимы им для выживания. Это понимание привнесено рассказчиком: «Левонтьевские ребята умели пропитаться „от земли“, ели все, что Бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом» [4, с. 55]. Образы детей в рассказе детерминированы социальной средой.

При всей настороженности Вити в общении с «левонтьевскими» они составляют ближайший круг его общения, более того, к дяде Левонтию мальчик испытывает привязанность («...я любил его» [4, с. 49]), чувствуя, что жесткость характера в нем и его семействе соединяется с добротой, способностью к состраданию. Автор использует многочисленные метафорические определения соседских детей, в которых сливается ирония и уважение («боевое семейство», «левонтьевские орлы», «могучий хор», «братья богатырские», «левонтьевская орда», «орлы боевые» [4, с. 48, 51, 55]).

В рассказе все дети соседа Левонтия, кроме Саньки, даны общим планом. Повествователь даже не уточняет, сколько их было. Упоминается не названный по имени «старший» и Танька, образ которой создается только одной портретной и речевой деталью – шепелявостью из-за отсутствия зубов (что косвенно указывает на дошкольный или младший школьный возраст). Про остальных известно, что их много и они младше Саньки, второго

ребенка в семье: «Малые его братья и сестры...» [4, с. 54]. То есть дети в речи рассказчика не индивидуализированы, их упоминание служит созданию общего образа семьи «пролетарьев». Санькин же портрет дан детально, подробно, что указывает на его значимость в наррации: «Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее других левонтьевских ребят» [4, с. 51]. Такой нелюбимый вид имеет конкретно-бытовое объяснение. В рассказе «Монах в новых штанах» рассказчик вспоминает: «Санька как-то полез разорять гнездо... не удержался... наделся он рубахой на сук. <...> У Саньки с тех пор красные глаза, говорят, кровь налилась» [4, с. 76]. Но в «Конь с розовой гривой» это объяснение отсутствует, зато внешний вид мальчика соотносится с образом нечистой силы, «беса», как его Витька и называет [4, с. 53].

В завязке рассказа «Конь с розовой гривой» главный герой Витя вместе с Левонтьевскими ребятами отправляется «на увал по землянику», после продажи которой бабушка обещает внуку купить «пряник конем». Левонтьевские дети съедают свои ягоды во время сбора, а затем Санька провоцирует на подобный поступок и Витю.

Уже отмечалось, что сюжет рассказа движут мотивы искушения и раскаяния [12]. Санька выступает в качестве умелого манипулятора, искусителя, а Витя – искушаемого. Эти роли проецируют бытовую ситуацию на архетипический библейский сюжет грехопадения, выводя к условно-метафорическому обобщению (подробнее об этом [12]), а на сюжетно-фабульном уровне обусловлены возрастными и психологическими особенностями детей: Витя младше Саньки, на что есть косвенные указания. Санька, когда нет «старшего», остается вместо него, а Витя сопоставлен с малышами («Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей» [4, с. 46]). Живя под покровительством бабушки, Витя сохраняет детскую наивность, непосредственность, доверчивость. Ему не хватает смекалки левонтьевских, их напора, поэтому он легко становится объектом искушения.

Санька, с одной стороны, воспринимается Витей как тот, от кого можно ждать подвоха, подлости. Обрадовавшись чужому горю, Санька радостно «заржал»: «Задаст тебе Катерина Петровна, задаст!», «Мы-то свою нарочно съели, нам-то что?» [4, с. 55]. С другой стороны, его независимость, храбрость, смекалка, способность принимать решения, брать на себя ответственность, повадки вызывают уважение и даже зависть: «...мы были без ума от этой Санькиной дырки (между передними зубами. – А.Н., Е.П.). Как он в нее цыкал слюной!» [4, с. 54].

Если в ситуации искушения Вити раскрывается «бесовская» сторона личности Саньки, то в эпизоде на рыбалке он проявляет положительные черты характера. Становится ответственным и важным, деятельным и по-житейски грамотным: «...был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уж не задирался зря и, мало того, усмирлял „народ“, если тот начинал „свалку“» [4, с. 55]; благородным – сначала детей накормил пойманной рыбой, затем ел сам. Он способен задавать правила, держать границы: «...Санька жарит рыбу, теперь уже себе, теперь его черед, и тут уж проси не проси – могила» [4, с. 58]. В. Астафьев уходит от линейной, однозначной трактовки личности Саньки, формирующейся под влиянием многих факторов (социальных и психологических).

Вне зоны понимания автобиографического героя-ребенка в этом рассказе остается неосознаваемая и самим Санькой зависть к нему, благодаря бабушке всегда сытому, обустроенному в быту. Это чувство не называется в наррации, но может быть реконструировано из поведения Саньки, объясняет его поступки. После того как Витька признается, что за свой труд получит «пряник конем», «левонтьевский орел» «что-то смекнул», начал провокацию. В Санькиной иронии («Может, кобылой?» [4, с. 51]) и стратегии сделать так, чтобы Вите пряник не достался, проявляется зависть, так как ему о подарке от родителей мечтать не приходится. Понимание, что Санькиным поведением движет зависть, возникает позднее, когда Витя станет старше (рассказ «Монах в новых штанах»: «Завидно потому что Саньке – сам-то сроду не нашивал новых валенок, штанов...» [4, с. 80]).

В Саньке соединены неосознаваемые, инстинктивные проявления низменных человеческих черт и тяга к идеалу, авторитету. Его кривляния, пародийное изображение Катерины Петровны имеют целью вывести Витю из себя, подогреть в нем внутреннее сопротивление правилам, устанавливаемым бабушкой. Он провоцирует Витю пойти на сделку с совестью, используя экспрессивно-оценочную лексику: «трус», «жадный», «слабо», называет «поганым словом». Однако, снижая в трагическом поведении культурные нормы, он одновременно их транслирует: «Ой, дитятко мое! – принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. – Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособи-ил. – И подмигнул мне бес Санька, и помчался вниз с увала, домой» [4, с. 53]. Подросток иронизирует над страхом Вити перед бабушкой, хотя сам, не боящийся даже чертей и домовых, не хочет попадаться Катерине Петровне на глаза, опасается.

Кривлянье мальчика и его пародирование бабушки в рассказе семантически соответствует

двойственному отношению трикстера к «культурному герою». Е. М. Мелетинский пишет: «Отрицательный вариант К. г. обычно неумело подражает брату-близнецу, положительному К. г. <...> Отрицательный близнец наделяется одновременно демоническими и комическими чертами. Когда у К. г. нет брата, то часто ему приписываются различные проделки, некоторые из них даже являются пародийным переосмыслением его же собственных серьезных деяний...» [19, с. 26]. В литературе, в отличие от мифа, пара «культурный герой – трикстер» может воплощаться в самых разных образах героев. У В. Астафьева – в паре бабушка и Санька. Отметим, что в рассказе «Ночь темная-темная», повествующем о мальчиках в более старшем возрасте, отчетливо проявляется отношение Саньки к бабушке как к человеку, который задает непререкаемые правила, вызывает уважение. Здесь же Санька выступает в роли трикстера, ее «комического дублера» (Е. М. Мелетинский). Его образ может быть поставлен в один ряд с другими персонажами-трикстерами в детской литературе, выделенными М. Липовецким («к „чистым“ трикстерам относились Буратино, Незнайка, Гудвин, Сыроежкин из „Электроника“...» [20, с. 8] и др.).

Природа трикстера объясняет неоднозначность образа Саньки. Он искуситель и драчун, но в то же время смел, силен и хитер, может постоять за себя, подраться, не боится забежать дальше всех в холодную, темную пещеру, «где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила» [4, с. 54], а вернувшись из нее, он хвалится: «Я бы дальше побег... да босый, а там змеев гибель» [4, с. 54].

Санька способен проявить сочувствие: «„Ты чего нюнишь?“ – наклонился ко мне Санька с озабоченным видом», «...утешил меня Санька» [4, с. 56]. Однако и его искренние попытки помочь советом недействительны, так как, исходя из своего опыта, он не может предложить иные варианты, кроме как обмануть, притвориться, манипулировать. Эти способы действий не годятся для примирения с бабушкой, и Витя их отрицает в конечном счете. Общение с трикстером, представляющим в перевернутом варианте ценности, транслируемые бабушкой, создают условия для самоопределения автобиографического героя: в противостоянии с Санькой Витя совершает свой выбор. Отказ слушаться Саньку наметит его путь от, условно говоря, грехопадения к раскаянию, что приведет к прощению бабушкой.

В рассказе «Монах в новых штанах» мальчики показаны в иных, чем в предыдущем рассказе, возрастных ролях: Вите почти 8 лет, он находится в ожидании Первомая, праздника, совпавшего с днем рождения. С одной стороны, он еще чувствует себя маленьким (перебирая картошку, думает о

своей смерти и том, как после нее все будут сожалеть, что оставили «ребенка одного»), но в соседнем предложении отмечает, что он «уже не ребенок» [4, с. 62]. Санька, судя по тому, что он взят дедушкой Вити на заимку в качестве помощника, в подростковом возрасте. Он считает себя умнее, сильнее, ловчее младшего товарища, но в кризисной ситуации не справляется, проявляет детскость, страх, растерянность.

В. Астафьев использует прием контраста в описании внешнего вида двух персонажей для объяснения психологической основы поступков Саньки. Внук явился к деду на заимку в новых штанах, сапогах «с новыми союзками» [4, с. 80], Санька встретил его «подстриженный дедушкой, в заштопанных штанах и рубаше... тоже починенных дедушкой» [4, с. 84]. Санька, исходя из своего социального опыта и личностных качеств, не способен испытать радость за другого, у него возникает зависть, которая вкупе с острым и быстрым умом обеспечивает воплощение его коварного плана – он заманивает Витю в западню. Однако последствия своих действий подросток просчитать не может: Витя увязает в трясине и может погибнуть, поэтому глумление в поведении Саньки сменяется страхом и отчаянием из-за понимания реальной угрозы жизни Вити и ограниченности своих сил, чтобы исправить ситуацию. Вместо ощущения власти над другим возникает растерянность.

Отношения соперничества и противостояния Саньки и Витьки раскрывают специфику характера каждого. Санька неожиданно открывает свою уязвимость (страдает от своей злой выдумки в итоге он сам), а Витя – твердость духа. Он, понимая, что может утонуть, отказывается от помощи своего «погубителя», ставя его в зависимое положение: «Санька завыл, заругался... бросился выдергивать меня из грязи» [4, с. 82]. При этом не только Санька ругается, Витька прямо называет его «гадом», «гадиной», а про себя «змеем», чего он себе не позволял ранее (в рассказе «Конь с розовой гривой» подчеркивал, что стеснялся употреблять «поганые» слова). В. Астафьев фиксирует изменение внутреннего состояния обоих мальчиков. У Саньки злорадство («Санька бесновался вверху надо мною» [4, с. 82]) сменяется злостью, смешанной с испугом и стремлением исправить ситуацию, а затем отчаянием. Причем переход к отчаянию детализируется через речевую характеристику: вначале Санька ругался, «как пьяный мужик», затем зашептал, умоляя, «потом закричал несвоим голосом, потом помчался к заимке: „Не па-ада-а-ай, миленький“...» (сохранена авторская орфография. – А. Н., Е. П.) [4, с. 83]. Витька же вначале разочарован, что вновь «попался на уду», но затем принимает решение сохранять в этой унижительной ситуации

достоинство (вначале молчит, не отвечает Саньке, затем буквально командует им, говоря, что нужно делать: «Иди за дедушкой, гад!» [4, с. 83]).

Противостояние мальчиков детализировано не только через речь, но и через невербальное поведение. Понимая опасность ситуации, которая случилась по его вине, Санька заискивает, пытается встретиться глазами с товарищем, помочь, протягивает руку. Витя же «глядел мимо него», не отвечал на его вопросы, не подал руку, не принял помощь и ощутил ответное злорадство, превосходство: «Так тебе, змею, и надо!» [4, с. 83]. Витя иллюзорно является хозяином положения: он мстит Саньке, подвергая свою жизнь риску. Но экзистенциально его отказ от коммуникации со своим «погубителем» меняет их роли: Санька чувствует себя зависимым, уязвимым. Несмотря на всю свою кажущуюся взрослость, собственная шалость привела подростка к растерянности, когда он перестал справляться с ситуацией.

В рассказе «Монах в новых штанах» значимое место в наррации занимает описание природного мира. Витя впервые один идет из деревни на заимку к дедушке. Оказавшись без надзора со стороны взрослых, он сам выбирает темп движения, останавливается, чтобы налюбоваться сибирской природой, собирает букет. Отношение мальчишек к «цветочкам» обусловлено не столько возрастными, хотя и этот момент присутствует в оценочных суждениях (ромашки – для маленьких), сколько личностными особенностями детей. Витя воспринимает природу как храм, в котором постигается «необъятность мира» [4, с. 79]. Отношение Саньки к «цветочкам» проявляется внешне через ироничные высказывания в адрес Вити и оформляются во внутренней речи автобиографического героя, передающей точку зрения Саньки: «Он-то уж не будет цветочками заниматься. Он пахарь уже, сеятель, рабо-о-отник!» [4, с. 81]. Так обнаруживается разность «душ» (по определению дедушки) двух детей, один из которых – созерцатель, художник и мыслитель, а второй – работник, деятель.

«Монах в новых штанах», «Осенние грусти и радости» – рассказы, в которых раскрываются особенности личностного становления мальчиков. Причем Санька – один из немногих персонажей книги, кому оценка дается с разных точек зрения. Рассказчик характеризует его как злого придумщика, любящего поглумиться над теми, кто младше, слабее, но подчеркивает и трудолюбие, жажду самостоятельности: «Санька в курсе всех наших хозяйственных дел и готов трудиться где угодно, с кем угодно, только чтобы в школу не ходить» [4, с. 145]. Если бабушка видит в Саньке будущего «каторжника», «жиганью душу», то дедушка проникается симпатией, берет Саньку под свою опеку.

Отношения с дедушкой Ильей для трудного подростка жизнестроительны, созидательны. Поддержка авторитетного взрослого, транслирующего, в отличие от родителей, положительный социальный опыт, оказывается ценностно значимой, экзистенциальной точкой опоры: «Кого почитал и побаивался Санька в селе, так это моего дедушку, без которого он и дня прожить не мог. Санька всякую работу исполнял так, чтобы дедушка одобрительно кивал...» [4, с. 145].

Переломный момент в динамике отношений Саньки и Вити отображен в рассказе «Ночь темная-темная». Фабула рассказа отсылает к мотиву инициации (взросления через преодоление испытаний и смертельной опасности) и к литературной традиции «робинзонады» [21], основанной на приключенческом сюжете выживания в обособленном от социума (островном) топосе. Инициатором приключения выступает здесь автобиографический герой, а Санька и двоюродный брат Алеша становятся его попутчиками.

В экспозиции рассказчик передает свою страсть к рыбацкому делу и вовлеченность в него в разные возрастные периоды, начиная с пяти лет. Это подготавливает завязку: мальчишки отправляются на остров, где «налимов что грязи» [4, с. 92]. Опасность предприятия передается множеством деталей: дети уплывают, ничего не сказав взрослым; берут «худую лодку, чтобы не так скоро ее хватились»; дело происходит весной, в период ледохода, когда вода на реке беспокойная («Гудит Енисей, хлещет...»); они плывут мимо бон, что напоминает Вите о гибели мамы: «Вот в таком же полете не удержалась лодка, споткнулась о головку боны, опрокинулась и... у меня не стало матери» [4, с. 94]. Дети не справляются с течением, их несет в опасное место – к Караульному быку, а лодка «черпанула бортом», наполнилась водой.

В экстремальной ситуации проявился характер мальчишек: если Алеша поддался панике, то Санька и Витька сохранили способность размышлять, принимать решения, слаженно действовать, причем именно Санька контролировал ситуацию, что и спасло ребят: «Пор-рядок на корабле! – Санька в изнеможении опустил весло. Руки его дрожали. Он посмотрел на них, пошевелил пальцами и веселей прибавил: – Закуривай, курачи!» [4, с. 95–96]. Санька руководит действиями товарищей на острове, его сноровка, способность командовать вызывают уважение. Вместе с тем процесс подготовки к рыбалке идет не в том темпе, как у опытных рыбаков, возникают непредвиденные обстоятельства, требующие решимости. Алеше крючок вонзается в ногу, нужна «операция», «животники» на налима запутываются, их не удастся забросить в реку из-за кустов и т. д.

Пребывание на необитаемом острове актуализирует чувство уязвимости, ощущение хрупкости своего существования и одинокого (бабушки нет рядом) противостояния как всей природной стихии, ее явным и тайным силам, так и своим страхам, которые поднимаются из подсознания: «Чем напряженной я вслушивался и всматривался, тем явственней ощущал, что остров уже стронулся с места, и до меня доносились голоса: бабушкин плач, мамин предсмертный крик, еще чьи-то, вроде бы звериные ревы, может, и водяного? Я поежился и ближе придвинулся к огню. Но страх не проходил» [4, с. 98]. В. Астафьев последовательно воспроизводит ситуацию выживания детей на острове в «ночь темную-темную», воссоздавая, по сути, сюжет инициации, превращение Вити из ребенка в юношу, способного преодолеть собственные страхи, справиться с трудностями. Витя с Санькой буквально преодолевают смерть, так как, пытаясь втащить в лодку пойманного тайменя, падают в ледяную воду, запутываются в «животниках» и едва не тонут. После того как их нашли, Витя проявляет еще одну взрослую черту – ответственность за содеянное, что в его сюжетной линии показательно. Если в «Коне с розовой гривой» он всеми силами пытался избежать наказания, то сейчас признается бабушке, что он зачинщик приключения: «Не трогай Саньку! <...> Это я сманил! Бей!» [4, с. 109]. Более того он вступает в открытое противостояние с бабушкой, отстаивая свою позицию: требует вернуться на остров за пойманной рыбой, и бабушка подчиняется.

На острове раскрывается подлинный характер Вити: он не просто справляется с ситуацией, но и проявляет качества лидера, которому подчиняется даже Санька: «Первый раз в жизни возвысился я над Санькой, командовал им, и он – куда что делось? – подчинялся мне, как миленький, и даже несмело попытался утешить...» [4, с. 101]. Изменение ролей многократно, градационно подчеркивается в речевой характеристике персонажей и поведении. Витя «дал Алеше по уху», «орал», «взвелься», «прикрикнул», «скомандовал» [4, с. 101, 102]. Санька «заговорил... робким, простеньким голосом», «тащился за мной», «послушно побрел» [4, с. 101, 109], проявил сочувствие. Мальчики как бы поменялись местами, и теперь Санька оказался в опасности из-за Вити. Как Санька в рассказе «Монах в новых штанах» кричит «Не па-ада-а-ай, миленький...», так теперь Витька – «Санечка, не тони». Ласковое обращение к товарищу и в том, и в другом случае показательно, передает наивысшую степень соучастия и сопереживания и резко отличается от обычного грубоватого именования друг друга. Однако есть разница в мотивах их поведения: Санька в предыдущих рассказах

умышленно ставил Витю в трудное положение, Витя же Саньку – не желая зла, но и не понимая последствия своих действий (по вине автобиографического героя товарищ чуть не утонул, «застудил больной бок» [4, с. 109]).

Ночь на острове для Вити стала временной точкой экзистенциального погружения в темноту и выныривания из нее, выхода к самоопределению посредством памяти. Он вспоминает бабушкино противостояние с представителем деревенской власти Митрохой, встречу со случайным путником, пловшим по реке мимо деревни. Воссозданные в памяти образы, события он не может понять, осмыслить, однако интуитивно дает оценку, осознает, где добро, а где зло. Нащупанный Витей ценностный жизненный ориентир воплощен в рассказе в образе мерцающего огонька: «...сам огонек с тех пор обрел в моем понятии какой-то особый смысл... он сделался живою человеческой душою, трепещущей на мирском ветру...» [4, с. 108].

Последний рассказ в книге, где Санька является парным с Витей центральным героем, – «Фотография, на которой меня нет». Здесь Санька проявляет себя принципиально иначе, чем в предыдущих историях: он жертвует своими интересами, чтобы поддержать Витю.

Рассказчик говорит о «неслыханном и важном событии» – приезде в деревню из города фотографа, для того чтобы «...фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы» [4, с. 154]. Для учеников заманчиво, что они будут главными героями, однако «решение вопроса о распорядке выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние – в середине, плохие назад» [4, с. 155]. Проиграв бой за место на фотографии, Витька с Санькой пошли кататься с обрыва; намокнув в снегу, Витя заболел и в долгожданный день не смог пойти в школу для участия в фотосъемке. В рассказе «Фотография, на которой меня нет» снимается противостояние Саньки и Вити, их товарищество передается через частотное употребление местоимения «мы»: «нашу с Санькой», «...мы с Санькой...», «нас с Санькой», «...нам и на середину рассчитывать было трудно...», «Мы полезли в драку...», «...мы – люди пропащие...» [4, с. 155]. И Санька, хулиган, завистник, шантажист и искуситель Вити, проявляет силу воли и совершает великодушный поступок: «...Раз так, я тоже не пойду! Все!...» [4, с. 158].

В. Астафьев использует минус-прием, подчеркивая им значимость поступка Саньки. На фотографии, которая должна сохранять образ, чтобы он не стерся в памяти, нет ни самого автобиографического героя, ни его товарища, однако, вопреки

этому, напротив, из-за отсутствия на снимке воспоминание закрепилось в сознании.

Рассмотренный в сюжетной динамике всей книги образ Саньки лишается однозначности, как и образ Вити. Последний рассказ, где упоминается Санька, – завершающий первую часть «Последнего поклона» «Гори, гори ясно», основная тема которого – игры. Рассказ является своеобразной энциклопедией деревенских игр и одновременно данью В. Астафьева своему детству, окончившемуся, когда он был вынужден уехать от бабушки, начать самостоятельную жизнь (чему посвящена вторая часть книги). Игра проявляет социальные роли и личностные особенности играющих. Санька посредством ругательства и грубости скрывал свою уязвимость, которую Витя не осознавал, но понял взрослый рассказчик. По сюжету Витя одерживает победу над Санькой, но одновременно унижает его (тот падает на коровью лепешку) и случайно травмирует, ударяя по больным почкам. Рассказчик передает одномоментное переживание торжества и горечи победы: она оборачивается унижением другого, что для нравственного сознания снижает ценность установленного в игре превосходства. Это чувство горечи и радости в целом передает образ детства в книге. Оно разное, многоликое, бесконечно важное для всей последующей жизни, но главное – неповторимое: «Много в детстве было такого, что потом не встречалось больше и не повторялось, к сожалению» [4, с. 66].

Заключение

В ряде рассказов книги «Последней поклон» Санька и Витя – парные центральные персонажи. Санька является катализатором развития сюжетных действий, событий, через взаимоотношения с ним раскрывается образ автобиографического героя Вити Потылицына, становление его характера. В каждом рассказе проявляются и устойчивые черты характера мальчиков, и реакции на обстоятельства, высвечивающие разные стороны их личности. Анализ рассказов позволяет выявить логику развития их образов.

Список источников

1. Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 68–73.
2. Чжэн Я. «Последний поклон» В. П. Астафьева: история создания. Жанр // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-poklon-v-p-astafieva-istoriya-sozdaniya-zhanr> (дата обращения: 23.02.2022).
3. Поззорова Н. Корни и побеги. Проза 60–70 гг. Литературные портреты, статьи, полемика. М.: Московский рабочий, 1979. 216 с.
4. Астафьев В. П. Последний поклон. М.: Современник, 1985. 543 с.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
6. Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит., 1972. С. 165–182.

Личностные особенности Саньки детерминированы социальными обстоятельствами: семья, в которой он воспитывался, оказала влияние на его характер, образ мыслей, поведение. Выживание в многодетной бедной деревенской семье требует от него смекалки, выдержки, умения выкручиваться из переделок, условия жизни объясняют его стремление (обреченное на неудачу) занять «место под солнцем», в том числе и неморальными средствами. Но эти же обстоятельства сформировали такие качества его личности, которые позволили ему сделать нравственный выбор. В отличие от находящегося под опекой бабушки Вити, Санька вынужден быть ответственным за других (младших братьев и сестер), он яснее, чем Витя, понимает неотвратимость наказания, но страх «кары» не довлеет над ним так сильно, как над его товарищем. Более того, он способен на самоотверженный поступок для поддержки товарища.

В. Астафьев отказывается от линейной интерпретации и образа автобиографического героя, давая его характер сложным, по-разному проявляемым в тех или иных социально-бытовых ситуациях.

Через образы Вити и Саньки В. Астафьев воссоздает и уникальное (свое собственное) детство, и типичное детство деревенских ребят, в котором сочетаются вера в сказочно-мифологическое иномирие (домовых, леших и иную нечисть), тяга к необычному, волшебному, приученность к труду, стремление к самостоятельности.

В. Астафьев использует приемы психологизма для реконструкции не только поведения деревенских ребят, но и внутренней сложной мотивации их поступков, как правило, не осознаваемой ими самими (зависть, жажда наставничества со стороны взрослых, необходимость самоопределения, которое происходит в ситуациях общения с другими, самостояния в обстоятельствах опасности, угрозы жизни). Вместе с тем бытовые ситуации в поэтике рассказов соотнесены с архетипическими (искушения, инициаций), что позволяет автору вывести проблематику к философско-метафорическому обобщению.

7. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 448 с.
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
9. Полева Е. А. «Уроки французского» В. Распутина в контексте традиций литературы второй половины XIX века о детях // Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение: сб. науч. тр. / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск, 2015. С. 212–220.
10. Полева Е. А., Писаренко А. Е. Приемы психологизма в рассказе В. Распутина «Уроки французского» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 11 (176). С. 131–136.
11. Полева Е. А., Ломакина М. И. Методика межпредметного изучения художественного своеобразия рассказа В. П. Астафьева «Васюткино озеро» в современной школе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 6 (195). С. 120–127.
12. Полева Е. А. Приемы визуализации в формировании мотива искушения в рассказе Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой» // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 182–196.
13. Им Ен Им. Автобиографические мотивы в творчестве В. П. Астафьева, 60–70-е годы: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. URL: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskie-motivy-v-tvorchestve-v-p-astafeva-60-e-70-e-gody> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Бедрикова М. Л. Особенности психологизма русской прозы второй половины 1980-х годов: творчество В. Астафьева и В. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-psikhologizma-russkoi-prozy-vtoroi-poloviny-1980-kh-godov-tvorchestvo-v-astafeva#ixzz4I2hJQACR> (дата обращения: 12.05.2022).
15. Мешалкин А. Н. Своеобразие художественно-философского воплощения темы детства в повести В. Астафьева «Последний поклон» // Вестник Костромского государственного университета. 2001. № 4. С. 60–61.
16. Мешалкин А. Н. Заветная книга В. П. Астафьева: мир детства, добра и красоты в повести «Последний поклон» // Литература в школе. 2007. № 3. С. 18–21.
17. Жукова Н. Д., Витык Ю. И. Художественная реализация темы детства в книге Виктора Астафьева «Последний поклон»: к постановке проблемы // Филология, социология и культурология. Актуальные научные проблемы. Рассмотрение, решение, практика: сб. науч. докл. Гданьск: Диаманд Трейдинг тур, 2015. С. 94–98.
18. Уминова Н. В. Мотив детской лжи в произведениях сибирских писателей // Феномен В. П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2017. С. 95–96.
19. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1982. Т. 2. С. 25–28.
20. Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 7–22. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/123/117> (дата обращения: 23.02.2022).
21. Козьмина Е. Ю. Робинзонада как разновидность географического романа приключений // Вестник БГУ. 2016. № 4 (30). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniya> (дата обращения: 16.09.2022).

References

1. Rybal'chenko T. L. Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnykh techeniy [The history of literature of the twentieth century as the history of literary movements]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 1999, no. 268, pp. 68–73 (in Russian).
2. Zheng Ya. “Posledniy poklon” V. P. Astaf'yeva: istoriya sozdaniya. Zhanr [The “Last bow” by V. P. Astafiev: the history of creation. Genre]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*, 2011, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-poklon-v-p-astafeva-istoriya-sozdaniya-zhanr> (accessed 23 February 2022).
3. Pozzorova N. *Korni i pobegi. Proza 60–70 gg.; Literaturnyye portrety, stat'i, polemika* [Roots and shoots. Prose of 60–70; Literary portraits, articles, polemics]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1979. 216 p. (in Russian).
4. Astaf'yev V. P. *Posledniy poklon* [Last bow]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985. 543 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Compiled by S. G. Bocharov, note by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).
6. Skaftym A. P. O psikhologizme v tvorchestve Stendalya i Tolstogo [On psychologism in the works of Stendhal and Tolstoy]. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. Pp. 165–182 (in Russian).
7. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 448 p. (in Russian).
8. Yesin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [The psychology of Russian classical literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 176 p. (in Russian).
9. Poleva E. A. “Uroki frantsuzskogo” V. Rasputina v kontekste traditsii literatury vtoroy poloviny XIX veka o detyakh [“French lessons” by V. Rasputin in the context of the traditions of literature of the second half of the XIX century about children]. *Tvorcheskaya lichnost' Valentina Rasputina: zhivopis' – chuvstvo – mysl' – voobrazheniye – otkroveniye. Sbornik nauchnykh truzh*

- dov. Pod redaktsiyey I. I. Plekhanovoy [Creative personality of Valentin Rasputin: painting – feeling – thought – imagination – revelation. Collection of scientific papers. Edited by I. I. Plekhanova]. Irkutsk, 2015. Pp. 212–220 (in Russian).
10. Poleva E. A., Pisarenko A. E. Priemy psikhologizma v rasskaze V. Rasputina “Uroki frantsuzskogo” [Techniques of psychologism in V. Rasputin’s short story “French Lessons”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 11 (176), pp. 131–136 (in Russian).
 11. Poleva E. A., Lomakina M. I. Metodika mezhpredmetnogo izucheniya khudozhestvennogo svoeobraziya rasskaza V. P. Astaf’yeva “Vasyutkino ozero” v sovremennoy shkole [Methodology of interdisciplinary study of the artistic originality of V. P. Astafyev’s story “Vasyutkino Lake” in a modern school]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 6 (195), pp. 120–127 (in Russian).
 12. Poleva E. A. Priemy vizualizatsii v formirovanii motiva iskusheniya v rasskaze Viktora Astaf’yeva “Kon’ s rozovoy grivoy” [Visualization techniques in the formation of the motive of temptation in the story of Viktor Astafyev “The Horse with the pink mane”]. *PRAZHMA. Problemy vizual’noy semiotiki – PRAZHMA. Problems of visual semiotics*, 2019, no. 3, pp. 182–196 (in Russian).
 13. Im En Im. *Avtobiograficheskiye motivy v tvorchestve of V. P. Astaf’yeva, 60–70-ye gody. Dis. kand. filol. nauk* [Autobiographical motifs in the works of V. P. Astafyev, 60–70s. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1999 (in Russian). URL: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskie-motivy-v-tvorchestve-v-p-astafeva-60-e-70-e-gody> (accessed 12 May 2022).
 14. Bedrikova M. L. *Osobennosti psikhologizma russkoy prozy vtoroy poloviny 1980-kh: tvorchestvo V. Astaf’yeva i V. Rasputina. Dis. kand. filol. nauk* [Features of the psychologism of Russian prose in the second half of the 1980s: the work of V. Astafyev and V. Rasputin. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1995 (in Russian). URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-psikhologizma-russkoi-prozy-vtoroi-poloviny-1980-kh-godov-tvorchestvo-v-astafeva#ixzz4I2hJQACR> (accessed 12 March 2022).
 15. Meshalkin A. N. Svoeobrazie khudozhestvenno-filosofskogo voploshcheniya temy detstva v povesti V. Astaf’yeva “Posledniy poklon” [The originality of the artistic and philosophical embodiment of the theme of childhood in V. Astafyev’s novel “The Last Bow”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kostroma State University*, 2001, no. 4, pp. 60–61 (in Russian).
 16. Meshalkin A. N. Zavetnaya kniga V. P. Astaf’yeva: mir detstva, dobra i krasoty v povesti “Posledniy poklon” [The treasured book of V. P. Astafyev: the world of childhood, goodness and beauty in the story “The Last Bow”]. *Literatura v shkole – Literature at school*, 2007, no. 3, pp. 18–21 (in Russian).
 17. Zhukova N. D., Vityk Yu. I. Khudozhestvennaya realizatsiya temy detstva v knige Viktora Astaf’yeva “Posledniy poklon”: k postanovke problemy [Artistic realization of the theme of childhood in Victor Astafyev’s book “The Last Bow”: towards the formulation of the problem]. *Filologiya, sotsiologiya i kul’turologiya. Aktual’nyye nauchnyye problemy. Rassmotreniye, resheniye, praktika: sbornik nauchnykh dokladov* [Philology, sociology and cultural studies. Current scientific problems. Consideration, decision, practice: collection of scientific reports]. Gdan’sk, Diamand Tretying tur Publ., 2015. Pp. 94–98 (in Russian).
 18. Uminova N. V. Motiv detskoy lzhi v proizvedeniyakh sibirskikh pisateley [The motive of children’s lies in the works of Siberian writers]. *Fenomen V. P. Astaf’yeva kak regional’no-natsional’noye samosoznaniye epokhi* [The phenomenon of V. P. Astafyev as a regional-national identity of the epoch]. Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafyev Publ., 2017. Pp. 95–96 (in Russian).
 19. Meletinskiy E. M. Kul’turnyy geroy [Cultural hero]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1982. Vol. 2. Pp. 25–28 (in Russian).
 20. Lipovetskiy M. N. Shaluny, vragi, drugiye... Triksler v sovetskoy i postsovetskoy literature [Naughty, enemies, others... Trickster in Soviet and post-Soviet children’s literature]. *Detskiye chteniya – Children’s Readings*, 2014, no. 2 (6), pp. 7–22 (in Russian). URL: <http://detskie-chenia.ru/index.php/journal/article/view/123/117> (accessed 23 February 2022).
 21. Koz’mina E. Yu. Robinzonada kak raznovidnost’ geograficheskogo romana priklyucheniya [Robinsonade as a kind of geographic adventure novel]. *Vestnik BGU – Vestnik BSU*, 2016, no. 4 (30) (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniya> (accessed 16 September 2022).

Информация об авторах

Насонова А. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Nasonova A. V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 30.11.22; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 30.11.22; accepted for publication 07.12.2022

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-123-131>

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ А. ГИВАРГИЗОВА ИЗ КНИГИ «ПЕРЕХОД»: ОПЫТ АНАЛИЗА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Елена Юрьевна Ходина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева, Иркутск, Россия,

olkhon2016@gmail.com

Аннотация

Существующие сегодня исследования приемов и стратегии креолизации текста доказывают интерес ученых к семиотически сложным объектам, соединяющим принципы вербального и визуального кодирования информации. Однако креолизованная прозаическая миниатюра для детей – малоизученный феномен, хотя он занимает значимое место в истории детской литературы и современном литературном процессе.

Цель – проанализировать особенности креолизованных прозаических миниатюр для детей, созданных современным писателем Артуром Гиваргизовым и художником-иллюстратором Викторией Семькиной.

Материалом исследования являются прозаические миниатюры из книги «Переход» Артура Гиваргизова. Исследование выполнено в русле семиотического подхода к анализу текста, с опорой на литературоведческие работы о прозаической миниатюре, в том числе в творчестве современных детских писателей, а также о приемах и стратегиях креолизации текста.

Креолизованная прозаическая миниатюра для детей представляет собой целостный вербально-визуальный феномен, вбирающий в себя свойства различных знаковых систем. Характерные ее признаки – лаконичный сюжетно и (или) образно завершенный вербальный текст, составляющий образное и смысловое единство с визуальными элементами.

Прозаические миниатюры могут восходить к самым разным жанровым матрицам. Артур Гиваргизов обращается к жанрам анекдота и небылицы. Абсурдистская поэтика текстов обуславливает и специфику иллюстраций: в них проявляется игра художника с пропорциями, звукоподражания используются в качестве элементов иллюстрации и т. д.

Тематически миниатюры книги Гиваргизова «Переход» обыгрывают название книги. В целом они о правилах существования ребенка в социальной и фантазийно-игровой реальностях, о возможностях и сложностях перехода из одной в другую. Еще один смысловой вектор – осмысление трудностей перехода с языка условных обозначений правил дорожного движения на язык игры, обуславливающих коммуникативные сбои в отношениях детей и взрослых.

При креолизации миниатюр книги «Переход» используются разные стратегии: в большинстве случаев изображение обрамляет текст, создавая дополнительные смысловые акценты и привнося интерпретацию художника в идейно-тематическое поле произведения. Но в ряде миниатюр А. Гиваргизова созданный В. Семькиной визуальный облик печатного текста превращен в часть иллюстрации: шрифт и его расположение дотраивает изображение, которое в свою очередь дополняет или подкрепляет ассоциативное и идейно-тематическое содержание вербального текста.

Образно-смысловая слитность вербального и визуального компонентов в книге «Переход» позволяет говорить о креолизованном тексте. Через стратегии креолизации Артуром Гиваргизовым и Викторией Семькиной реализуется авторская игра с читателем/зрителем, которому предлагается уловить смысловую взаимосвязь вербального и визуального компонентов текста.

Ключевые слова: *креолизованный текст, детская литература, прозаическая миниатюра, игра, А. Гиваргизов, В. Семькина*

Для цитирования: Ходина Е. Ю. Прозаические миниатюры А. Гиваргизова из книги «Переход»: опыт анализа креолизованного текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 123–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-123-131>

PROSE MINIATURES OF A. GIVARGIZOV FROM THE BOOK “TRANSITION”: EXPERIENCE OF ANALYSIS OF A CREOLIZED TEXT

Elena Yu. Khodina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,

Irkutsk Regional Children's Library named after Mark Sergeev, Irkutsk, Russian Federation,

olkhon2016@gmail.com

Abstract

The existing studies of techniques and strategies of text creolization prove the interest of scientists in semiotically complex objects that combine the principles of verbal and visual coding of information. However, the creolized prose miniature for children is a little-studied phenomenon, although it occupies a significant place in the history of children's literature and the modern literary process.

The aim is to analyze the features of creolized prose miniatures for children created by modern writer Arthur Givargizov and illustrator Victoria Semykina.

The research material is prose miniatures from the book “Transition” by Arthur Givargizov. The research is carried out in line with the semiotic approach to text analysis, based on literary works on prose miniature, including in the works of modern children's writers, as well as on techniques and strategies of text creolization.

The creolized prose miniature for children is an integral verbal-visual phenomenon that incorporates the properties of various sign systems. Its characteristic features are a laconic plot and (or) figuratively completed verbal text that makes up a figurative and semantic unity with visual elements.

Prosaic miniatures can go back to a variety of genre matrices. Artur Givargizov turns to the genres of anecdote and fiction. The absurdist poetics of the texts also determines the specifics of the illustrations: they show the artist's play with proportions, onomatopoeia is used as elements of illustration, etc.

Thematically, the miniatures of Givargizov's book “Transition” beat the title of the book. In general, they are about the rules of a child's existence in social and fantasy-game realities, about the possibilities and difficulties of transition from one to another. Another meaning of the title of the book is the comprehension of the difficulties of transition from the language of traffic rules symbols to the language of the game, which cause communicative failures in the relations of children and adults.

When creolizing miniatures of the book “Transition”, different strategies are used: in most cases, the image frames the text, creating additional semantic accents and bringing the artist's interpretation into the ideological and thematic field of the work. But in a number of A. Givargizov's miniatures, the visual appearance of the printed text created by V. Semykina is turned into part of the illustration: the font and its location completes the image, which, in turn, complements or reinforces the associative and ideological-thematic content of the verbal text.

The figurative-semantic fusion of the verbal and visual components in the book “Transition” allows us to talk about a creolized text. Through the strategies of creolization by Arthur Givargizov and Victoria Semykina, the author's game is realized with the reader/viewer, who is invited to grasp the semantic relationship of the verbal and visual components of the text.

Keywords: *creolized text, children's literature, prose miniature, game, A. Givargizov, V. Semykina*

For citation: Khodina E. Yu. Prozaicheskiye miniatyury A. Givargizova iz knigi “Perekhod”: opyt analiza kreolizovannogo teksta [Prose Miniatures of A. Givargizov from the Book “Transition”: Experience of Analysis of a Creolized Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 123–131 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-123-131>

Введение

Креолизованная прозаическая миниатюра для детей – малоизученный в научной литературе жанр, хотя во второй половине XX – начале XXI в. многие писатели обращаются к нему. Значительная часть современных креолизованных миниатюр для детей принадлежит к такому явлению, как книжка-картинка (picturebook в англоязычной научной традиции). Традиции сочетания визуального и вербального компонентов в детской литературе берут истоки в народном творчестве, в лубке¹), откликаясь затем в различных художественных практиках XX – начала XXI в.

¹ Связь современных креолизованных прозаических миниатюр с лубком практически не изучена и требует отдельного исследовательского внимания.

Цель работы – проанализировать своеобразие креолизованных прозаических миниатюр для детей, созданных современным писателем Артуром Гиваргизовым (род. 1965) и художником-иллюстратором В. Семыкиной (род. 1980). Исследование позволит описать возможные варианты взаимодействия визуального и вербального семиотических кодов в едином образно-смысловом поле креолизованного текста.

Материал и методы

Материалом исследования являются прозаические миниатюры из книги «Переход» Артура Гиваргизова [1], творчество которого исследователи вписывают в традиции отечественного авангарда

[2–4]. А. А. Кочергина отмечает свойственную поэзии и прозе Гиваргизова «трансформацию уже существующих жанров, а также попытку создания новых (или просто игру в создание новых жанровых конструкций)» [2, с. 28] и выделяет такие жанры фольклора и литературы, значимые для прозы А. Гиваргизова, как страшная история, волшебная сказка, детектив. Акцент при их анализе сделан на специфике содержания, в орбиту внимания не включена прозаическая миниатюра как жанр.

Работ, ориентированных на исследование креолизованных художественных текстов для детей, обнаружить не удалось. При внимании исследователей отдельно к вербальной или визуальной частям текста стратегии и семиотика креолизации детской литературы пока остаются перспективами современной науки. Поэтому для данной работы значимы, во-первых, литературоведческие исследования прозаической миниатюры и ее жанровых разновидностей [5–15], во-вторых, работы по поэтике прозаической миниатюры именно в творчестве современных детских писателей [16–21], в-третьих, труды, определяющие подходы к анализу креолизованного текста; исследования визуально-вербальных феноменов в детской литературе (книжек-картинок, комплексов «текст и иллюстрация») [22–25].

Результаты и обсуждение

Прозаическая миниатюра как жанр (или жанровая форма) отличается следующими признаками [26–30]:

1) малый объем (от 1–2 строк до 1–2 страниц). Опираясь на англоязычную научную традицию, выделяют ультракороткие миниатюры (twitterature, до 280 знаков), среднеформатные (dribble или minisaga, до 50 слов; drabble или microfiction, до 100 слов), более крупные (sudden fiction, до 750 слов; собственно flash fiction, до 1 тыс. слов);

2) внимание к предметной детали, акцентирование на ней; нередко повтор, «развертывание» ключевого слова, отмеченного ассоциативной напряженностью;

3) «композиционная и содержательная завершенность», отличающая ее от фрагмента; «нарративная цельность», позволяющая отграничить миниатюру от комикса и других форм литературы, в которых вербальный компонент представлен лаконично;

4) «ассоциативная» открытость или, напротив, демонстративная зашифрованность текста.

Миниатюры для детей получили распространение в России во второй половине XIX в. (К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой) и предназначались для обучения чтению; в первой половине XX в. служили преодолению массовой неграмот-

ности. В XX в. значительная часть миниатюр для детей оформлялась авторами в союзе с иллюстраторами, в том числе в формате книжки-картинки или визуальной книги. Поэтому на данный момент сложилась традиция создания креолизованной миниатюры для детей двумя соавторами – писателем и художником-иллюстратором. В эту традицию вписываются и книги прозы А. Гиваргизова, оформленные В. Семькиной. В ряде их произведений визуальный облик печатного текста превращен в часть иллюстрации. То есть шрифт и его расположение достраивают визуальный образ, который в свою очередь дополняет или подкрепляет образное и идейно-тематическое содержание вербального текста. Именно образно-смысловая слитность вербального и визуального компонентов в этих книгах позволяет говорить о креолизованном тексте.

Креолизованные тексты – это тексты, которые состоят из знаков различных систем. Согласно определению Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова, это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)...» [31, с. 181]. Рисунок (иллюстрация) в книге будет относиться к иконическому знаку, который нередко игнорируется при анализе, несмотря на его значимость для понимания смысла вербального произведения.

Как отмечает Д. Сергеев, «лингвисты и литераторы отдают предпочтение рассмотрению книжки-картинки как литературного жанра, где слово и текст считаются доминирующими элементами» [32, с. 402]. Согласно мнению Т. Ф. Семьян, «в креолизованных типах текстов читатель воспринимает вербальное и иконическое сообщения одновременно. Такой синкретизм двух типов чтения срабатывает в визуальном активном тексте... Изобразительный элемент не только, как и вербальный, информирует, но через ассоциации расширяет хроно-топ повествования; визуальное изложение „договаривает“ невысказанное словами. Иконический элемент и вербальный текст представляют собой единое целое, и не только смысловое, но и визуальное, взаимодополняя и углубляя подтекстовый уровень обоих компонентов. Таким образом, иконический вид визуально-графических приемов берет на себя функции нарративных компонентов» [33, с. 212].

Для анализа креолизованной прозаической миниатюры для детей как вербально-визуального феномена, вбирающего в себя ресурс различных знаковых систем, как правило, применяется семиотический подход (в частности, инструменты визуальной семиотики). Невербальная семиотика печатного текста позволяет рассмотреть поликодовый текст в его сложном единстве. При этом специфика

иконического пространства креолизованной прозаической миниатюры делает значимыми и такие группы исследований, которые касаются понятий «креолизованный текст» (как объект филологии), «визуальный облик произведения» (книговедение и искусствоведение). Креолизованная прозаическая миниатюра – это феномен, «обратный» экфрасису, но имеющий дело с аналогичным процессом «перевода» с языка одной знаковой системы на другой.

В вопросе определения жанра и, соответственно, жанровых особенностей креолизованной прозаической миниатюры важно понимать контекст создания современных текстов. Доказанная в диссертации А. А. Кочергиной связь А. Гиваргизова с поэтикой авангарда, «игра» автора жанрами делает активной роль читателя/зрителя [2]. С. Зенкин констатирует «поворот к читателю» как особенность современной гуманитарной парадигмы и отмечает: «...опознаваемый нами жанр текста служит для его понимания, „чтения и истолкования“; то есть это орудие в руках читателя, а не писателя, как в классической риторике и поэтике» [34, с. 154].

Для читателя важен визуальный компонент, поэтому, как отмечает Т. Ф. Семьян, «приемы визуализации текста являются категорией рецептивной. Визуально-графические приемы – это один из способов организации читательского восприятия; они актуализируют отношения автор – текст – читатель» [33, с. 21]. Учитывая приведенное мнение, мы полагаем, что особенности жанровой природы креолизованной прозаической миниатюры необходимо обнаруживать на стыке вербального текста и визуальных элементов. При этом отметим, что способы креолизации текста (иллюстрация, графические элементы, шрифты и пр.) описаны в гуманитарной науке лишь частично.

Т. Ф. Семьян упоминается вариант классификации визуального облика прозы посредством: «1) расположения текстового материала на плоскости страницы; 2) приема шрифтовой акциденции; 3) интеграции вербального и иконического компонентов» [33, с. 23].

По соотношению вербального и изобразительного компонентов могут быть выделены следующие варианты: 1) текстоцентричный вариант (приоритет текста перед изображением, иллюстративная (прикладная) функция изображения) намекает на полноту (самодостаточность) вербального высказывания; 2) изоцентричный вариант (приоритет изображения перед текстом) может сигнализировать об умолчании, зашифрованности или недосказанности вербального компонента; 3) образно-смысловая равнозначность текста и изображения указывает на необходимость считывания содержания, выраженного разными семиотическими кода-

ми, и (или) перевода с языка одной знаковой системы на язык другой для полноценного понимания художественного высказывания. Такая классификация дает обобщенное понимание авторской стратегии креолизации текста.

По пространственному расположению можно разделить креолизованные тексты (в том числе миниатюры) на следующие типы: 1) полноценный изоверб, где есть переплетение изображения и текста, текст – часть композиции, графического комплекса часто с авторским типом шрифта; 2) обрамление текста изображением, рамочная композиция, принцип «портрета в раме», где основное содержание заложено в вербальном компоненте, а изобразительный компонент имеет лишь декоративную функцию; 3) соположение текста и иллюстрации (классическая форма: на развороте одна страница содержит визуальный компонент, а другая – вербальный).

Подчеркнем, что креолизованные художественные формы могут быть объектом и литературоведческого исследования, так как сохраняют нарративное начало и значимость вербального компонента и искусствоведческого, потому что «повествование» через вербально-визуальный ряд актуализирует такие приемы, как монтаж (особенно эффект Кулешова), ракурс, композиция, цвет и др.

Яркий пример креолизованных прозаических миниатюр для детей – книги издательской серии «Пестрый квадрат» (куда вошли произведения таких авторов, как Михаил Есеновский, Наталья Евдокимова, Сергей Седов, Артур Гиваргизов, Сергей Георгиев, Ирина Зартайская, Анастасия Орлова, Валентина Дегтева). Книги этой серии были выпущены как специальный проект издательства «Эгмонт Россия» в 2008 и 2017–2019 гг. На Московской международной книжной выставке-ярмарке в 2009 г. первые пять книг серии были признаны лучшим детским проектом года. Артур Гиваргизов, один из инициаторов создания и составитель серии, рассматривал проект как возможность познакомить читателя с современными отечественными поэтами, писателями и художниками, работающими в том числе для детей.

Рассмотрим миниатюры Артура Гиваргизова, входящие в книгу «Переход», иллюстрированную В. Семькиной [1]. В целом это небольшие тексты – обычно до 100, иногда до 150 слов (microfiction в англоязычной традиции). Книги изданы по следующему образцу: квадратная форма 84 × 92/16, 64 страницы, твердая обложка с выборочной лакировкой, мелованная бумага. Рисунки занимают весь лист и выполнены в стиле наивного (примитивного) рисунка, коллажа, используются цифровая фотография и элементы графического дизайна. Визуальная часть как тесно переплетена с

вербальной (полноценный изоверб), так и может сопровождать текст.

В жанровом плане произведения, включенные в книгу «Переход», тяготеют к анекдотам, небылицам и нелепицам, построены на основе поэтики абсурдистского комизма. А. А. Кочергина считает это аргументом в пользу близости писателя «детскому авангарду», истоки которого «кроются в фольклоре. Прибаутки, небылички, считалки, нонсенсные произведения народной смеховой культуры с их отказом от изображения мира в узнаваемых и достоверных формах не только вызывают комический эффект, но и укрепляют ребенка в ощущении нормы, готовят его к восприятию более сложных авангардных текстов» [2, с. 45].

Общее число миниатюр книги «Переход» – 26, почти все они посвящены теме освоения/неосвоения/творческого пересочинения персонажами правил дорожного движения (ПДД). Центральный персонаж книги – мальчик Дима.

Нас интересуют тексты А. Гиваргизова как креолизованные феномены, поэтому важен анализ «вязи» вербального компонента с визуальным, без чего невозможно полноценное понимание художественного высказывания. О своей стратегии достраивать смысловое содержание вербального текста говорит автор иллюстраций В. Семькина: «Самое интересное – это придумать и нарисовать то, чего нет в тексте. Просто повторить текст – значит вообще в него не погрузиться. А вот понять, чего именно там нет, – это страшно интересная задача. И сложная, конечно» [35].

Часть креолизованных миниатюр в книге строится по принципу композиционного «соседства» текста и иллюстрации, причем четкие границы между текстом и изображением семантически обыграны и взаимосвязаны с тематическим содержанием миниатюры. Вертикальная граница «сигнализирует» о том, что мир заботится и даже уступает ребенку, играет по его правилам, ограждает от опасностей («Садитесь», «Пластырь», «С двенадцати лет», «Командир», «Он учится»), а горизонтальная – о сложности, трудноисполнимости и противоречивости (в целом об искусственности) правил («Он учится», «Отвлекать водителя, или Остановка запрещена», «Все из-за бабушек»).

Доминирующее присутствие визуальной части («наполнение» рисунка на текст) присутствует в оформлении миниатюр о потере Димой связи с родителями («Моя», «Светофор», «Дорога до школы») и с другими взрослыми (пожарные в миниатюре «Как проехать на Касаткина») из-за того, что язык взрослых непонятен ребенку, неверно им интерпретируется. А. Гиваргизов и В. Семькина художественно воплощают поиски, не всегда удачные, перехода, соединения, преодоления границ

между мирами ребенка и взрослых. Коммуникация с родителями бывает менее продуктивной, чем с собакой, в чем проявляется абсурдность и парадоксальность социальной жизни («Вознаграждение гарантируем»).

Яркие неудачи в общении Димы с родителями воссозданы в миниатюрах, при оформлении которых рисунок и текст полностью перемешиваются, сливаясь в изоверб («Подземный переход», «Зебра»). Здесь даже текст написан нетрадиционно: он разворачивается углами к предыдущим строкам, поворачивается на 90 градусов, завивается, имеет разный размер и шрифт.

В книге встречается шахматное расположение текста и рисунка, что поддерживает семантику игры и идею игрового отношения к действительности не только у ребенка, но и у взрослых. Это миниатюры о том, как сами взрослые сбиваются, забывают про правила, вовлекаясь в фантазийный мир: «Купим детское кресло, – сказала мама. – Как у летчиков-испытателей! Как у гонщиков и космонавтов!» («Детское кресло» [1, с. 46]), папа соглашается врезаться в столб, чтобы проверить ремни безопасности («Отличные ремни»), автоинспектор запутывается в основах ПДД («Параграф № 287»).

Отдельная сюжетная линия в книге – отношения Димы с автоинспектором. С ним коммуникация не всегда бывает удачной (так как взрослый не всегда может перевести язык правил на понятный ребенку), но автоинспектор не отказывает мальчику в общении. Они рассуждают о том, какое животное лучше завести («Рыб или черепаху»), где «слева» и «справа» («Налево, направо»), Дима даже будит автоинспектора в 5 утра своими вопросами («Наземный переход»). Автоинспектор – значимый взрослый, который лучше, чем родители, помогает ребенку понять правила. Это подтверждает и игра Димы в автоинспектора в миниатюре «Командир».

Однако часть текстов – о непонимании и даже конфликте реального мира правил взрослых и фантазийно-игрового мира ребенка, например миниатюры «Зебра» и «Мы автобус».

Сюжет этих двух миниатюр строится на коммуникативной неудаче взрослого и маленького героя, потому что происходящие повседневные события ими по-разному воспринимаются и интерпретируются.

В миниатюре «Зебра» сюжет связан с освоением ПДД, в ней обыгрываются соответствующие омонимы и разница образов дорожного знака и зверя. Посылая ребенка гулять, родители предполагают наличие у него опыта, идентичного их собственному. Для них зебра – это прямые полосы пешеходного перехода (похожего на облик зебры животного), но в сознании маленького героя такая

ассоциация не срабатывает. Ребенок оказывается в тупиковом положении, так как знает, что можно перейти дорогу только по зебре, но в полосках на асфальте ее не опознает. Это силится понять подошедший автоинспектор. Вместо объяснения возникает смех взрослого мира над маленьким послушным мальчиком, причем этот смех облекается в другой, альтернативный образ зебры, возникший из повторения междометия «ха-ха-ха», ставшего на иллюстрации завитками шерсти животного. В длинном повторе «ха-ха-ха» используются разноразмерные, все увеличивающиеся шрифты; градационное усиление насмешки автоинспектора над ребенком, не усвоившим правило, передается через визуальный прием.

А. Гиваргизов и В. Семькина таким образом фиксируют парадокс: то, что должно служить *переходом*, соединять мир детей и взрослых, становится непреодолимой границей. Отсутствие перехода между мирами ребенка и взрослых подчеркнуто шрифтом: текст миниатюры напечатан шрифтом без засечек, а более крупный шрифт с ручным начертанием появляется на границах сюжетных переходов: «Родители сказали Диме», «И Дима пошел гулять», «Не везет» [1, с. 38–39]. Несмотря на то что две первые фразы образуют логичную взаимосвязь «сказали – пошел», как бы соединяя сознание сына и родителей, ребенок все равно оказывается в тупике («не везет» в значениях *отсутствия удачи* и не встречи с той самой зеброй, которая может *перевезти* через дорогу).

В «Зебре» выражается ситуация взаимного непонимания, которая является одновременно внешне комичной и внутренне драматичной: главный герой, мальчик Дима, – это очень послушный и воспитанный ребенок: он выполняет инструкции родителей, не хочет обидеть автоинспектора. То есть теоретически именно такие дети и должны с легкостью усваивать правила взрослых. Однако драматизм в том, что никто не хочет объяснить эти правила, ребенок одинок: родители выталкивают его гулять («Не мешай нам читать! Ты еще здесь?»), а автоинспектору и вовсе не приходит в голову, что мальчик может не знать, как выглядит пешеходная зебра. С взаимопониманием ребенку в современном мире «не везет» – это слово также не случайно обыграно в миниатюре:

«Сегодня пойду через дорогу, если повезет».

Стоит Дима на переходе, а зебра все не идет.

Собака, кошка и черепаха были, а зебры нет.

Не везет (использован рукописный шрифт. – Е. Х.) [1, с. 38–39].

Языковая игра в этой миниатюре становится указателем: 1) на разрыв коммуникации между ребенком и взрослыми; 2) на тот факт, что «личная мотивировка и фантазия ребенка деформируют

язык практический и создают абсурд» (Д. М. Бекова) [36, с. 130]) ситуации в восприятии читателя.

Отметим и вынужденный для читателя визуальный разворот текста на 90 градусов, который говорит о желании автора деавтоматизировать восприятие. О значении такого приема пишет Т. Ф. Семьян: «...в физическом пространстве текста, совмещающем вертикальное и горизонтальное расположение текста, визуализированы (зримо представлены) координатные оси. Неканоничный визуальный облик подобных текстов сигнализирует читателю о гибкости жанровых и родовых границ произведения» [33, с. 18].

В «Мы автобус» для ребенка, нарушающего ПДД (маркер «играл на проезжей части»), автобус, по его вине угодивший в аварию, – это мамонт, попавший в яму, а для водителя находящиеся в салоне люди – обобщенно-условное транспортное средство («Вы – мамонт!» vs «Мы – автобус!») [1, с. 62]). Получается, главный герой мальчик Дима и его антагонист-взрослый (водитель автобуса) дают альтернативные версии произошедшего, отражающие их мировосприятие: для ребенка это часть игровой реальности, автобус и люди в нем одушевлены (мамонт), а сам он – удачливый охотник; для взрослого это прежде всего техника, которая оказалась повреждена (автобус) из-за нарушения ребенком правил.

Значим минус-прием в визуальном компоненте миниатюры: ни автобуса, ни мамонта на картинке нет, есть играющий в охотника мальчик и яма на асфальте из его реальности. Однако это отсутствие на рисунке компенсирует сам текст (вербальный компонент): его расположение и общий облик напоминают и могут восприниматься читателем/зрителем как образ автобуса или мамонта. Графическое полотно знаков воспринимается визуально как иконический знак. Такой прием позволяет избежать прямолинейности в передаче смыслов текста графическими средствами (можно было бы изобразить текстом контур автобуса или мамонта) и провоцирует работу образного мышления читателя, кроме того, дает ему свободу самоопределения: кого дообразить – автобус или мамонта или и то и другое одновременно. Получается, что визуальное решение художника поддерживает авторскую позицию писателя: ни одна из версий (ребенка или взрослого) не дается как правильная, они именно альтернативны, обе имеют право на существование.

Заключение

Итак, в проанализированных миниатюрах А. Гиваргизова иконический компонент становится частью сюжетных акцентов, выполняет как изобразительную, так и ассоциативную функции, формирует у читателя «вкус к иронии». В целом рас-

смотренные миниатюры отличаются яркой креолизацией, подчеркивающей как абсурдность ситуаций (в данном случае искусственных правил, которым должен следовать ребенок), так и стилистическую и даже жанровую свободу. Содержательно миниатюры Гиваргизова направлены на осмысле-

ние вариантов реверсного перехода ребенка и взрослого из социальной в фантазийно-игровую реальность и обратно. Миниатюры иллюстрируют и возможности взаимопонимания, и последствия коммуникативных сложностей в общении детей и взрослых.

Список источников

1. Гиваргизов А. А. Переход / художник Виктория Семькина. М.: Эгмонт, 2018. 64 с. (Пестрый квадрат).
2. Кочергина А. А. Поэтика авангарда в творчестве современных детских писателей: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2017. 184 с.
3. Кочергина А. А. Приемы построения абсурдного текста у Артура Гиваргизова // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–4. С. 39–44.
4. Леонова Е. Ю. Приемы создания абсурдного в стихотворениях для детей Ю. Мориц и А. Гиваргизова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 3. С. 74–83.
5. Войтас С. А. Миниатюра в контексте русской лирической прозы 1960–80-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 196 с.
6. Геймбук Е. Ю. Поэтика жанра лирической прозаической миниатюры (лингвостилистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 401 с.
7. Гинда Е. Н. Прозаическая миниатюра в советской литературе 60–80-х годов (на материале рус., укр. и белорус. литератур): дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988. 158 с.
8. Земляковская А. А. Жанрово-композиционные особенности собраний миниатюр М. М. Пришвина. Мичуринск: МГПИ, 2005. 95 с.
9. Котова В. Ю. Пейзажная миниатюра в русской прозе второй половины XX века: И. С. Соколов-Микитов, Ю. Н. Куранов, В. П. Астафьев, В. А. Бочарников, Ю. В. Бондарев, Б. Н. Сергуненков: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2001. 226 с.
10. Минакова А. В. Миниатюра в русской прозе первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 171 с.
11. Ольховская Ю. И. Жанровые процессы в прозе М. М. Пришвина: от миниатюры к контекстовым лирическим формам: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 188 с.
12. Орлицкий Ю. Б. Прозаическая миниатюра в творчестве Хлебникова // Велимир Хлебников в новом тысячелетии. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 107–117.
13. Федь Т. Н. Малые жанровые формы современной русской прозы (В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Пиккуль, Ю. Бондарев): дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
14. Шольц У. Жанр миниатюры в творчестве М. М. Пришвина (1930–40-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 15 с.
15. Проходова В. П. Эволюция жанра миниатюры в прозе И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 21 с.
16. Полева Е. А. Жанр автобиографического миниатюрного рассказа о детстве: проза Ангелики Сумбаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 2 (179). С. 87–92.
17. Полева Е. А. Приемы языковой игры в прозаических миниатюрах современных региональных писателей для детей // Русская речевая культура и текст: материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 25-летию кафедры русского языка / под общ. ред. Н. С. Болотновой. 2018. С. 122–128.
18. Полева Е. А. Художественное своеобразие миниатюр Татьяны Мейко и Анны Никольской в контексте развития жанров прозаической миниатюры для детей и лирико-философской сказки // Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.) / под ред. Е. А. Полевой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. С. 33–52.
19. Полева Е. А. Художественное своеобразие прозаических миниатюр-сказок Татьяны Мейко // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 172–178.
20. Харитоновна Е. В. Малая проза в творчестве современных детских писателей Урала: жанрово-стилевая вариативность // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 135–141.
21. Чернявская Ю. О., Мамедова Э. С. Трансформация фольклорной традиции в малой прозе С. Силина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 1 (213). С. 104–113. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-104-113
22. Барковская Н. «Книжки с картинками»: дискурсивный конфликт вербального и визуального текстов // Детские чтения. 2014. № 2 (006). С. 196–209.
23. Блинов В. Русская детская книжка-картинка 1900–1941. М., 2005. 224 с.
24. Скаф М. Визуальная литература. Речевые фигуры и тропы // Детские чтения. 2014. № 2 (006). С. 209–220.
25. Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // Детские чтения. 2016. № 10. С. 285–303.
26. Galef D. Brevity: A Flash Fiction Handbook. Columbia University Press, 2016. 160 p.
27. Moore D. W. The Best of Brevity: Twenty Groundbreaking Years of Flash Nonfiction. Rose Metal Press, 2020. 276 p.

28. Nikolajeva M., Scott C. *How Picturebooks Work* (Children's Literature and Culture). Routledge, 2015. 308 p.
29. Ommundsen A. M. *Looking Out and Looking In. National Identity in Picturebooks of the New Millennium*. Novus Press, 2013. 201 p.
30. Rogers R. *Representations of Slavery in Children's Picture Books*. Routledge, 2020. 220 p.
31. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Наука, 1990. 294 с.
32. Сергеев Д. Что мы читаем? К определению детской книжки-картинки // *Детские чтения*. 2019. № 16 (2). С. 400–415.
33. Семьян Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста как литературоведческая проблема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.
34. Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты: учеб. пособие для магистратуры и аспирантуры. М.: НЛЮ, 2018.
35. «Простите, а где здесь Переход?»: интервью с В. Семыкиной. URL: <https://illustrator-uroki.com/kak-narisovat-knizhku/> (дата обращения: 20 ноября 2022).
36. Бекетова Д. М. Поэтика абсурда в лирике А. Гиваргизова // *Абсурд, гротеск и фантастика в визуальных измерениях: сб. статей / сост. и ред. В. Я. Малкина, С. П. Лавлинский*. М.: Эдитус, 2019. С. 129–136.

References

1. Givargizov A. A. *Perekhod* [Transition]; Khudozhnik Viktoriya Semykina [Artist Victoria Semykina]. Moscow, Egmont Publ., 2018. 64 p. (Pyostroy kvadrat) (in Russian).
2. Kochergina A. A. *Poetika avangarda v tvorchestve sovremennykh detskikh pisateley*. Dis. kand. filol. nauk [Poetics of the avant-garde in the work of modern children's writers. Diss. cand. philol. sci.]. Astrakhan, 2017. 184 p. (in Russian).
3. Kochergina A. A. Priyomy postroyeniya absurdnogo teksta u Artura Givargizova [Techniques for constructing an absurd text by Artur Givargizov]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2016, no. 3-4, pp. 39–44 (in Russian).
4. Leonova E. Yu. Priyomy sozdaniya absurdnogo v stikhotvoreniyakh dlya detey Yu. Morits i A. Givargizova [Techniques for creating the absurd in poems for children by Y. Moritz and A. Givargizov]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya – RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2021, no. 3, pp. 74–83 (in Russian).
5. Voytas S. A. *Miniatyura v kontekste russkoy liricheskoy prozy 1960–80-kh godov*. Dis. kand. filol. nauk [Miniature in the context of Russian lyrical prose of the 1960–80s. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2002. 196 p. (in Russian).
6. Geymbukh E. Yu. *Poetika zhanra liricheskoy prozaicheskoy miniatyury (lingvostilisticheskiy aspekt)*. Dis. dokt. filol. nauk [Poetics of the genre of lyrical prose miniature (linguistic-stylistic aspect). Diss. doc. philol. sci.]. Moscow, 2006. 401 p. (in Russian).
7. Ginda E. N. *Prozaicheskaya miniatyura v sovetskoy literature 60–80-kh godov (na materiale rus., ukr. i belorus. literatur)*. Dis. kand. filol. nauk [Prose miniature in Soviet literature of the 60–80s (on the material of Russian, Ukrainian and Belarusian literature). Diss. cand. philol. sci.]. Odessa, 1988. 158 p. (in Russian).
8. Zemlyakovskaya A. A. *Zhanrovo-kompozitsionnyye osobennosti sobraniy miniatyur M. M. Prishvina* [Genre and compositional features of collections of miniatures by M. M. Prishvin]. Michurinsk, MGPI Publ., 2005. 95 p. (in Russian).
9. Kotova V. Yu. *Peyzazhnaya miniatyura v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka: I. S. Sokolov-Mikitov, Yu. N. Kuranov, V. P. Astaf'yev, V. A. Bocharnikov, Yu. V. Bondarev, B. N. Sergunenko*. Dis. kand. filol. nauk [Landscape miniature in Russian prose of the second half of the 20th century: I. S. Sokolov-Mikitov, Y. N. Kuranov, V. P. Astafiev, V. A. Bocharnikov, Y. V. Bondarev, B. N. Sergunenko. Diss. cand. philol. sci.]. Syktyvkar, 2001. 226 p. (in Russian).
10. Minakova A. V. *Miniatyura v russkoy proze pervoy trety XX veka*. Dis. kand. filol. nauk [Miniature in Russian prose of the first third of the 20th century. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2016. 171 p. (in Russian).
11. Ol'khovskaya Yu. I. *Zhanrovyye protsessy v proze M. M. Prishvina: ot miniatyury k kontekstovym liricheskim formam*. Dis. kand. filol. nauk [Genre processes in M. M. Prishvin: from miniature to contextual lyrical forms. Diss. cand. philol. sci.]. Omsk, 2006. 188 p. (in Russian).
12. Orlitskiy Yu. B. *Prozaicheskaya miniatyura v tvorchestve Khlebnikova* [Prose Miniature in Khlebnikov's Creativity]. *Velimir Khlebnikov v novom tysyacheletii* [Velimir Khlebnikov in the new millennium]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2012. Pp. 107–117 (in Russian).
13. Fed' T. N. *Malye zhanrovyye formy sovremennoy russkoy prozy (V. Astaf'yev, F. Abramov, V. Pikul', Yu. Bondarev)*. Dis. kand. filol. nauk [Small genre forms of modern Russian prose (V. Astafiev, F. Abramov, V. Pikul', Y. Bondarev). Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1993 (in Russian).
14. Shol'ts U. *Zhanr miniatyury v tvorchestve M. M. Prishvina (1930–40-e gg.)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The genre of miniature in the work of M. M. Prishvin (1930–40s). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1986. 15 p. (in Russian).
15. Prokhodova V. P. *Evolutsiya zhanra miniatyury v proze I. A. Bunina*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The evolution of the miniature genre in the prose of I. A. Bunin. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1990. 21 p. (in Russian).
16. Poleva E. A. *Zhanr avtobiograficheskogo miniatyurnogo rasskaza o detstve: proza Angeliki Sumbayevoy* [Genre of an autobiographical miniature story about childhood: the prose of Angelika Sumbaeva]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, vol. 2 (179), pp. 87–92 (in Russian).

17. Poleva E. A. Priyomy yazykovoy igry v prozaicheskikh miniatyurakh sovremennykh regional'nykh pisateley dlya detey [Language game techniques in prose miniatures by modern regional writers for children]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu kafedry russkogo yazyka* [Russian speech culture and text: materials of the X International scientific conference, dedicated to the 25th anniversary of the Department of the Russian language]. Ed. N. S. Bolotnova. 2018. Pp. 122–128 (in Russian).
18. Poleva E. A. Khudozhestvennoye svoeobrazie miniatyur Tat'yany Meyko i Anny Nikol'skoy v kontekste razvitiya zhanrov prozaicheskoy miniatyury dlya detey i liriko-filosofskoy skazki [Artistic originality of miniatures by Tatyana Meiko and Anna Nikolskaya in the context of the development of the genres of prose miniature for children and lyric-philosophical fairy tale]. In: Poleva E. A. (ed.) *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshstva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010-e gg.)* [Siberian literature for children and youth: trends and context of development (1950–2010s)]. Tomsk, Tomskiy CNTI Publ., 2016. P. 33–52 (in Russian).
19. Poleva E. A. Khudozhestvennoye svoeobrazie prozaicheskikh miniatyur-skazok Tat'yany Meyko [Artistic originality of Tatyana Meiko's prosaic miniature fairy tales]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, vol. 10 (163), pp. 172–178 (in Russian).
20. Kharitonova E. V. Malaya proza v tvorchestve sovremennykh detskikh pisateley Urala: zhanrovo-stilevaya variativnost' [Small prose in the work of modern children's writers of the Urals: genre and style variability]. *Filologicheskii klass – Philological Class*, 2018, no. 3 (53), pp. 135–141 (in Russian).
21. Chernyavskaya Yu. O., Mamedova E. S. Transformatsiya fol'klornoy traditsii v maloy proze S. Silina [Transformation of the folklore tradition in the small prose of S. Silin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 1 (213), pp. 104–113 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-104-113
22. Barkovskaya N. “Knizhki s kartinkami”: diskursivnyy konflikt verbal'nogo i vizual'nogo tekstov [Picture Books: Discursive Conflict between Verbal and Visual Texts]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2014, no. 2 (006), pp. 196–209 (in Russian).
23. Blinov V. *Russkaya detskaya knizhka-kartinka 1900–1941* [Russian children's picture book 1900–1941]. Moscow, 2005. 224 p. (in Russian).
24. Skaf M. Vizual'naya literatura. Rechevye figury i tropy [Visual Literature. Speech figures and tropes]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2014, no. 2 (006), pp. 209–220 (in Russian).
25. Skaf M. Komiks i knizhka-kartinka: granitsy vizual'no-literaturnykh zhanrov [Comic and picture book: the boundaries of visual literary genres]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2016, no. 10, pp. 285–303 (in Russian).
26. Galef D. *Brevity: A Flash Fiction Handbook*. Columbia University Press, 2016. 160 p.
27. Moore D. W. *The Best of Brevity: Twenty Groundbreaking Years of Flash Nonfiction*. Rose Metal Press, 2020. 276 p.
28. Nikolajeva M., Scott C. *How Picturebooks Work (Children's Literature and Culture)*. Routledge, 2015. 308 p.
29. Ommundsen A. M. *Looking Out and Looking In. National Identity in Picturebooks of the New Millennium*. Novus Press, 2013. 201 p.
30. Rogers R. *Representations of Slavery in Children's Picture Books*. Routledge, 2020. 220 p.
31. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized texts and their communicative function]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 294 p. (in Russian).
32. Sergeyev D. Chto my chitayem? K opredeleniyu detskoy knizhki-kartinki [What do we read? To the definition of a children's picture book]. *Detskiye chteniya – Children's Readings*, 2019, no. 16 (2), pp. 400–415 (in Russian).
33. Sem'yan T. F. *Vizual'nyy oblik prozaicheskogo teksta kak literaturovedcheskaya problema. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Visual appearance of a prose text as a literary problem. Abstract of thesis. doc. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2006. 43 p. (in Russian).
34. Zenkin S. *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty. Uchebnoye posobiye dlya magistratury i aspirantury* [Theory of Literature. Problems and results: textbook manual for master's and postgraduate studies]. Moscow, NLO Publ., 2018 (in Russian).
35. “Prostitute, a gde zdes' Perekhod?”: interv'y u V. Semykinoy [“Excuse me, but where is the Transition here?”] (in Russian). URL: <https://illustrator-uroki.com/kak-narisovat-knizhku> (accessed 20 November 2022).
36. Beketova D. M. Poetika absurda v lirike A. Givargizova [Poetics of the absurd in the lyrics of A. Givargizov]. In: Malkina V. Ya., Lavlinsky S. P. (comp. and ed.) *Absurd, grotesk i fantastika v vizual'nykh izmereniyakh: sbornik statey* [Absurd, grotesque and fantasy in visual dimensions: collection of articles]. Moscow, Editus Publ., 2019. Pp. 129–136 (in Russian).

Информация об авторе

Ходина Е. Ю., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061); главный библиотекарь, Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева (ул. Свердлова, 23, Иркутск, Россия, 664025).

Information about the author

Khodina E. Yu., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061), chief librarian, Irkutsk Regional Children's Library named after Mark Sergeev (ul. Sverdlova, 23, Irkutsk, Russian Federation, 664025).

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 11.11.2022; accepted for publication 07.12.2022

УДК 882:82-3(08)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

«АРЗАМАССКИЙ КОД» И ТВОРЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В. А. ЖУКОВСКОГО В «ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» Н. В. ГОГОЛЯ

Денис Александрович Щуков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
d.schukov@gmail.com*

Аннотация

В сборнике повестей «Миргород» Н. В. Гоголь рассуждает о том, что стоит за народной идиллией. Он показывает абсурдность любого отклонения от своей гармонической модели (смещение суеверия и догм христианства в «Вие», кверулянтство помещиков по глупому вопросу в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Алогичность последней повести является особенно пугающей. Она сигнализирует о распаде культуры доброго соседства, дружбы и патриархальности.

В первой трети XIX в., когда Гоголем были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки», в России массово возникают дружеские общества и активно развивается жанр «дружеское послание», поэтому мотив ссоры, репрезентированный уже в номинации произведения, мог вызывать негативные ассоциации.

Жанр дружеского послания активно развивали участники литературного общества «Арзамас», что вполне могло стать предметом рефлексии Гоголя. Визитной карточкой «Арзамаса» являлась «галиматья», товарищеские посиделки. Абсурдные речи приятелей приобретали письменную форму. Практически всегда фиксировал шуточные тексты заседаний «Арзамаса» поэт В. А. Жуковский.

В связи с этим мы считаем правомерным обращение к этой грани таланта Жуковского при дальнейшем анализе гоголевской повести о двух Иванах, в которой повсеместно выявляются абсурдистика и шаржи. Цель статьи – выявление «арзамасского кода» и анализ творческих моделей произведений Жуковского в гоголевском тексте. Данный анализ проводится впервые и позволит расширить спектр интерпретаций «Повести...». Выбор моделей произведений Жуковского обоснован тем, что поэт являлся бессменным секретарем «Арзамаса»; кроме того, поэт в определенной степени продолжает сентиментальную линию в русской литературе, что коррелирует с избранной для анализа субъективностью дружеских посланий.

Материалом статьи является произведение Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», арзамасские протоколы В. А. Жуковского, а также такие его произведения, как драматическая поэма «Орлеанская дева»; стихотворение «Теон и Эсхин»; статьи из журнала «Вестник Европы»; баллады «Ленора», «Людмила», «Светлана»; дружеское послание «К Батюшкову» и пр.; басня «Ссора плешивых» и пр. В работе применяются компаративный и биографический методы исследования.

Финальная повесть тетралогии характеризуется абсурдностью, а не гармонией. В повести происходит смешение контекстов: светлое, идиллическое соседствует с разрушительным отрицанием, низменное и греховное проникает в сознание гоголевских персонажей. Кроме того, повествователь ставит знак равенства между человеком и вещью.

Человек в финальной повести «Миргорода» постепенно превращается в хищника и вредителя. Главные герои ссорой уничтожают природную гармонию, что противоречит принципам творчества Жуковского. Поэт в своей лирике часто воспекает дружбу, любовь и гармонию, в повести Гоголя же мы видим кризис данных ценностей.

В повести Гоголя нет достаточного количества компонентов дружеских посланий, подобных тем, что писал Жуковский.

Идиллическая модель Жуковского, которая еще просматривалась в «Старосветских помещиках», в «Повести...» совершенно исчезает. Во-первых, нивелируется патриархальность. Человеку уже мало беззаботного пребывания на лоне природы. Во-вторых, читатель не видит семей и семейных пар (Иван Иванович и Иван Никифорович – холосты и не имеют детей). Идиллия в «Миргороде» отныне невозможна, невозможны и гармоничные отношения между персонажами.

Герои не стремятся к познанию нового, не желают отказаться от пагубных страстей. Никто не может вразумить рассорившихся. Иван Иванович и Иван Никифорович превращаются в кверулянтов, а судебная тяжба для бывших друзей становится культом, навязчивой идеей. Они не слышат ни голоса совести, ни советов окружающих. Развитие и воскресение персонажей откладывается навечно.

Известная «арзамасская галиматья» играет роль фасилитатора в ссоре героев. Гоголевский рассказчик намеренно использует ее, чтобы продемонстрировать уникальность явления дружбы.

В произведении повсеместно происходит подмена понятий. Дружба превращается в антидружбу, идиллия – в антиидиллию, а низменное подменяет вечные ценности. Абсурд гоголевской повести напоминает арзамасскую карнавализацию. Повествователю присуща высокая патетика при описании низменных предметов.

Таким образом, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» мы видим решительный отказ от юношеских стремлений Гоголя к постижению и репродукции высоких идиллических и элегических моделей Жуковского. Из текста писателя ясно, что дружба ныне – редкое духовное явление. Это уничтожает модель дружеских посланий и создает своего рода антагонизм, несвойственный творческому мышлению Жуковского. Экзальтированность Гоголя, подражание поэту в «Миргороде» ослабевают. Жуковский верит, что все изменения в мире к лучшему, мнение же Гоголя на этот счет несколько отличается. Он зачастую показывает искаженный, деформированный мир. К финалу «Миргорода» не остается места и эстетическому, ибо Иван Иванович и Иван Никифорович отвратительны в своей мелочности. Гоголь показывает итог отпадения человека от патриархальных традиций и христианских ценностей, что ведет к нарушению логики мироздания (это прозревается и ранее в гибели главных героев повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий»).

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, дружеское послание, повесть, естественность, норма, общество «Арзамас», абсурд

Для цитирования: Шуков Д. А. «Арзамасский код» и творческие модели В. А. Жуковского в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 132–142. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

“ARZAMAS CODE” AND V. A. ZHUKOVSKY’S CREATIVE MODELS IN “THE TALE OF HOW IVAN IVANOVICH QUARRELLED WITH IVAN NIKIFOROVICH” BY N. V. GOGOL

Denis A. Shchukov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.schukov@gmail.com

Abstract

In the collection of stories “Mirgorod” N. V. Gogol discusses what is behind the folk idyll. He shows the absurdity of any deviation from his harmonic model (the mixing of superstition and dogmas of Christianity in the “Viy”, the landlords’ quarrel over a stupid question in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”). The illogicality of the last story is particularly frightening. It signals the disintegration of the culture of good neighborhood, friendship and patriarchy.

In the first third of the XIX century, when Gogol wrote “Evenings on a Farm Near Dikanka”, friendly societies appeared en masse in Russia and the genre of “epistle to a friend” was actively developing, so the motive of the quarrel, already represented in the nomination of the work, could cause negative associations.

The genre of the “epistle to a friend” was actively developed by the participants of the literary society “Arzamas”, which could well become the subject of Gogol’s reflection. The business card of “Arzamas” was “galimat’ya” (nonsense), friendly gatherings. Absurd speeches of friends acquired a written form. The poet V. A. Zhukovsky almost always recorded the comic texts of “Arzamas” meetings.

In this regard, we consider it legitimate to refer to this facet of Zhukovsky’s talent in the further analysis of Gogol’s “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”, in which absurdism and caricatures are everywhere revealed.

The purpose of the article is to identify the “Arzamas code” and analyze the creative models of Zhukovsky’s works in Gogol’s text. This analysis is being conducted for the first time and will expand the range of interpretations of the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”. The choice of Zhukovsky’s works models is justified by the fact that the poet was the permanent secretary of “Arzamas”; in addition, the poet continues to a certain extent the sentimental line in Russian literature, which correlates with the subjectivity of epistles to a friend chosen for analysis.

The material of the article is the work of N. V. Gogol “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”, “Arzamas” protocols of V. A. Zhukovsky, as well as such his works as the dramatic poem “The Maid of Orleans”; the poem “Theon and Aeschines”; articles from the journal “Herald of Europe”; ballads “Lenore”, “Lyudmila”, “Svetlana”; epistle to a friend “To Batyushkov”, etc.; fable, “The Quarrel of the bald”, etc. Comparative and biographical research methods are used in the work.

The final story of the tetralogy is characterized by absurdity, not harmony. There is a mixture of contexts in the story: the bright, idyllic side by side with destructive denial, the base and sinful penetrates into the consciousness of Gogol’s characters. In addition, the narrator puts an equal sign between a person and a thing.

The man in the final story of “Mirgorod” gradually turns into a predator and pest. The main characters destroy the natural harmony by quarreling, which contradicts the principles of Zhukovsky’s creativity. The poet often sings friendship, love and harmony in his lyrics, but in Gogol’s story we see a crisis of these values.

In Gogol’s story there are not enough components of friendly messages like those that Zhukovsky wrote.

The idyllic model of Zhukovsky, which was still visible in the “Old-World Landowners”, completely disappears in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich”. Firstly, patriarchy is leveled. A carefree stay in the bosom of nature is no longer enough for a person. Secondly, the reader in the “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich” does not see families and couples (Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich are single and have no children). Idyll in “Mirgorod” is now impossible, and harmonious relations between the characters are also impossible.

The heroes do not seek to learn new things, do not want to give up harmful passions. No one can reason with those who have quarreled. Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich turn into litigators, and litigation for former friends becomes a cult, an obsession. They do not hear the voice of conscience, nor the advice of others. The development and resurrection of the characters is postponed forever.

The famous “Arzamas galimat’ya” plays the role of a facilitator in the quarrel of the heroes. Gogol’s narrator deliberately uses it to demonstrate the uniqueness of the phenomenon of friendship.

There is a substitution of concepts everywhere in the work. Friendship turns into anti-friendship, idyll turns into anti-idyll, and the base replaces eternal values. The absurdity of Gogol’s story resembles “Arzamas” carnival. The narrator is characterized by high pathos when describing lowly objects.

Thus, in “The Tale of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich” we see a decisive rejection of Gogol’s youthful aspirations to comprehend and reproduce Zhukovsky’s high idyllic and elegiac models. It is clear from the writer’s text that friendship is now a rare spiritual phenomenon. This destroys the model of epistle to a friend and creates a kind of antagonism, uncharacteristic of Zhukovsky’s creative thinking. Gogol’s exaltation and imitation of the poet in “Mirgorod” are weakening. Zhukovsky believes that all changes in the world are for the better, but Gogol’s opinion on this is somewhat different. He often shows a distorted, deformed world. By the end of “Mirgorod” there is no place for the aesthetic, because Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich are disgusting in their pettiness. Gogol shows the result of man’s falling away from patriarchal traditions and Christian values, which leads to a violation of the universe logic (this was seen earlier in the death of the main characters in the novels “Old World Landowners”, “Taras Bulba”, “Viy”).

Keywords: N. V. Gogol, V. A. Zhukovsky, epistle to a friend, tale, naturalness, norm, “Arzamas” literary society, absurd

For citation: Shchukov D. A. “Arzamasskiy kod” i tvorcheskiye modeli V. A. Zhukovskogo v “Povesti o tom, kak possorilsya Ivan Ivanovich s Ivanom Nikiforovichem” N. V. Gogolya [“Arzamas Code” and V. A. Zhukovsky’s Creative Models in “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarrelled with Ivan Nikiforovich” by N. V. Gogol]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 132–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-132-142>

Введение

Финальное произведение сборника Н. В. Гоголя «Миргород» «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» демонстрирует минорную сторону жизни. Гоголевская повесть насыщена авторским пессимизмом и мрачными коннотациями. Это считается в структуре текста произведения. Кроме того, Л. В. Карасев пишет, что «название повести вместе с заголовками глав... подчеркивает абсурдность, нелепость случившегося» [1, с. 202].

Известно, что уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь пытается показать читателю свое видение народной идиллии, которая характеризуется цельностью и стройностью (суточные и природные циклы, гармония человека и окружающего мира). В «Вечерах...» Гоголь показывает, к чему может привести разрушение традиций народного единства («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть»). У писателя формируется свое понимание категорий идеального и прекрасного.

А. П. Давыдов пишет, что гармония для Гоголя «...царство соборности... единомыслие... патриархальные отношения» [2, с. 90]. В «Миргороде» писатель продолжает рассуждать о том, что стоит за народной идиллией. Он показывает абсурдность любого отклонения от близкой ему гармонической модели (эта абсурдность проявляется в смешении суеверия и догм христианства в «Вие», в кверулянтстве помещиков в повести о двух Иванах). Алогичность последней повести является особенно пугающей. Она сигнализирует о распаде культуры доброго соседства, дружбы и патриархальности (вспомним, что большинство повестей книги «Вечера на хуторе близ Диканьки» демонстрируют народное единение и дружбу). Действительно, в первой трети XIX в., когда Гоголем были написаны «Вечера...», в России массово возникают дружеские общества и активно развивается жанр дружеского послания, поэтому мотив ссоры, репрезентированный уже в номинации произведения, мог вызывать негативные ассоциации. Под дружеским

посланием (письмом) вслед за томским исследователем Н. Е. Никоновой мы понимаем «своего рода гипержанр преимущественно не информативного характера, в функционально-прагматическом плане имеющий в качестве основной задачи организацию и оформление самого общения» [3, с. 44]. О. Б. Лебедева отмечает, что это «жанр, принадлежащ[ий] к области так называемой домашней поэзии и тем самым относим[ый] именно к личной жизни частных людей, адресата и адресанта» [4, с. 95].

Отношение Гоголя к дружескому посланию противоречиво. Писатель часто нарушает его каноны. У. М. Тодд отмечает, что «образованное общество, культивировавшее... дружеское письмо, не привлекало симпатий Гоголя, воображение которого стремилось увидеть алогичное и нелепое за красивым фасадом... Гоголь возвращает письму субъективность в более глубокой, сложной форме, чем просто приятное выражение чувствительности... Субъективные письма Гоголя исполнены эмоциональной приподнятости и внутренней драматизации, в них ряд признаний (верность которых далеко не всегда может быть подтверждена) и... богатая галерея масок...». [5, с. 167]. Такая эпистолярная культура Гоголя шла вразрез, например, с традициями дружеского послания литературного общества «Арзамас». Именно его участники активно развивают данный жанр, который вполне мог стать предметом рефлексии писателя.

У. М. Тодд подчеркивает значимость этого общества для русских литераторов первой трети XIX в. Исследователь пишет, что арзамасцы непосредственно влияют на культуру и нравы начала XIX в. «...Пушкин, Батюшков и Жуковский были лучшими поэтами своего времени. Вяземский, Жихарев и Вигель написали мемуары, интерес к которым не угас и по сей день. Карамзин, Жуковский, Вяземский, Воейков и Пушкин издавали важные журналы...» [5, с. 46]. Действительно, «Арзамас» (или «Арзамасское общество безвестных людей») стал знаковым общественно-культурным явлением. Он был образован в Петербурге в 1815 г., и его главной целью стоит считать идеологическую борьбу против консервативного общества А. С. Шишкова «Беседа любителей русского слова». Кроме того, арзамасцы «...разделяли интересы своей эпохи: увлечение дружеской перепиской, споры о стиле, культ дружбы, апелляция в литературных вопросах к мнению образованного общества и модное увлечение литературой» [5, с. 45].

Гоголь не являлся участником «Арзамаса», однако его произведения попадали в поле зрения участников общества. Предположим, что поведение Гоголя в обществе коррелирует с карнавальной традицией «Арзамаса», так как писатель порой по-

зволял себе поведение, не всегда укладывающееся в рамки принятых условностей. Например, он мог «...рассказать невероятно смешной анекдот в семье, где носят траур, при первом знакомстве отпустить замечание насчет работы своего кишечника, погрязнуть в пошлых мелочах, беседовать с женщинами принужденно и неестественно (вместо легкой светской болтовни)...», не помешало бы небольшое пояснение того, что в этом карнавального [6, с. 204].

Визитной карточкой «Арзамаса» являлась «га-лимаж», товарищеские посиделки. Абсурдные речи приятелей приобретали письменную форму. Практически всегда фиксировал шуточные тексты заседаний «Арзамаса» поэт В. А. Жуковский. Он оказался мастером юмористических очерков и дружеских шаржей.

В связи с этим мы считаем правомерным обращение к этой грани таланта Жуковского при дальнейшем анализе гоголевской повести о двух Иваннах, в которой повсеместно обнаруживаются абсурдистика и шаржи. Цель статьи – выявление «арзамасского кода» и анализ творческих моделей произведений Жуковского в гоголевском тексте. Данный анализ проводится впервые и позволит расширить спектр интерпретаций «Повести...». Выбор моделей произведений Жуковского обоснован тем, что поэт являлся бессменным секретарем «Арзамаса» (именно благодаря Жуковскому до нас дошли его протоколы); кроме того, поэт в определенной степени продолжает сентиментальную линию в русской литературе, что коррелирует с избранной для анализа субъективностью дружеских посланий.

Материал и методы

Материалом статьи является произведение Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», арзамасские протоколы В. А. Жуковского, а также такие его произведения, как драматическая поэма «Орлеанская дева»; стихотворение «Теон и Эсхин»; статьи из журнала «Вестник Европы»; баллады «Ленора», «Людмила», «Светлана»; дружеское послание «К Батюшкову» и пр.; басня «Ссора плешивых» и пр.

В работе применяются компаративный и биографический методы исследования.

Результаты и обсуждение

Гоголевская повесть действительно начинается как дружеский шарж – глупая ссора соседей. Однако за смехом повести о двух Иваннах скрывается глубокая печаль, потерянные иллюзии гоголевского нарратора. Жуковский, на которого писатель мог ориентироваться, тоже не ограничивается в своем творчестве лишь смешными арзамасскими прото-

колами. Поэт обращается к духовным темам (смирение, провидение). Отметим, например, дружеское послание поэта «К Батюшкову»:

<...>

Вот жребий драгоценный!

О друг! тогда для нас

И бедствия священи.

И пусть тот луч угас,

Которым украшался

Путь жизни пред тобой,

<...>

Ты жив блаженством милой:

Как тихое светило,

Оно в твоих глазах

<...> [7, т. 1, с. 202].

На творческое сознание Гоголя воздействуют две традиции (дружеские письма арзамасцев, с которыми он мог быть знаком, и субъективные письма в духе сентиментализма). Однако финальная повесть тетралогии характеризуется абсурдностью, а не гармонией. Высокие душевные порывы, зрелый взгляд на жизнь рассказчика соседствуют с карнавальным началом в духе «Арзамаса».

В повести происходит смешение контекстов: светлое, идиллическое соседствует с разрушительным отрицанием, низменное и греховное проникает в сознание гоголевских персонажей. В связи с этим примечательно, что начинается повесть с описания предмета гардероба главного героя, а не с идиллического воспевания степенной и уединенной жизни вдали от соблазнов цивилизации: «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! ...Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекеши!» [8, т. 2, с. 223].

В повести происходит тотальное овеществление жизни. Повествователь ставит знак равенства между человеком и вещью: «Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде!» [8, т. 2, с. 223]. Примечательно, что гоголевский рассказчик акцентирует внимание читателя на материальном, а не на духовном (последнее постепенно уходит из Миргорода).

После описания бекеши и двора дома Ивана Ивановича упоминается часто считающийся идиллическим образ сада. Тем не менее нельзя утверждать, что он во всем соответствует данному жанру: «Чего там нет! Сливы, вишни, черешни, огорода всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница» [8, т. 2, с. 223–224]. Особый диссонанс в природную гармонию сада вносит кузница, ведь «кузнечное ремесло в народной традиции считалось... искусством, связанным со сверхъестественным знанием, колдовством, в

том числе общением с нечистой силой, чертями» [9, т. 3, с. 22]. Гумно тоже считалось возможным «место[м] обитания демонологических персонажей... Полагали, что демон гумна может активно воздействовать на обмолот зерна, поэтому его ублажали и задабривали...» [10, т. 1, с. 37].

Не совсем идиллической стоит признать и жизнь Ивана Никифоровича. Репрезентацией внутреннего мира персонажа является «двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке...» [8, т. 2, с. 231]. Из представленного эпизода видно, что Иван Никифорович небрежно относится к природе, захламляет окружающее пространство. На его дворе располагаются совершенно непрактичные в быту вещи. В частности, не совсем ясно, для чего он хранит там ружье. Учитывая, что персонаж не является военным человеком, можно было бы предположить, что он охотник или коллекционер. Однако читатель постоянно видит инертного героя: он лежит без дела, ружье не используется по назначению. Это можно рассматривать как своего рода проявление абсурдности бытия помещиков, которое в конечном счете приведет к тому, что ружье выступит поводом для глупой ссоры. Такие ситуации часто высмеиваются в баснях Жуковского («Сокол и голубка», «Голубка и сорока», «Старый кот и молодой мышонок», «Похороны львицы» и др.). Одна из басен поэта и вовсе в номинации имеет лексему «ссора» («Ссора плешивых»). История Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича напоминает ее сюжет:

Два кума лысые дорогой шли

И видят, что-то на траве блистает.

Ну! — думают — мы клад нашли!

«Моя находка!» — «Вздор!» — Уж кума кум толкает

И в спину и в бока!

Увы! последнего седого хохолка

На гладких лысынах не стало!

За что же дело стало?

За что свирепый бой? —

За гребень роговой! [7, т. 1, с. 91].

Человек в финальной повести «Миргорода» постепенно превращается в хищника и вредителя. Главные герои ссорой уничтожают природную гармонию, что противоречит принципам творчества Жуковского. Поэт в своей лирике часто воспевает дружбу, любовь и гармонию, в повести Гоголя же мы видим кризис данных ценностей. Статус персонажей не соответствует действительности (героев называют друзьями, но они таковыми не являются).

Жуковский действительно высоко ценил дружбу. В его творчестве обнаруживается значительное количество дружеских посланий к А. Ф. Воейкову, П. А. Вяземскому, А. А. Плещееву и др. Они наполнены искрометным юмором и теплотой. В повести Гоголя же нет достаточного количества компонентов подобных дружеских посланий.

Агрессия Ивана Ивановича после ссоры с товарищем направлена против невинных: «...Иван Иванович... встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается без дела, между тем как она тащила крупу в кухню; кинул палкой в петуха, который пришел к крыльцу за обыкновенной подачей...» [8, т. 2, с. 239–240]. Как мы помним, не уступает Ивану Ивановичу в подобном проявлении своей обиды и Иван Никифорович.

П. Х. Тирген пишет, что «смехотворное оружие и в сущности столь же смехотворная ссора соседей привели к злой демонстрации банальности зла, прикрытой поверхностным комизмом. Гоголь не оставляет читателю возможности усомниться в том, что оба Ивана являются жертвами черта» [11, с. 109]. Идентичную позицию занимает и Н. Н. Брагина: «...чертовщина и бесовство правят перевернутым миром „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“, но это не пришедшие извне демонические фигуры, а внутренняя сущность антигероев „Миргорода“» [12, с. 63]. В конце повести читатель видит результат демонических устремлений героев: они предстают совершенно обнищавшими, постаревшими помещиками, одержимыми злостью.

Впрочем, это зло нового порядка. Оно не коррелирует, например, с балладными ужасами Жуковского, но страшно своей скрытностью, замаскированностью. Зло становится регулятором городской жизни. Показательна судьба бездомного Антона Прокофьевича, которого унижают все желающие, в частности люди, призванные защищать закон: «...с Антоном Прокофьевичем никто иначе не говорил, как шутя... клали ему на голову зажженную бумагу, чем особенно любили себя тешить судья и городничий» [8, т. 2, с. 268–269].

Идиллическая модель Жуковского, которая еще просматривалась в «Старосветских помещиках», в «Повести...» совершенно исчезает. Во-первых, нивелируется патриархальность. Человеку уже мало беззаботного пребывания на лоне природы (Иван Иванович и Иван Никифорович озабочены написанием кляуз, искусственно создают себе проблемы, а не наслаждаются гармоничной жизнью в своих поместьях). Во-вторых, читатель не видит семей и семейных пар (Иван Иванович и Иван Никифорович холосты и не имеют детей). Идиллия в «Миргороде» отныне невозможна, невозможны и гармоничные отношения между персонажами. Представ-

ленная ситуация напоминает перевернутый сюжет стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин», в котором Эсхин потерял жизненные ориентиры и ищет утешения у своего мудрого друга Теона. Жуковский подчеркивает значимость дружеского совета:

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои –
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна [7, т. 1, с. 383].

В разрушении идиллии не обошлось без вмешательства inferнальных сил. Наслаждение простыми радостями жизни, созерцание природы, теплые отношения среди миргородцев к финалу «Повести...» нивелируются. Т. А. Волоконская пишет, что «В „Миргороде“... вмешательство нечистой силы в жизнь человека совершается повсеместно, порождая пестрый, хаотичный характер метаморфоз. Первопричина этого взаимодействия миров – в глобальном уничтожении границ между нормальным и противоестественным» [13, с. 12]. В идиллии же воспеваются естественность, стабильность, у персонажей идиллии целостная картина мира.

В повести Гоголя персонажи не стремятся к познанию нового, не желают отказаться от пагубных страстей. Никто не может вразумить рассорившихся главных героев. Иван Иванович и Иван Никифорович превращаются в кверулянтов, а судебная тяжба для бывших друзей становится культом, навязчивой идеей. Они не слышат ни голоса совести, ни советов окружающих. Жуковский в своей лирике подчеркивает значимость прощения в дружбе:

Друзья! „прости“ – словцо святое,
Оно не значит розно жить;
Напротив – неразлучней быть

Воспоминанием и старой дружбой вдвое! [7, т. 1, с. 223].

Необходимо проанализировать причину ссоры двух Иванов. Возможно, негативное развитие событий обусловлено определенным недопониманием. Обратимся к лексеме «гусак». Во времена Гоголя она являлась полисемантической. Очевидно, что в контексте разговора двух Иванов ее можно интерпретировать как грубость. Однако если дистанцироваться от ссоры главных героев, то оскорбление «гусак» в более широком контексте может стать нейтральным и более приемлемым словом «гордый», так как Иван Иванович буквально держится в обществе как гусь, смотря на людей свысока. Кроме того, обращение к «птичьему коду», на наш взгляд, играет определенную роль (обыгрывание Гоголем своей птичьей фамилии).

Известно, что фамилия писателя происходит от номинации птицы (обыкновенный гоголь). Эта птица является дикой уткой, то есть, с одной стороны, имеет черты степенности, оседлости домашней птицы (гнездование, выведение потомства и т. п.), но, с другой стороны, гоголь явно имеет свой хищнический нрав. Исследователи отмечают, что «...высокий, „горбатый“ череп... высокое надклювье позволяют ему с большой силой сжимать добычу...» [14, с. 972]. Кроме того, эта птица имеет «короткие массивные челюсти... необычно крупные челюстные мышцы...» [14, с. 972]. Так, предположим, что Иван Никифорович посчитал Ивана Ивановича диким, необузданным человеком.

Зверинные и даже хищнические повадки свойственны Ивану Ивановичу. Например, вспомним эпизод ночного набега персонажа на гусиный хлев Ивана Никифоровича, террор «врага» (свинья Ивана Ивановича съедает судебные прошения Ивана Никифоровича), недопущение на свою территорию «противника» и его «союзников» (избиение дворовых мальчишек «недруга» и т. п.). Это метафорически сопоставимо с одним из пунктов седьмого протокола «Арзамаса»: «...делать набеги на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало» [15, т. 13, полутом 1, с. 27].

Впрочем, «Арзамасу» была не чужда и высокая патетика. Она заключалась в наигранной официозности собрания членов общества. У. М. Тодд пишет, что «официальные собрания „Арзамаса“ состояли из чтения (обычно Жуковским) протоколов, шуточных панегириков, приветственных речей и из обедов, на которых подавался жареный гусь» [5, с. 51].

Вновь обратим внимание на образ гуся. С. А. Дубровская отмечает, что появление символики гуся «...можно назвать лейтмотивным: практически в каждом протоколе Жуковский создает смеховые ситуации с помощью „гусиной“ темы...» [16, с. 115]. Кроме того, образ гуся для «Арзамаса» многоаспектен: «Город Арзамас издавна славился гусями; вот и стал гусь символом „Арзамаса“; его изобразили на печати общества; его же обычно подавали на ужин в конце заседания» [17, с. 59]. Важен и момент сакральности данного образа для арзамасцев. П. А. Вяземский пишет: «Поставьте от меня свечку преподобному арзамасскому гусю. Когда приложусь к священной его...» [18, с. 403].

Итак, объединяя факты, рассмотренные выше, заметим определенную символичность ассамблеи городничего (сама лексема «ассамблея» имеет семантику «собрания»). Она отдаленно напоминает заседание «Арзамаса», на него спешат приятели со всего города для того, чтобы прекрасно провести

время за обедом. Помимо этого, на обеденном столе также представлена жареная птица (правда, индейка, а не гусь), что тем не менее не представляется принципиальным. Неравнодушные миргородцы предпринимают авантюрную попытку примирить рассорившихся Иванов на ассамблее городничего. Ничто не предвещает беды, собравшиеся смеются, хорошо проводят время, но все меняется, когда становится ясно, что «злейшие враги» не готовы стать частью приятельской атмосферы. Похожий эпизод можно выделить в одном из протоколов общества «Арзамас»:

Нечто пузообразное, пупом венчанное вздулось,

Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало бурчанье.

Члены смутились, Рейн дернул за кофту Старушку,

С страшной перхотой Старушка бросилась в руки Варвику,

Журка клюнул Пустынника, тот за хвост Асмодея,

Начал бодать Асмодей Громобоя, а этот облапил,

Сморщась, как дряхлый сморчок, Светлану... [19, т. 2, с. 57].

Известная «арзамасская галиматья» играет роль фасилитатора в ссоре героев. Гоголевский рассказчик намеренно использует ее, чтобы продемонстрировать уникальность явления дружбы. Отметим, что члены общества никогда не были врагами, их связывала дружба и любовь к литературе. Приверженность «галиматье» являлась маркером крепких уз членов общества.

Однако дружба Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича разрывается. Можно провести параллель между «гусаком», которым нарекли Ивана Ивановича, и прозвищем «Ободранная Гуска» [15, т. 11, полутом 1, с. 32], которое было присвоено одному из участников «Арзамаса», так как герой нарушает правила дружбы и не идет на примирение. «Звание» «Ободранной Гуски» получил А. И. Тургенев (Эолова Арфа), член «Арзамаса», за то, что «...издал некоторые непристойные звуки отрицания...» [15, т. 11, полутом 1, с. 32]. Арзамасец «провинился» перед литературным обществом и по «приговору» друзей признан «покойником» и оскорбительное «...прозвание... сохраняет... пока... не воскресит себя» [15, т. 11, полутом 1, с. 32]. Обратим внимание на определенные традиции «Арзамаса» (похоронная символика, обряды, метафорика). Для того чтобы стать истинным арзамасцем, нужно пройти инициацию, связанную с метафорической смертью и возрождением. Иван Иванович отрицает дружеские связи с Иваном Никифоровичем, постоянно судится с «закадычным другом». Герой

умирает для гармоничного мира, в котором христианское милосердие и прощение являются основами мироздания.

В связи с этим развитие и воскресение персонажей откладывается навечно. Символично, что Иван Иванович ест на обеде городничего рыбу: «Он особенно занялся этим полезным и питательным упражнением. Выбирая самые тонкие рыбки косточки, он клал их на тарелки...» [8, т. 2, с. 271]. Ихтиологические образы традиционно ассоциируются с христианской верой, что придает обеду сакральность. Более того, в контексте нашего исследования рыба по своему символическому наполнению соотносима с арзамасским гусем. Тем не менее в данном эпизоде гоголевской повести мы не видим ни христианского братства, ни единения друзей. Все это уничтожается Иваном Ивановичем, подобно рыбе, которую он съедает.

Этика «Арзамаса» не предполагала такого развития событий. Заседания завершались ритуальной трапезой поедания гуся – своеобразной евхаристией (гусь мыслился как бог вкуса, съедание интерпретировалось как приобщение к литературному творчеству и искусству). Приобщение к высокому через пищу – это распространенный сюжет в мировых религиях и культурах. Однако в таком мероприятии важен момент соборности. Подобные трапезы имеют духовное значение, а не гедонистическое (вспомним, например, последний ужин Иисуса Христа с апостолами). Иван Иванович же никого не замечает во время ужина, он лишь наслаждается пищей, что, естественно, не приведет персонажа к соборности и спасению.

Тяжба между бывшими товарищами не прекращается. Понятие «дружба» навсегда забывается в Миргороде, что, безусловно, разрушает прежние этические основы гоголевской книги. На это обращает внимание Н. В. Хомук, отмечая, что «в повести критика „другого“, тяжба „я“ с „другим“ есть бессознательная форма самокритики без необходимого покаяния, обновления и, следовательно, развития» [20, с. 15]. Развитие в художественном мире гоголевской повести откладывается, а затем и вовсе становится невозможным (финальный эпизод в церкви).

Вновь обратимся к абсурдистике «Арзамаса». По мысли М. Н. Виролайнен, словесные эксперименты данного общества иницируют... временное прерывание привычных логических связей ради их же дальнейшего укрепления, подтверждения» [21, с. 483]. Однако дружеские связи главных героев повести Гоголя являются изначально искусственными, поэтому гоголевский нарратор прибегает к многочисленным псевдоподтверждениям теплых приятельских отношений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Это напоминает «арзамас-

скую галиматью». Ее суть заключалась в многократных повторах, наслоениях.

В произведении повсеместно происходит подмена понятий. Дружба превращается в антидружбу, идиллия – в антиидиллию, а низменное подменяет вечные ценности. Абсурд гоголевской повести напоминает арзамасскую карнавализацию. Повествователю присуща высокая патетика при описании низменных предметов.

Помимо пафосного описания бекеши Ивана Ивановича, повествователь, используя ту же речевую тактику, обращает внимание на предметы, не заслуживающие особого внимания.

Во-первых, это подробное описание экипажей, прибывающих на ассамблею городничего, во-вторых, апогеем миргородского абсурда становится воспевание местной достопримечательности – городской лужи: «...удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть!» [8, т. 2, с. 243].

Все в гоголевской повести предстает не в том свете: «Вдруг Иван Иванович вскрикнул и обомлел: ему показался мертвец; но скоро он пришел в себя, увидевши, что это был гусь, просунувший к нему свою шею» [8, т. 2, с. 243]. Представленный эпизод можно расценить как ироническое обыгрывание балладных сюжетов Жуковского («Людмила», «Светлана», «Ленора»), связанных с ночным явлением выходцев с того света.

Впрочем, смех в повести Гоголя к финалу сменяется плачем природы, который может ощущать читатель, знакомясь с последним эпизодом в миргородской церкви: «Свечи при пасмурном, лучше сказать, больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами» [8, т. 2, с. 275]. Человек, окончательно нарушив все естественные законы жизни, теряет связь с природой. Идиллия уходит из жизни миргородцев.

Безусловно, что подобный мрачный колорит мира, лапидарно представленный гоголевским повествователем посредством фразы («Скучно на этом свете, господа!» [8, т. 2, с. 276]), обнажает минорную сторону жизни. Тем не менее «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» трудно сопоставить с элегиями Жуковского. В тексте Гоголя не обнаруживается той высокой грусти, меланхолии, свойственной элегиям поэта. Эти особенности гоголевской повести подменяются усталостью от «поглощающей мир пошлости».

Обратившись к прозе Жуковского в «Вестнике Европы», читатель может обнаружить, что поэт, подобно Гоголю, не всегда сакрализует дружбу. Житейская пошлость и в его парадигме способна

нивелировать данное явление. Так, Жуковский описывает, как в возрасте пятнадцати лет дружил с молодым человеком, однако пути их впоследствии разошлись, поскольку его друг был знатен родом в отличие от будущего поэта. Тем не менее Жуковский упоминает и о противоположной ситуации, когда он был во всем равен с новообретенным другом, но привычки, которые со временем изменились, также развели их дороги и привели к равнодушию [22, т. 10, книга 1, с. 127–128].

Эти случаи из реальной жизни Жуковского демонстрируют всю многогранность, противоречивость и сложность понятия «дружба». Особенно репрезентативен пример поэта с «равнодушной дружбой»: она для него немислима. Жуковский подчеркивает, что дружба – это не привычные разговоры, общие интересы и не совместное приятное времяпрепровождение, это – осознанное и высшее волеизъявление души человека. Поэт отмечает, что «...дружба... есть договор, подобный другим договорам, но только самый священный» [23, т. 10, книга 2, с. 272].

Священный договор в «Повести...» явно нарушен. И. А. Поплавская пишет, что «не случайно повествователю стало „скучно на этом свете“... Эта этико-мировоззренческая позиция повествователя переводит конфликт произведения в особую пространственно-временную плоскость, в которой смысловыми центрами выступают „тот свет“, „этот свет“ и время „второго пришествия“» [24, с. 324]. Упомянутое восклицание автора мо-

жет напоминать о том, что расплата за подобную духовную деградацию рано или поздно настигнет героев.

Заключение

Таким образом, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» мы видим решительный отказ от юношеских стремлений Гоголя к постижению и репродукции высоких идиллических и элегических моделей Жуковского. Из текста писателя ясно, что дружба ныне – редкое духовное явление. Это уничтожает модель дружеских посланий и создает своего рода антагонизм, несвойственный творческому мышлению Жуковского. Экзальтированность Гоголя, подражание поэту в «Миргороде» ослабевают. Жуковский верит, что все изменения в мире к лучшему, мнение же Гоголя на этот счет несколько отличается. А. С. Янушкевич пишет, что «Жуковскому импонируют мысли Фихте о жизни как великом благе, о познании счастья земного бытия...» [25, с. 124]. Гоголь же зачастую показывает искаженный, деформированный мир. К финалу «Миргорода» не остается места и эстетическому, ибо Иван Иванович и Иван Никифорович отвратительны в своей мелочности. Гоголь показывает итог отпадения человека от патриархальных традиций и христианских ценностей, что ведет к нарушению логики мироздания (это прозревается и ранее в гибели главных героев повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий»).

Список источников

1. Карасев Л. В. Гоголь в тексте. М.: Знак, 2012. 224 с.
2. Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2018. 264 с.
3. Никонова Н. Е. Переписка В. А. Жуковского и Ф. фон Мюллера как памятник литературы и культуры романтизма // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 38–66.
4. Лебедева О. Б. Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В. А. Жуковского «К Воейкову» // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 93–107.
5. Тодд У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
6. Тодд У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб.: Академический проект, 1996. 306 с.
7. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
8. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. 763 с.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 575 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. 697 с.
11. Тирген П. X. Amor legendi, или Чудо русской литературы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 671 с.
12. Брагина Н. Н. Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования). Иваново: Типогр. «ПресСто», 2007. 210 с.
13. Волоконская Т. А. Станные превращения в мотивной структуре малой прозы Н. В. Гоголя 1830–1840 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 23 с.
14. Бианки В. В., Держинский Ф. Я., Гринцевичене Т. И. Некоторые морфологические особенности гоголя (Bucephala clangula) как источник его адаптивных свойств // Зоологический журнал. 2009. № 8. С. 968–974.
15. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. Т. 11. Полутом 1. 760 с.
16. Дубровская С. А. Особенности смехового дискурса В. А. Жуковского // Интеграция образования. 2008. № 1. С. 113–117.

17. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с.
18. Арзамас: сб. в 2 кн. М.: Худ. лит., 1994. Кн. 2. 639 с.
19. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
20. Хомук Н. В. Художественная проза Н. В. Гоголя в аспекте поэтики барокко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 20 с.
21. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.; М.: Rugram Пальмира, 2022. 503 с.
22. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10. Кн. 1. 528 с.
23. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10. Кн. 2. 832 с.
24. Поплавская И. А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 378 с.
25. Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 285 с.

References

1. Karasev L. V. *Gogol' v tekste* [Gogol' in text]. Moscow, Znack Publ., 2012. 224 p. (in Russian).
2. Davydov A. P. *Dusha Gogolya. Opyt sotsiokul'turnogo analiza* [The soul of Gogol. Experience of socio-cultural analysis]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2018. 264 p. (in Russian).
3. Nikonova N. E. Perepiska V. A. Zhukovskogo i F. fon Myullera kak pamyatnik literatury i kul'tury romantizma [Correspondence of V. A. Zhukovsky and F. von Mueller as a monument of literature and culture of Romanticism]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and comparative studies*, 2019, no. 12, pp. 38–66 (in Russian).
4. Lebedeva O. B. Natsional'noye, imperskoye, kolonial'noye kak faktor chastnoy zhizni: poslanie V. A. Zhukovskogo "K Voyeykovu" [National, Imperial, colonial as a factor of Private life: V. A. Zhukovsky's Message "To Voeykov"]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and comparative studies*, 2017, no. 7, pp. 93–107 (in Russian).
5. Todd U. M. *Druzheskoye pis'mo kak literaturnyy zhanr v pushkinskuyu epokhu* [Friendly writing as a literary genre in the Pushkin era]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1994. 207 p. (in Russian).
6. Todd U. M. *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Literature and Society in the Pushkin Era]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 1996. 306 p. (in Russian).
7. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 760 p. (in Russian).
8. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh. Tom 2* [Complete works: in 14 vols. Vol. 2]. Moscow, AN SSSR Publ., 1937. 763 p. (in Russian).
9. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh. Tom 1* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 vols. Vol. 1]. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. 575 p. (in Russian).
10. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh. Tom 3* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 vols. Vol. 3]. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1995. 697 p. (in Russian).
11. Tirgen P. Kh. *Amor legendi, ili Chudo russkoy literatury* [Amor legendi, or the Miracle of Russian Literature]. Moscow, VShE Publ., 2021. 671 p. (in Russian).
12. Bragina N. N. N. V. *Gogol': simfoniya prozy (opyt analiticheskogo issledovaniya)* [N. V. Gogol: Symphony of prose (analytical research experience)]. Ivanovo, Tipografiya "PresSto" Publ., 2007. 210 p. (in Russian).
13. Volokonskaya T. A. *Strannyye prevrashcheniya v motivnoy strukture maloy prozy N. V. Gogolya 1830–1840 gg. Dis. kand. filol. nauk* [Strange transformations in the motivic structure of N. V. Gogol's Short Prose 1830–1840. Diss. cand. philol. sci.]. Saratov, 2014. 23 p. (in Russian).
14. Bianki V. V., Dzerzhinskiy F. Ya., Grintsevichene T. I. Nekotoryye morfologicheskiye osobennosti gogolya (Bucephala clangula) kak istochnik yego adaptivnykh svoystv [Some morphological features of gogol (Bucephala clangula) as a source of its adaptive properties]. *Zoologicheskii zhurnal*, 2009, no. 8, pp. 968–974 (in Russian).
15. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 11. Polutom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 11. book 1]. Moscow, YaSK Publ., 2016. 760 p. (in Russian).
16. Dubrovskaya S. A. Osobennosti smekhovogo diskursa V. A. Zhukovskogo [Features of the laughing discourse of V. A. Zhukovsky]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of education*, 2008, no. 1, pp. 113–117 (in Russian).
17. Gillel'son M. I. *Molodoy Pushkin i arzamasskoye bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad, Nauka, Leningradskoye otdeleniye Publ., 1974. 226 p. (in Russian).
18. *Arzamas: sbornik v 2 knigakh* [Arzamas: collection in 2 books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. Book 2. 639 p. (in Russian).
19. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 840 p. (in Russian).
20. Khomuk N. V. *Khudozhestvennaya proza N. V. Gogolya v aspekte poetiki barokko. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [N. V. Gogol's artistic prose in the aspect of Baroque poetics. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2000. 20 p. (in Russian).

21. Virolaynen M. N. *Rech' i molchaniye: Syuzhety i mify russkoy slovesnosti* [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. Saint Petersburg, Moscow, Rugram Pal'mira Publ., 2022. 503 p. (in Russian).
22. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 10. Kniga 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 10. Book 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 530 p. (in Russian).
23. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 20 tomakh. Tom 10. Kniga 2* [Complete works and letters: in 20 volumes. Vol. 10. Book 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 832 p. (in Russian).
24. Poplavskaya I. A. *Tipy vzaimodeystviya poezii i prozy v russkoy literature pervoy trety XIX v.* [Types of interaction of poetry and prose in Russian literature of the first third of the XIX century]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 378 p. (in Russian).
25. Yanushkevich A. S. *Ehtapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V. A. Zhukovskogo* [Stages and problems of V. A. Zhukovsky's creative evolution]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1985. 285 p. (in Russian).

Информация об авторе

Щуков Д. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Shchukov D. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 28.09.2022; accepted for publication 07.12.2022

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1' 37' 42' 38

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-143-146>

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е. А. БАЖЕНОВОЙ И В. И. ШЕНКМАН «ПОНЯТИЕ ШКОЛА И ЕГО ДИСКУРСИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ»

(Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. 192 с.)

Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, avb@tspu.edu.ru

Аннотация

Ключевая роль школы в жизни современного общества, ее значимость для образования и воспитания подрастающего поколения, важность анализа представлений о современной школе в обществе, необходимость разработки методики концептуализации понятия *школа* в массовом сознании обусловили актуальность исследования монографии Е. А. Баженовой и В. И. Шенкман.

Использовался описательный метод, включая приемы анализа, синтеза, сравнения и обобщения.

Научная новизна рецензируемой монографии обусловлена комплексным описанием содержания понятия *школа* на основе имеющихся стереотипных представлений носителей русского языка с опорой на различные источники, включая песенный дискурс и интернет-дискурс. Предпринятое авторами исследование выполнено в русле современной когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания на основе анализа понятия *школа* на современном этапе его осмысления носителями русского языка и в аспекте диахронии. Реализованный авторами комплексный подход на основе лексико-семантического, функционального, дискурсивного анализа лексических репрезентантов данного понятия, использование сопоставительного анализа их актуальных смыслов в контексте различных дискурсивных практик с узальной семантикой данных единиц на основе многочисленных лексикографических источников позволило авторам монографии выявить и глубоко и системно описать содержание понятия *школа*. В монографии определены основные тенденции в интерпретации понятия и динамика представлений о школе в коллективном сознании россиян, выявлены основные факторы, с которыми связаны данные изменения.

Использованный в монографии обширный эмпирический и лексикографический материал (52 словаря), опора на современные достижения лингвистики и лингвистическую методологию определяют достоверность и обоснованность полученных в исследовании результатов.

Книга Е. А. Баженовой и В. И. Шенкман в силу ее актуальности, теоретической и практической значимости будет востребована специалистами в области когнитивной лингвистики, дискурсологии, функциональной стилистики, в вузовской практике преподавания данных дисциплин, а также всеми, кто интересуется проблемами современного образования. Материал монографии представляет интерес для педагогов, психологов, социологов.

Ключевые слова: *школа, лексико-семантический и функциональный анализ, дискурс, дискурсивные реализации, песенный дискурс, интернет-комментарий, концептуализация понятия*

Для цитирования: Болотнов А. В. Рецензия на монографию Е. А. Баженовой и В. И. Шенкман «Понятие *школа* и его дискурсивные реализации» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 143–146. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-143-146>

REVIEWS

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY E. A. BAZHENOVA, V. I. SHENKMAN "THE CONCEPT OF SCHOOL AND ITS DISCURSIVE REALIZATION"

(Perm, Perm State National Research University, 2022. 192 p.)

Aleksey V. Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, avb@tspu.edu.ru

Abstract

The dominant role of the school in the life of modern society, its significance for the education and upbringing of the younger generation, the importance of analyzing ideas about the up-to-date school, the need to develop a methodology for conceptualizing the concept of *school* in the mass consciousness determined the relevance of the monograph by E. A. Bazhenova and V. I. Sherkman.

A descriptive method and methods of analysis, synthesis, comparison and generalization were used in the monograph.

The scientific novelty of the monograph is due to a comprehensive description of the content of the *school* concept based on the existing stereotypes of native speakers of the Russian language with use of various sources, including song discourse and Internet discourse. The study by E. A. Bazhenova and V. I. Sherkman was carried out in line with the modern cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge based on the analysis of the *school* concept at the present stage of its comprehension by Russian native speakers and in the aspect of diachrony. The integrated approach with lexico-semantic, functional, discursive analysis of the lexical representatives of this concept, the use of a comparative analysis of their actual meanings in the context of various discursive practices with the usual semantics of these units based on numerous lexicographic sources, allowed the authors of the monograph to identify and deeply and systematically describe the content of the concept of school. The monograph identifies the main trends in the interpretation of the concept and the dynamics of ideas about the school in the collective consciousness of Russians. The main factors that are associated with these changes were determined in the monograph.

The extensive empirical and lexicographic material used in the monograph (52 dictionaries), reliance on modern achievements in linguistics and its methodology determine the reliability and validity of the results obtained in the study.

The monograph by E. A. Bazhenova and V. I. Sherkman, due to its relevance, theoretical and practical significance, will be in demand by specialists in cognitive linguistics, discourse studies, functional stylistics, in the university practice of teaching these disciplines, as well as by everyone who is interested in the problems of modern education. The material of the monograph is of interest to teachers, psychologists, and sociologists.

Keywords: *school, lexico-semantic and functional analysis, discourse, discursive realization, song discourse, Internet commentary*

For citation: Bolotnov A. V. Retsenziya na monografiyu E. A. Bazhenovoy i V. A. Shemyakina "ponyatiya shkola i yego diskursivnyye ponyatiya" [Review of the monograph by E. A. Bazhenova, V. I. Sherkman "The concept of school and its discursive realization"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 143–146 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-143-146>

Введение

Тема рецензируемой монографии представляет интерес для всех, кто имеет отношение к сфере образования и науки. Это связано не только с многозначностью ключевого слова *школа*, но и с освещаемыми в исследовании проблемами рецепции данного понятия в массовом сознании носителей русского языка. Актуальность рецензируемой монографии обусловлена ее соответствием современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигме, а также необходимостью дальнейшей разработки методик концептуализации различных понятий в коллективном сознании на основе изуче-

ния и обобщения многочисленных дискурсивных практик отдельных индивидов с привлечением значительного эмпирического материала. Авторы монографии – ученые известной в России и за рубежом Пермской научной школы функциональной стилистики, специалисты в области теории текста и дискурса.

Результаты и обсуждение

Предложенная Е. А. Баженовой и В. И. Шенкман концепция включает комплексное описание содержания понятия *школа* на основе изучения большого количества лексикографических источ-

ников и имеющихся стереотипных представлений носителей русского языка с опорой на различные дискурсивные практики представителей русскоязычного социума, включая исследование песенного дискурса и интернет-комментариев.

Одно из достоинств рецензируемой монографии видится в прочной теоретической базе исследования, которой посвящена первая глава. Она включает глубокий анализ работ по дискурсологии и когнитивной лингвистике, представление различных точек зрения на ключевые понятия, актуальные для исследования, обоснование взятой за основу в интерпретации когнитивной картины мира концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина. В теоретическом обзоре истории вопроса также представлены основные работы по теории дискурса, начиная с 60-х гг. XX в., сделан акцент на интеграции когнитивного и дискурсивного анализа.

Освещению истории школы в России и анализу различных номинаций учебных заведений посвящена вторая глава книги, в которой анализируются функции школы как образовательного и социально-культурного института, анализируются этапы и стадии в истории образования от Древней Руси до наших дней с переходом на личностно ориентированное обучение в итоге. Дается обширный исторический экскурс, отражающий историю развития образования в проекции на номинаты ключевого понятия *школа* и всего, что с ним связано (*грамота, ученики* и т. д.). Исследование проводится на основе различных источников, включая анализ памятников древнерусской письменности и данных исторических словарей.

В третьей главе монографии представлен глубокий анализ на основе обширного лексикографического материала семантики слова *школа*, его этимологии и различных системных связей в узусе. Представлен глубокий этимологический и семантический анализ различных номинатов понятия (лексем и фразеологизмов), освещены их парадигматические связи, синтагматика и разветвленные деривационные связи. В итоге авторам удалось описать процесс наращивания семантической структуры многозначной лексики *школа*, выделить этапы появления у нее новых лексико-семантических вариантов, описать типы переносов наименования понятия и их отражение в произведениях художественной литературы. Глубоко описаны синонимы, включая контекстные; гипонимы, гиперонимы; рассмотрены особенности синтагматических связей, выявлены перифразы, включая заимствованные. Изучено и описано деривационное поле лексем (около 100 производных слов) и его структура, выявлена частотность единиц.

С опорой на материал Национального корпуса русского языка (более 8 800 высказываний) авторы

выявили и описали функциональную семантику деривата *школьный*, выделив лексико-семантические группы слов, с которыми чаще сочетается данное прилагательное. Проведенный анализ позволил определить различные оценки в информации о школе: нейтральные, позитивные и отрицательные (*обыденность, пошлость, серость, скука; теоретизированность, схоластичность* и др.) (с. 82). Интересно описание фразеологического поля понятия *школа*, включающего и жаргонизмы, и прецедентные тексты. Из проведенного авторами исследования становится очевидным вхождение лексики *школа* в активный запас носителей русского языка. Отметим тщательность и скрупулезность анализа богатого эмпирического материала, представленного в данной главе и в целом в рецензируемой монографии.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют четвертая и пятая главы книги, которые содержат исследование различных репрезентаций понятия *школа* в дискурсе массовых песен и в дискурсе интернета. Исследование проведено на новом материале, относящемся ко второй половине XX и XXI вв.

Рассмотрев репрезентации понятия *школа* в дискурсе массовых песен, авторы определили его особенности с учетом жанра песни в динамике на материале песен о школе второй половины XX и начала XXI вв. (проанализировано 465 детских, лирических, эстрадных песен, песен в стиле поп, рэп, шансон и др.). Это позволило установить особенности представлений о школе в песнях советского и постсоветского времени, определить тенденции в освещении школы, включая сохранение базовых представлений о ней и тематические, семантические и оценочные изменения в представлении об этом понятии в массовом сознании с учетом культурно-исторической и речевой динамики в обществе.

Пятая глава, посвященная репрезентации понятия *школа* в дискурсе рунета, содержит освещение истории вопроса о жанре интернет-комментария и анализ более 3 тыс. комментариев к 127 новостным статьям, посвященным проблемам школьного образования. Объектом внимания в этой главе стали вторичные и третичные тексты, включающие диалог с другими пользователями по школьной тематике.

Рассмотрение многочисленных дискурсивных реализаций понятия *школа*, их глубокий анализ позволили авторам монографии исследовать и описать актуальные для коллективного сознания пользователей интернета инвариантные значения ключевой лексики, а также систему дискурсивно обусловленных актуальных смыслов, выявить общую тенденцию к негативной оценке школы как источника знаний в интерпретации аноним-

ных пользователей рунета и некоторые аспекты положительных оценок (как функции социализации личности и воспитания), определить доминирующее в сознании русскоязычного социума представление об образах учителя и учеников в сопоставлении с советским периодом в образовании.

В целом отметим логичность общей композиции рецензируемой монографии, прекрасный стиль, следование общей авторской концепции в освещении представленного теоретического и эмпирического материала. Представленный в книге комплексный анализ дискурсивных реализаций понятия *школа* позволяет судить о концептуализации данного понятия.

Информация об авторе

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Bolotnov A. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University, (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Заключение

В современном научном контексте рецензируемая монография особенно актуальна и значима в русле глобального интереса к проблеме образования и просвещения. Полученные авторами результаты исследования могут применяться в учебной деятельности на занятиях по когнитивной лингвистике, стилистике, в спецкурсах по дискурсологии. Материал монографии представляет интерес для педагогов, социологов, психологов. Это издание отражает в определенной степени срез общественного мнения о динамике в сфере школьного образования и процессах, характерных для его современного этапа, и может быть интересно для широкого круга читателей.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 26.10.2022; accepted for publication 07.12.2022

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

